

Л. НОВИКОВ
А. ТАРАДАНКИН

Сказание
о "СИБИРЯКОВЕ"

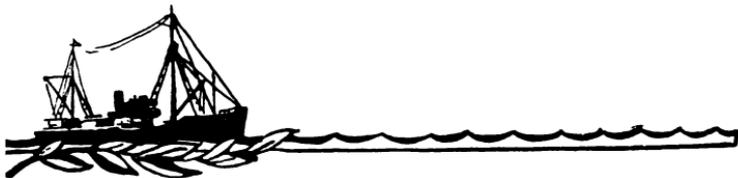
Л. НОВИКОВ
А. ТАРАДАНКИН

Сказание
о "СИБИРЯКОВЕ"

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
"Молодая гвардия" 1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

МНЕ довелось всю Великую Отечественную войну командовать Северным флотом — быть в центре событий, имевших место на море во время войны. «Сказание о «Сибирякове» — повесть документальная: события, описанные в ней, происходили в действительности.

Может быть, некоторые картины, описанные в повести, и являются художественным домыслом авторов, но и они основаны на фактах, имевших место в жизни.

В те суровые годы советский народ отстаивал свои завоевания, свободу и независимость Родины, не щадя своей крови и самой жизни. О многих замечательных подвигах наших людей хорошо знают в народе. О них написаны книги, сложены песни.

Но не каждый подвиг становится широко известным сразу. Одним из таких подвигов были действия экипажа ледокольного парохода «А. Сибиряков».

Бывают бои, стычки, когда меньшее количество людей с плохим оружием сражается с более сильным противником и побеждает. У «Сибирякова» не было этого шанса. В сравнении с вооруженным до зубов фашистским линкором «Адмирал Шеер» ледокольный пароход выглядел просто жертвой. Но в Арктике находилось много советских судов, которым угрожала встреча с «Шеером». Командир «Сибирякова» старший лейтенант А. А. Качарова, все члены экипажа понимали, что от них зависело задержать на какое-то время вражеский корабль, оповестить о нем всю советскую Арктику. Сибиряковцы знали, что это они могут сделать лишь ценой собственных жизней. И они без колебания пошли на верную гибель. Преданность Отчизне, высокое чувство долга перед Родиной, любовь к ней — вот что руководило экипажем советского ледокольного парохода и в первую очередь его командиром.

Нельзя сравнивать бой «Шеера» и «Сибирякова» с поединком между Голиафом и Давидом. Нельзя даже говорить всерь-

ез о бое или о поединке. Более уместно сравнить действия сибиряковцев с подвигом Александра Матросова. Только это был коллективный подвиг и тем он особенно дорог.

На Северном флоте, как и на других, было совершено немало героических дел. Но почти во всех случаях имелся хотя бы маленький шанс на счастливый исход. Сибиряковцам не на что было рассчитывать. И тем ярче становится героизм людей, принесших себя в жертву во имя победы над врагом. В мужественном поведении их сказалась огромная воспитательная работа нашей Коммунистической партии, ленинского комсомола.

В «Сказании о «Сибирякове» показано поведение капитана американского парохода «Винстон-Сален». Это судно после разгрома Семнадцатого конвоя добралось до Новой Земли. Дальше капитан его отказывался идти и выбросил пароход на мель. Сравните поведение А. Качаравы с позорными действиями капитана американского судна. У вас сложится впечатление о представителях двух миров, двух мировоззрений.

Гитлеровцы тщательно изучали советскую Арктику еще до войны. В 1939 году капитан первого ранга Пауль Вебер, рассматривая возможности морских операций в Арктике, писал, что период навигации в этих водах очень мал, всего три месяца. Именно в это время, утверждал Вебер, «здесь возможна очень крупная добыча». Эти его прогнозы появились в открытой печати. И, несомненно, в секретных документах гитлеровцами было собрано много подробных данных об Арктике.

Вспомним теперь бой у острова Диксон. Конечно, располагая такими данными, командир «Шеера» Меенсен Болхен не сомневался в том, что ему удастся уничтожить огнем своих 11-дюймовых орудий все, что было на острове. Но на Диксоне находились советские люди, такие же стойкие, как и сибиряковцы. Вот этого-то и не учли немецкие стратеги. И операция «Вундерланд» («Страна чудес») провалилась.

Ведь сухопутные 152-миллиметровые пушки, два слабо вооруженных парохода — «Дежнев» и «Революционер» — не могли явиться серьезной помехой для линкора. Однако успех войны решают не только пушки и техника, а прежде всего люди. Советские патриоты с меньшим вооружением смогли дать достойный отпор врагу. «Шеер» не решился продолжать операцию «Страна чудес». Он счел невозможным получить «большую добычу», о которой еще до войны писал Вебер.

«Сказание о «Сибирякове» — это сказание о советских людях, об их мужестве, об их чувстве долга, об их преданности своей социалистической Родине.

Авторы повести проделали большую, нужную и хорошую работу. Сибиряковцы заслужили, чтобы весь советский народ знал об их подвиге.

Адмирал А. Г. ГОЛОВКО

ЛЕДОКОЛ-ВОИН

БЕЛОЕ МОРЕ

О ПЯТЬ летят, — глядя из-под ладони в небо, мрачно сказал Петр Гайдо. Он выругался, швырнул за борт окурок и быстро взбежал по трапу на верхний мостик, где у зенитного пулемета уже хлопотали два матроса. Ему, старшему судовому радисту, по боевому расписанию надлежало быть здесь, в пулеметном расчете. Сверху хорошо были видны полубак с двумя маленькими пушками, носовая палуба и на ней переступающие с ноги на ногу солдаты в новеньких топорщащихся шинелях.

Все смотрели в одну сторону, туда, где над горизонтом появились четыре черные точки. Самолеты быстро приближались. Они перестроились один в след другому и стали заходить на атаку.

— Батальон, по самолету противника пятью заряжай! — послышалась внизу команда.

Над солдатами взметнулся лес тонких вороненых стволов, зашелкали затворы.

— Залпом пли!

Корабль ошметинился огнем. Хлопающие выстрелы винтовок, сбивчивый стрекот пулеметов как бы создавали фон для густых баритонов пушек.

Первый самолет прошел на бреющем полете несколько правее парохода. С мостика можно было различить за стеклами кабины голову немецкого летчика в блестящем кожаном шлеме. Две бомбы плюхнулись в море метрах в полтораста от правого борта. Второй «юнкерс» промчался еще ниже, также не причинив вреда кораблю.

И тут к оглушающей трескотне выстрелов вдруг прибавился гул голосов.

— Гляди, Петя! — крикнул в самое ухо Гайдо матрос Иван Малыгин. — Гляди!

Третий фашистский стервятник, припадая на левое крыло, уходил в сторону, тяжело ревя моторами. За ним тянулась черная полоска дыма. «А ведь подбили!» — все еще не веря глазам, подумал Гайдо. И сразу стало легко на сердце.

Где-то впереди, опять в воду, упали бомбы. Фашисты начали новую атаку. Но ее уже никак нельзя было сравнить с первой, наглой и самоуверенной. Теперь самолеты шли на значительной высоте, их смертоносный груз ложился вдали от корабля. Казалось, судно чувствовало, где упадут бомбы, и предусмотрительно отворачивало от них.

Наступило небольшое затишье. Петр повернул голову и увидел рядом на мостике командира корабля, старшего лейтенанта Анатолия Алексеевича Качараву. Перегнувшись через перила, тот наблюдал, как затухают в море кипящие водяные смерчи разрывов. Потом Качарава посмотрел в небо и скомандовал в машинное отделение: «Полный вперед!»

Только теперь Гайдо понял, почему так лихорадило корабль: избегая немецких бомб, он то и дело менял курс, останавливался и снова набирал скорость. Все это удивительно спокойно заставлял его делать стройный человек, который стоял рядом. Он словно желал убедиться, насколько послушен старый ледокольный пароход.

Вдруг командир обернулся и, вскинув руку вверх, весело крикнул пулеметчикам:

— Наши идут!

Лицо его улыбалось, смеялись прищуренные глаза, щеки с темными точками ямочек, густые подвижные брови. И всем тоже стало весело. Заулыбались и Гайдо, и Малыгин, и матрос Саша Алферов. Радость передалась и солдатам на палубе. Все затаив дыхание следили, как появившиеся невесть откуда две маленькие краснорозетные машины смело ринулись на врага. В высоте застучали пулеметные очереди. Истребители разом нырнули вниз, к самой воде, и, разойдясь, снова устремились к небу, туда, где, набирая высоту, уходили на запад «юнкерсы». Несмотря на численное превосходство, фашисты, видимо, не хотели принимать боя. Потеря самолета, бесцельно истроченные бомбы — слишком дорого обошелся налет на такое неказистое в виду судно.

На мостик не спеша поднялся среднего роста человек в шинели морского офицера, с нашивками политука. Это был комиссар Зелик Абрамович Элимеллах.

— Ну, как чувствуете себя здесь, на верхотуре? — спросил он у пулеметчиков и, не дожидаясь ответа, добавил: — Лихо отбрили немца. А вот кто самолет сбил, и неизвестно.

— Надо жребий бросить, — сострил Гайдо. — На кого выпадет, тому двойной компот.

— И то верно, — рассмеялся Элимеллах. — Анатолий Алексеевич, — обратился он к командиру, — видел, как ловко все получилось?

— Только одним глазом, комиссар, а другим глядел, как бы под бомбу не угодить, — шутливо ответил Качарава и добавил:

— Как думаешь, Зелик, на сегодня они угомонятся? Темнеет уже.

— Устал?

— Спать хочется зверски. Три налета за сутки, я тебе скажу, — это многовато.

— Иди прикорни на часок. Мы тут без тебя управимся. Вон Сулаков идет.

Несмотря на уговоры комиссара и старшего помощника Георгия Петровича Сулакова, Качарава наотрез отказался уйти в свою каюту.

— Часа через четыре войдем в залив, а там и Кемь, — сказал он. — Вернемся в Архангельск, тогда отоспимся. Посмотрели бы лучше на себя, тоже как судаки вареные.

Сулаков ухмыльнулся, пошевелил мохнатыми усами и достал трубку.

— А курить спустимся в рубку, — заметил Качарава. — Не будем подавать команде дурной пример.

Он глянул на палубу. В сумерках хорошо были видны розовые огоньки сигарок. Солдаты все еще обсуждали подробности недавнего боя и нещадно чадили махоркой.

— Передайте командиру батальона, — сказал Качарава вахтенному матросу, — курить на палубе запрещаю. Не время сейчас. Огонь папиросы что маяк, далеко виден.

Через несколько минут в рубку вошел коренастый круглолицый офицер с двумя шпалами на петличках. По-волжски окая, он сказал, что курение прекращено. Разговорились, комбат оказался человеком бывалым, на фронт ехал третий раз, уже дважды отлеживался в госпиталях после ранений. До этого сражался на южных фронтах, а теперь приехал воевать на Север. На Кольском полуострове он не бывал, поэтому все его здесь интересовало. И моряки охотно рассказывали офицеру о суровом крае, о делах на фронте.

Корабельные склянки возвестили поздний ужин. Качарава пригласил комбата в кают-компанию, но тот, поблагодарив, отказался:

— Я уже приглашен. Есть у вас тут на «Сибирякове» боцман, Андрей Павловский, геркулес такой. Во время налетов воевали на палубе вместе. Так вот, обещал я с ним чайку попить.

— Чайку ли? — улыбнулся Элимелак...

Ледокольный пароход «А. Сибиряков»* был одним из старейших судов советской Арктики. В студеных морях, омывающих берега страны, его знали

* Водоизмещение — 1383 регистровые тонны, длина — 73,4 метра, ширина — 10,9 метра.

все. Трудно назвать порт, поселок, полярную станцию, где бы не побывал этот корабль-работяга. К нему относились с особым почтением и лаской, как к старому, испытанному другу. Стоило ледоколу показаться на горизонте, старожилы, научившиеся безошибочно определять корабли по силуэтам, радостно объявляли: «Саша» ползет! Айда встречать!»

Ветераны Арктики, знавшие историю Севера, как свою биографию, перечисляли заслуги старого ледокола. Вспоминали, как в двадцать первом году ходил он сквозь льды из Архангельска в сибирские порты за пшеницей для голодающих центральных губерний молодой Советской республики. Ходил «Сибиряков» и таскал на буксире четырехмачтовый парусник, трюмы которого также заполнялись зерном. Не хватало тогда угля, берегли топливо, вот и пригодился парусник. Вспоминали люди, где какую станцию высаживал «Сибиряков», что привозил, кто куда плывал на нем. И тут уже обязательно заходил разговор о 1932 годе, когда ледокол совершил замечательный рейс, о котором писали все газеты мира.

В июле тридцать второго года получил «Сибиряков» труднейшее правительственное задание — пройти от берегов Белого моря в Тихий океан Великим северным морским путем за одну навигацию. До той поры это считалось невозможным. Суда, как правило, находились в дороге два, а то и три года, зимовали в сибирских портах*.

* Небезынтересно напомнить, что именно здесь, в Поморье, зародилась идея о возможности плавания на восток, в Китай, Северо-Восточным проходом. Эту мысль еще в XVI веке высказал в беседе с итальянским историком Пауло Дживно московский посол в Риме Дмитрий Герасимов. В подтверждение своих слов Герасимов показал Дживно чертеж Севера России, который считается самой древней картой Ледовитого океана. В конце XIX века выдающийся полярный исследователь А. Норденшельд, совершивший поход из Европы на Дальний Восток по Северо-Восточному проходу за две навигации, заявил, что нецелесообразно использовать этот морской путь в качестве транспортной дороги. Многие иностранные ученые считали, что плавание по Северо-Восточному проходу за одну навигацию исключено. И только советские полярники верили в будущее арктической трассы.

Ледоколом командовал в ту пору знаменитый полярный капитан Владимир Иванович Воронин, потомок древнейших русских мореходов-поморов. Начальником экспедиции назначили известного советского ученого Отто Юльевича Шмидта. В конце июля «Сибиряков» вышел из Архангельска, на шестой день бросил якорь у острова Диксон, заправился углем и тронулся дальше, к Северной Земле. Там на маленькой станции два года зимовали четыре полярника. Они составили новую карту острова. Как только она попала в руки Воронина, он принял смелое решение проложить новую дорогу для судов — идти на восток, обогнув Северную Землю.

В море Лаптевых «Сибиряков» начал сражение с тяжелыми льдами. Продвигался медленно. В судовом журнале часто можно было прочесть: «За вахту пробились на четверть корпуса». Много трудностей перенесли славные участники экспедиции.

Когда «Сибиряков» миновал мыс Онман и уже пережил серьезную аварию — поломку лопастей винта, случилась новая беда. 18 сентября отломился конец гребного вала, который вместе с винтом пошел ко дну. «Сибиряков» стал игрушкой течений и ветров.

Судно дрейфовало в направлении к мысу Дежнева. Через три дня лед неожиданно стал двигаться в обратном направлении, а вместе с ним — судно. Сибиряковцы пытались удержаться на месте при помощи якоря, но безуспешно. Тогда моряки пустились на хитрость: когда подул попутный ветер, они сшили из брезентов паруса и поставили их. Корабль принял фантастический вид.

Задание Родины было выполнено с честью. В ночь на 1 октября корабль вошел в Берингов пролив.

Когда «А. Сибиряков» прибыл в Петропавловск-Камчатский, в адрес экспедиции пришла радиogramма руководителей партии и правительства. В ней говорилось:

«Горячий привет и поздравление участникам экспедиции, успешно разрешившим историческую зада-

чу сквозного плавания по Ледовитому океану в одну навигацию.

Успехи Вашей экспедиции, преодолевшей невероятные трудности, еще раз доказывают, что нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевистская смелость и организованность».

Проложил путь «Сибиряков», и с той поры вот уже десять лет ходили караваны советских судов великой ледовой дорогой. А как пригодилась она теперь!

Многое изменила война в размеренной жизни советского Севера, очень многое. Вот и «Сибиряков», рожденный для мирных трудов корабль, стал воином. На нем появились зенитные пулеметы и четыре орудия: семидесятишестимиллиметровые поставили на корме, а на носу — «сорокапятки». Экипаж пополнился артиллеристами, которыми командовал лейтенант комсомолец Семен Никифорова, человек смелый и горячий. И новые люди как-то сразу вошли в коллектив, признали традиции сибиряковцев, а морякам стало казаться, что было так всегда, что боевые веселые артиллеристы — давние члены их дружной семьи. Капитан Качарава получил звание старшего лейтенанта и стал теперь командиром. Впрочем, за исключением военной команды, его все, как и прежде, называли по-штатскому — капитан.

Ходил теперь «Сибиряков» по Белому морю, возил снаряды, продукты, войска. Случалось, не везло другим судам в военных рейсах, искалеченными возвращались они в порт. Посылали «Сибирякова»: «Он проскочит». И «Сибиряков» проскакивал, выходя целым и невредимым из очень сложных, порой крайне рискованных операций.

В Кеми быстро ошвартовались. Зазвучали команды:

— Первая рота, выходи на берег. Вторая — приготовиться. Сержант Торопов, к комбату! Сержант То-ро-пов!

Команда ледокола вышла провожать солдат. Они сбегали по узким досочкам сходней и растворялись в темноте.

— Спасибо, командир, — подошел к Качараве комбат. — Хорошо доехали. И вам, товарищи, спасибо, — обратился он к стоящим тут же морякам. — Может, еще свидимся.

— Обязательно свидимся, — ответил за всех Элимелах.

— Товарищ комбат, — раздался рядом зычный бас. — Тут кто-то котелочек утерял, может быть, хозяин найдется?

Из темноты выступила грузная фигура боцмана Павловского. Он протянул офицеру котелок, который почти целиком умещался на широкой его ладони. Для убедительности осторожно осветил находку электрическим фонариком.

— Вот растеряхи, — смущенно сказал комбат. — Молодежь ведь.

Не дожидаясь рассвета, «Сибиряков» отправился в Архангельск. Теперь на борту его были раненые, путь которых лежал в далекий тыл. Подсадили и группу рыбаков. Их артель вела промысел в Баренцевом море, в котором лов рыбы не прекращался, несмотря на опасность встречи с вражескими подводными лодками. Рыба была сейчас особенно нужна стране.

Поднимался ветер. Ох, как некстати был он! Волны все сильнее и сильнее качали судно. Моряки с досадой думали о том, что море разыграется не на шутку. И не о себе были заботы, а о тех, кто лежал на носилках в кубриках и трюмах корабля.

Не спалось Элимелаху, которого Качарава с трудом уговорил пойти отдохнуть. Нервы, натянутые до предела заботами минувших суток, не могли успокоиться. Неожиданно зашало сердце. Еще в Кеми Зелик Абрамович почувствовал вдруг резкую, шемящую боль в груди. Правда, она скоро прошла, а вот сейчас сердце снова дало о себе знать. «Не вовремя, очень не вовремя расклеился ты, комиссар», — выговаривал он себе.

Элимелах встал, надел китель и отправился на нижнюю палубу. Шел, широко расставляя ноги, придерживаясь руками за переборки узких проходов, — при сильной бортовой качке ходить нелегко.

В кубриках, куда поместили тяжелораненых, стоял дурманящий, тот особенный запах, который при-
сух операционным и перевязочным. Пахло кровью,
бинтами, спиртом, хлороформом. Бледные, осунувшие-
ся солдаты старались крепиться, чтобы лишний раз
не беспокоить врачей и санитаров. Но иногда боль
становилась невыносимой, и тогда раздавались сдер-
жанные стоны.

В одном из кубриков Зелик Абрамович нашел ра-
диста Анатолия Шаршавина и шифровальщика Ми-
хаила Кузнецова, секретаря комсомольской органи-
зации судна.

— Санитары не управляют, мы тут помогаем,—
тихо объяснил Кузнецов комиссару. — А вот тому
парню очень плохо, с ним все время врач.

— Правильно, Миша, молодцы, — качнул головой
Элимелах.

Шаршавин, став на колени у койки, поддержи-
вал ладонью голову больного. Шторм кидал па-
роход с борта на борт, и раненых это сильно беспо-
коило.

— В соседнем кубрике Алферов, Жеребцов, сиг-
нальщики Алексеев, Новиков, Синьковский, — про-
должал комсорг. — Сменились с вахты и тоже де-
журят. Все комсомольцы тут, кроме Дмитриева. Его
укачало. — И, как бы оправдываясь за товарища,
матрос добавил: — Он ведь после болезни...

— Ладно, ладно, все хорошо. Скажи, дорогой,
в какой кубрик мне идти, раз ты этим делом руко-
водишь?

Уважают моряки кочегаров. Кормить углем ды-
шащие жаром топки — дело трудное: нужны и
большая физическая сила, и тренировка, и привыч-
ка. Простоять вахту в котельной, да еще в шторм,
возьметься не всякий. А бывает, приходится подме-
нить товарища.

Занедужилось в этот раз Лене Дмитриеву. Такой
здоровый, крепкий парень, а тут вдруг закачало. На-
верно, потому, что неделю хворал. Вышел как-то из
котельной на палубу разгоряченным, обдало холод-

ным ветром, и простыл кочегар. Теперь-то вроде и поправился, но тревожные сутки и шторм снова свалили его. Сначала не поддавался и вместе с Чечулиным шуровал у топки, потом затошнило, повалился на уголь и скис совсем.

Произнес виновато:

— Не могу, Николай Федорович, что хочешь делай.

— Надо бы Деду сказать, — ответил Чечулин.

— Позвони, друг.

Через несколько минут старший механик Николай Григорьевич Бочурко спускался вниз. Следом за ним шел ученик машиниста, большеглазый круглолицый паренек, и о чем-то просил.

— Сказал — не разрешаю, и все. Идите, Прошин, в кубрик, — сердито обрезал Бочурко.

Но юноша не спешил выполнять приказание, остановился у трапа и стал ждать. Старший механик подошел к Дмитриеву, о чем-то тихо спросил, потом похлопал кочегара по плечу, подал руку, помог подняться.

— Отлежись, пройдет, это бывает. — И тут же строго крикнул притихшему юноше: — Ну, чего смотрите, Прошин? Помогите товарищу, проводите в кубрик.

— Есть, — встрепенулся тот и, уже поднимаясь по трапу, обернулся и еще раз спросил: — Разрешите?

— Вот ведь привязался! — вопросительно глядя на Чечулина, проворчал Бочурко. — Может, и вправду разрешить? Как, Николай Федорович, возьмешь его в напарники?

— Да уж возьму.

— Ладно, Юра, переодевайся.

Бочурко дождался, когда вернулся Прошин. Как у заправского кочегара, на голой его шее был повязан цветастый платок. Не говоря ни слова, он взял лопату и встал рядом с Чечулиным.

— Ну, подкинули, что ли? — улыбнулся тот. Набрал в совок угля и, сделав три быстрых шага, легко швырнул его в красную пасть топки.

Вахта продолжалась.

ПОНАЧАЛУ кто-то из моряков назвал его «Младен — большие глаза». Так и пристала кличка. Когда появился на «Сибирякове» Юра Прошин, точно никто бы не сказал. Просто однажды увидели моряки на палубе кареглазого паренька.

— Ты кто такой? — спросили его.

— Юра.

— А чего тебе здесь, Юра, нужно?

— Буду с вами плавать, учиться на машиниста, — с легким армянским акцентом без тени смущения ответил юноша.

— Да ты же еще младенец. Сколько лет-то?

— Уже паспорт получил.

— Ух, ты! — рассмеялись матросы. — Ну, тогда человек взрослый. Куришь?

Юра отрицательно мотнул головой.

— И водку не пьешь?

Щеки Прошина стали пунцовыми. Он понял, что над ним смеются. Резко повернулся и убежал в кубрик.

— Обидчивый, — сказал кочегар Павел Вавилов. — Вы, ребята, не очень... Любить вас не будет.

Но Юра быстро забыл этот разговор. И хоть порой его называли Младенем, больше не обижался. Он не мог не почувствовать, что в груди этих суровых и с виду сердитых людей билось доброе, отзывчивое сердце. Те, кто был старше, относились к нему по-отечески, потому что на берегу и у них были дети. Думали люди о доме, и хотелось им найти в юноше близкое, знакомое, что бы сгладило хоть немного тоску по семье. Вот и находили в Юре сходство со своими пострелятами.

Как-то зазвал Прошина к себе в кубрик командир носовых орудий старшина Василий Дунаев. Долго рассказывал о сыне Генке, а потом показал свою фотографию, на которой снят был в форме военного

матроса, на лоб чуть надвинута бескозырка с надписью «Северный флот».

— Вот хочу Генке послать эту карточку на память об отце. Как ты думаешь?

— Можно, — согласился Прошин. На обороте увидел надпись, спросил: — Можно прочесть?

— Читай, читай, зук*.

И Юра прочитал: «На долгую добрую память сыну Геннадию Васильевичу от папы В. М. Дунаева. Гена, не рви и не мни, а храни».

— Ну как? — спросил артиллерист.

— По-моему, хорошо.

— Тогда пошлю. Я с тобой просто посоветоваться хотел, ну, как с молодым, что ли, поколением. Значит, говоришь, понравится ему такая фотокарточка?

— Непременно.

Дунаев нежно потрепал черные Юрины вихры. По-иному относились к Прошину молодые моряки. Те были понятней, ближе, и в разговоре с ними Юра чувствовал себя не таким уж мальцом. Кузнецов, узнав о способности парня к рисованию, немедленно приобщил его к выпуску боевых листовок, поручил вести карту боевых действий на фронтах. Сводки были неутешительные: красную извилистую ленточку все еще приходилось передвигать на восток.

Как правило, сводки принимали по радио Петр Гайдо или Анатолий Шаршавин. С ними Юра близко подружился, особенно с Анатолием. Нравился он Прошину веселым нравом, острыми шутками, страстной приверженностью к технике, которую Юра тоже любил. О технике радист мог беседовать часами, фантазировать, какая она будет, ну, допустим, через сто лет. Шаршавин постоянно что-то мастерил, совершенствовал, выдумывал. Когда у Юры выдавалась свободная минута, он бежал к товарищу.

Иногда на Шаршавина находило лирическое настроение. Тогда он доставал из чемодана клеенчатую тетрадку, куда записывал полюбившиеся ему стихи,

* Зук — поморское название юнги.

и читал их вслух. Читал выразительно, вкладывая в слова всю душу. Порой мурлыкал песни. Громко петь не решался, сетуя на отсутствие «абсолютного» музыкального слуха. И поскольку пора была военная, пел «Каховку», «За далекою Нарвской заставой» или «Уходили комсомольцы на гражданскую войну». Юра подтягивал, и мелодия сразу звучала стройнее.

— Хороший у тебя голос, — завидовал Анатолий. — Только ты как-то по-кавказски слова выговариваешь.

— А это потому, что я в Армении долго жил. Отец на железной дороге работал. Мать рассказывает, что я сначала по-армянски лучше говорил, чем по-русски.

Шаршавин смеялся:

— Вот здорово!

Как-то задумался и спросил:

— А красиво небось на Кавказе? Сам знаю, красиво! Жалко, что не побывал в тех местах. Теперь война — значит, не скоро побываю. Я, Юра, и дом-то свой плохо помню, так уж случилось. Воспитали меня, брат, Родина да комсомол.

— Что же, значит, у тебя никого и нет?

— Как нет? Друзей у меня много. А еще есть подруга, хорошая такая дивчина Нина, на полярной станции Тикси радисткой работает.

Эту свою сердечную тайну Анатолий поверял не всем. А Прошину что же не сказать, он как младший брат и подтрунивать не станет.

Однажды во время рейса зашел Юра в радиорубку, когда там дежурил Шаршавин. Анатолий сидел с наушниками и что-то записывал. Увидев Прошина, показал рукой: садись и жди. Кончил принимать, обернулся.

— Вот и с Архангельском поговорил. Теперь цифирки Кузнецову передам, а он расшифрует для капитана. Нравится тебе моя работа?

— Интересная.

— Интересная, брат, не то слово. Величайшая вещь радио. Включишь — и весь мир слышишь, как демон. Знаешь, Лермонтов писал? Так этот самый демон всю землю с высоты видел. А я слышу и дру-

зей своих по голосу узнаю. Ты вот, скажем, наденешь наушники, пипикает что-то: точка-тире, тире-точка. А для меня это музыка. Сразу назову, какой радист в эфир вышел.

Шаршавин выразительно подмигнул.

— И есть, Юра, один голосок, который я из тысячи узнаю. Сердце останавливается, чтобы стуком своим не мешать.

— Нина? — нерешительно спросил Прошин.

— Она, — кивнул головой Анатолий. — И такая, знаешь, досада. Настроился бы на знакомую волну, поговорил по душам, а нельзя. Военное время, порядки строгие. По личному вопросу ни-ни. Хочешь, тебя радиodelу учить буду? — неожиданно предложил Анатолий.

— Я, Толя, уже занимаюсь с Николаем Григорьевичем. Машину нашу изучаю. Еще он мне математику и физику преподает. Давай потом, через годок.

— Потом... Эх, ты... — обиженно фыркнул Шаршавин. — Не понять тебе романтики вольных сынов эфира. Иди изучай свою машину и ешь кашу с сахаром.

— Ну и буду есть! — в свою очередь, обиделся Юра и стремглав вылетел из рубки.

Сахар в каше. По этому поводу моряки подтрунивали над Прошиным чуть ли не с первых дней его появления на пароходе. Неделю он молчал, а потом не выдержал и, улучив минутку, зашел на камбуз к старому сибиряковскому коку Зайцевскому.

— Сергей Михайлович, скажите, правда, что вы мне кашу сахаром посыпаете, потому что я тут самый молодой? Вроде как ребенку?

Широкое доброе лицо Зайцевского расплылось в улыбке.

— Шутки они с тобой шутят, Юрочка. Просто тебе по норме положено, потому как ты некурящий. Это закон такой. Не обращай внимания, ешь себе на здоровье.

После такого объяснения Прошин было успокоился, но разговор с Шаршавиным снова вывел его из равновесия. Прямо из радиорубки Юра ринулся на камбуз. Зайцевский полез в шкаф, нашел толстую

папку и долго перебирал какие-то бумажки. Наконец нашел то, что искал, и показал Прошину:

— Гляди, выписка из военного приказа. А пароход наш поставлен на все виды военного довольствия. Что здесь говорится? Не куришь — получай сахар.

— Сергей Михайлович, ну его, приказ! Вы мне больше сахар не кладите.

— Вот те на! Приказ, значит, нарушать? Нет, сынок, этого я не могу, я солдат. И коли уж мне поручили, кому что класть, так оно и будет.

Увидев, как рассердился старый повар, Юра робко попросил:

— А можно, раз уж положено, этот самый сахар отдельно выдавать, чтобы не видели.

— Ты бы так и сказал сразу, — потеплел Зайцевский. — Так и будем делать.

— Спасибо, Сергей Михайлович, а я им еще докажу, что я вовсе не Младен, вот увидите.

Сдав вахту в котельной, Прошин вымылся под душем и вместе с Чечулиным поднялся в кубрик. Матросы вопросительно глянули на кочегара. Тот кивнул: дескать, все в порядке — и ласково сказал юноше:

— Локоть-то перевяжи, чтобы не саднило. На-ка вот бинтик чистый.

Дмитриев приподнялся на койке.

— А мне, братцы, уже полегчало, хотел идти подменять. Иди-ка сюда, Юра, я тебе руку забинтую. Упал, что ли? Бывает, со всеми бывает, когда шторм. Он, кажется, утихает, вот и мне лучше.

Через полчаса Чечулин с Прошиным сидели в столовой. Зайцевский сам угощал своих любимцев. Кок с интересом расспрашивал, как прошла вахта. После жаркой лапши подал душистую пшеничную кашу, щедро сдобренную сливочным маслом. Поставил тарелки на стол и, подойдя к Юре, таинственно из-за спины подал ему маленький бумажный кулечек. Юра посмотрел на Чечулина. С невозмутимым видом тот деловито орудовал ложкой. И Прошин решил. Он понял, что испытания уже позади, что сахар сегодня

будет особенно сладким и никто не позволит себе обычной шутки. Юра улыбнулся и сказал:

— Сыпьте, Сергей Михайлович, чего уж там, раз по норме положено.

Прошло немногим больше полугода, как Елизавета Александровна проводила сына на пароход. Велик ли срок, а сколько событий! Из Мурманска пришлось со всей семьей ехать в Архангельск: туда перевели Мурманское арктическое пароходство, где служила Прошина. Нелегким делом оказалось найти квартиру для такого семейства: на руках двое детей и мать-старушка. Был бы дома Юрочка, помог бы.

Тосковало сердце по сыну: как-то он там, не обижают ли, сыт ли, не захворал ли? В Архангельске не сколько раз Елизавета Александровна наведывалась в порт, но получалось как-то нескладно: «Сибиряков» либо уже выходил из гавани, либо отваливал от причала. Пароход был почти всегда в пути.

Только один разочек удалось матери повидать Юру. «Сибиряков» медленно отходил от стенки, сын что-то кричал с палубы, но она уже не могла разобрат. Тогда он принялся объяснять знаками, махал руками, показывал товарищам на берег, где она стояла. И она поняла. Юра говорил, что все у него в порядке, не беспокойся, дескать, а друзьям объяснял: это моя мама.

Легко сказать — не беспокойся! Но разве могла она не тревожиться, не думать о нем? Ведь в опасные рейсы ходит, к фронту. Рассказывают, фашистские самолеты на корабль налетали. Как же там Юра-то?

В этот день утром Прошина позвонила в порт. Узнала, что ночной шторм, видимо, задержал «Сибирякова» и он придет позже. В полдень отпросилась у начальства, пошла встречать. Издали увидела знакомый силуэт корабля. «Сибиряков» уже стоял у стенки. Ноги сами бегом понесли ее по причалу. И вдруг она услышала громкий, усиленный эхом голос:

— Юрий, переоденься быстрее, твоя мамаша идет! Сердце забилося учащенно.

По трапу спускался стройный паренек в новой робе и надетом набекрень черном берете. В таком наряде она видела сына впервые. «Как похож на отца, и как повзрослел он за эти месяцы!» Елизавета Александровна обняла его, ласково теребила волосы, гладила плечи сына, теплые его щеки. А Юра стоял и смущенно переступал с ноги на ногу.

— Не надо, мам, люди смотрят...

ПОМОРСКИЙ СКАЗ

БОЛЬШЕ года Элимелах не виделся с родными, с женой. На скорую встречу с ними трудно было и надеяться. Война разметала людей. Четыре брата сражались на фронтах. А мать? О ней он ничего не знал вот уже больше года. Она не успела эвакуироваться и осталась там, на захваченной врагом территории, в маленьком белорусском местечке Носовичи. Жена Маша вместе с предприятием эвакуировалась в Казахстан. А ему вверили людей, присвоили воинское звание, и теперь надолго каюта на «Сибирякове» должна была стать его домом.

Правда, был еще один дом, в котором Зелик Абрамович всегда находил сердечный прием, отдых, тепло дружеского слова. Это дом Николая Григорьевича Бочурко, большого задушевного друга. Семья старшего механика — жена Мария Петровна и маленькая дочка Нонна — всегда радовалась приходу Элимелаха.

Мария Петровна, зная, как истосковался человек по домашнему очагу, старалась занять его разговорами о самых простых, обыденных вещах; советовала, какие книжки почитать вслух дочери, показывала свои вышивки, сетовала, что трудно стало доставать мулине. А иногда, подмигнув мужу, оставляла дядю Зелика наедине с Нонной. И тут начинались игры, сказки. Элимелах всегда говорил с девочкой, как со взрослой, и ей это очень нравилось. Она забира-

лась к нему на колени, и беседам, казалось, не будет конца. Порой, заигравшись, Нонна засыпала на руках гостя. Он звал на помощь родителей. И когда девочка уже лежала в постельке, доставал из кармана невесть где раздобытую конфету и незаметно прятал ее в башмачок.

Мария Петровна была чудесным собеседником, человеком, глубоко понимающим моряков, их нелегкую жизнь, их радости и печали. Моряками были ее дед, отец, братья. Петр Александрович Котлов, отец Марии Петровны, погиб в ледовых морях, командуя купеческим пароходом. Погиб глупо и трагически. Скупой делец заставлял его ходить в труднейшие рейсы на судне, которое давно нуждалось в серьезном ремонте.

Сегодня Элимелх опять получил приглашение. Бочурко зашел в его каюту и тоном, не терпящим возражений, сказал:

— Ждем обедать. Маша муку по карточкам получила, блины будет печь. Не задерживайся.

Комиссар кивнул головой.

— Масленица?

— А сейчас, Зелик, как мучка в доме есть, так и масленица. Ну, ждем! Дел, я знаю, у тебя сегодня немного, к тому же и Сараев вернулся. Ему-то ты доверишь на время свой комиссарский пост.

— Спасибо, Коля, обязательно приду.

Старшину-радиста Михаила Федоровича Сараева прислали на «Сибиряков» в первые дни войны. Элимелх сразу обратил внимание на этого ладно скроенного, сильного человека с волевым лицом. Подметил в нем комиссар внутреннюю собранность, рассудительность, почувствовал: может поставить себя этот человек среди товарищей.

Как всем новичкам, Сараеву пришлось сдать экзамен, тот своеобразный экзамен «на зрелость», которому по древним традициям моряки подвергают каждого, кто попадает в их среду. Хочется им побыстрей узнать характер человека, посмотреть, на что он способен, может ли постоять за себя, за товарищей. В таких случаях в ход пускается весь накопленный годами арсенал своеобразных задач, которые новичку нужно решить.

В первый же день кто-то послал Сараева на клотик * искать боцмана. Он не растерялся и тотчас же попросил шутника проводить его туда. Просто, но хлестко отпарировал и остальные шутки завзятых остряков. Все поняли: старшина человек бывалый и в обиду себя не даст.

Шаршавин и Гайдо вначале встретили с недоверием свое новое начальство: как-то он себя поведет, хорошо ли знает дело? Но уже через неделю рассказывали соседям по кубрику о том, как Сараев в два счета нашел загвоздку в передатчике, над которой они бились не один час. И особенно отличали радиста его принципиальность, твердость характера. Он умел шутить, но умел быть строгим и справедливым.

Когда на партийном перевыборном собрании встал вопрос, кому быть секретарем, многие назвали фамилию Сараева. Назвал ее и Элимелах. Бочурко стал заместителем секретаря.

В последний рейс Сараев не ходил, оставался в Архангельске: нужно было получить новую аппаратуру. Теперь он снова вернулся на корабль.

Написав донесение в политотдел, Элимелах поднялся в радиорубку. Связисты, склонившись над столом, о чем-то спорили. Перед ними стояли сверкающие свежей краской ящички, от которых тянулись десятки разноцветных проводов. Увлеченные своим делом, они не заметили, как вошел комиссар.

— Михаил Федорович, — дождавшись, когда в горячем споре наступила пауза, обратился к Сараеву Элимелах, — я ухожу на берег. Вернусь к ночи. Попрошу вас, отправьте в политотдел этот пакет. Кстати, проверьте, когда нам пришлют обещанную литературу.

— Все сделаю, товарищ комиссар, — ответил Сараев. — Не беспокойтесь.

Семья Бочурко жила неподалеку от порта, на улице Чумбарова-Лучинского. Элимелах шел медленно, с удовольствием вдыхая аромат весны, любуясь зе-

* Клотик — точенный из дерева кружок, надеваемый на верхушку мачты. На нем может уместиться разве только птица. У моряков бытует шутка: «Пить чай на клотике».

леной метелью на кронах деревьев. Конец июня. Как поздно просыпается тут природа! Сейчас где-нибудь в Подмоскowie уже жарища, тополь разветрил свои белые перины, а здесь всего неделю назад деревья скинули наземь смолистые ракушки почек, листочки на ветках яркие, нежные. Глядя на них, не хочется верить, что идет страшная, кровопролитная война.

Дверь открыла Мария Петровна, на ней был фар-тук, в руках нож. Элимелах расхохотался.

— Что это вы так гостей встречаете? Эдак и пе-репугать недолго.

— Блины, Зелик Абрамович, любят, когда их пе-реворачивают. Потом я по стуку узнала, что идет человек не робкого десятка.

— А где хозяин?

— Там, у них жаркий бой, — кивнула на дверь Мария Петровна.

Элимелах заглянул в комнату. Бочурко сидел в белой вышитой косоворотке с засученными рукава-ми и, запустив пятерню в растрепанную шевелюру, обдумывал ход. Его противник, третий механик с «Си-бирякова» Коля Гижко, ухмыляясь, вертел в руке только что выигранного коня. На одном его колене примостилась Нонночка, выстраивая на краешке сто-ла павшие в сражении пешки. Увидев Элимелаха, она побежала к нему навстречу.

— Дядя Зелик пришел! Будем белых мишек ри-совать?

— Обедать сейчас будем, Нонночка, а уж потом рисовать, — заметил Бочурко. — К тому же мне пора сдаваться. Бьет нас молодежь, Зелик. Никакого по-чтения к начальству.

Шахматисты сложили фигуры.

— Нонна, беги на кухню и разведай, как дела у мамы. А мужчины накроют стол, — распорядился хозяин. — Коля, доставай посуду.

Когда были расставлены тарелки, Бочурко таин-ственно подошел к буфету и достал голубой гра-финчик.

— Вот и посошок на дорожку нашелся... Ну, что там? — спросил он, увидев в дверях растерянное ли-чико Нонны.

— Там к маме тетя Аня пришла. Плачут они.

Бочурко нахмурился.

— Это наша соседка, муж у нее на фронте, — объяснил он. — Видно, стряслось что-то, пойду узнаю.

Элимелах и Гижко сидели молча, чувствуя неловкость. У обоих появилась одна и та же мысль, что они вот так, ненароком, оказались свидетелями чужого горя, помочь которому не в силах. За дверь в коридоре тихо разговаривали. Бочурко приглашал какую-то Анну Кирилловну зайти в комнату, успокаивал. Потом заговорила Мария Петровна. Она робко начала убеждать, что бывают ошибки и, может быть, Василий Иванович жив. Моряки не знали, кто такие Василий Иванович и Анна Кирилловна, но хорошо понимали: произошло то непоправимое, страшное, что в военные годы могло каждую минуту войти в любой дом.

Наконец голоса за дверь смолкли. Бочурко вернулся в комнату к притихшим товарищам, закурил и, как бы оправдываясь перед ними, медленно заговорил:

— Вот как получилось, братцы, нехорошо... Вася, сосед наш, погиб. Извещение сегодня получили.

Он глубоко вздохнул.

— Тоже моряком был, такой, знаете ли, здоровяк, из поморов. Даже поверить трудно.

Мария Петровна, положив гостям блинов, сидела пригорюнившись, бледная, обмякшая, так не похожая на себя; иногда склоняла голову и прикладывала фартук к глазам.

— Да кушайте, кушайте уж, — машинально говорила она, понимая, что едят все неохотно, больше из вежливости, чтобы не обидеть хозяев.

Бочурко наполнил стопки.

— Выпьем, братцы, за моряка, за славного русского человека, что погиб, защищая Отечество.

Чокнулись, выпили. Выпила и Мария Петровна. Мало-помалу завязался разговор. Начали вспоминать друзей, сослуживцев, которые уехали воевать. Говорили о делах на фронте. Мария Петровна опять вспомнила соседку:

— Сегодня похоронную получила, а завтра сына в армию провожает. «Поплакать, — говорит, — Маша, к тебе пришла. Дома не могу, нельзя, Леша увидит». У меня мурашки по коже от этих слов. Смотрю на нее и не знаю, что ответить. Сколько силы нужно, чтобы так держать себя в руках! На сердце горе неизлечимое, реветь бы по-бабьи, а она — нет. «Не должен сын слез материнских видеть, — говорит. — Тоже ведь солдат, воевать идет».

Вот какая она, поморская женщина, Анна Кирилловна!

Мария Петровна тихо заплакала.

— Вдумайтесь в то, что мы сейчас услышали, — после небольшой паузы сказал Элимелак. — Не видел я этой женщины, а она у меня перед глазами, может быть, по-своему я ее представляю, но, честное слово, вижу. Икону с нее писать можно. Ведь святая, воплощение всего лучшего, что есть в человеке. Послала мужа на бой с врагом, погиб он героем. Она сына старшего посылает: защити свой народ, Леша. Нет, товарищи, непостижимая, удивительная духовная сила у наших советских людей!

Элимелак на минуту умолк. Закурил.

— А помнишь, Зелик, ту легенду, что старик в кубрике рассказывал, когда в Архангельск шли? — сказал Бочурко и объяснил Марии Петровне. — Подсадили мы несколько человек из рыболовецкой артели в Кеми. И был там, знаешь, старик. Пришел в кубрик к раненым и, чтобы легче им было, стал рассказывать, да как! Особенно запомнился мне поморский сказ.

— Да, здорово говорил, — согласился Элимелак.

— Припомни, Зелик. Пусть Маша послушает. Ведь она поморка.

— Попробую, — задумчиво сказал комиссар и тихо начал: — Стояла у студеного моря деревенька рыбачья. Жили в ней люди русские, сильные, смелые, трудолюбивые. Жили ладно, в достатке, потому что на работу рук не жалели, времени не считали. Во всяком деле мастерами слыли, но больше всего славились мореходным умением. Строили лодьи да кочи, отправлялись на них в плавания далекие, под

парусами тугими, за рыбой красной, за зверем диковинным. Входили люди эти мирные в славное племя поморское, у берега морского селились, море пищу и одежду им давало.

И жила в том селе семья дружная, отец с матерью: Егор да Иринушка. Трое деток-сынов у них было; звали старшего Алексеюшкой, Прохором — брата среднего, а младшего — Иванушкой. Уважали ту семью люди все вокруг за сердечность их, за трудолюбие. Собирались если в дорогу дальнюю — на добычу, на промысел, — Егора старшим ставили: знал он нрав моря-окияна, с добрыми ветрами, как с друзьями, разговоры вел. Попадут лодьи во льды непроходимые, кликнет Егор родным ветрам, прилетят они от берега, развеют льды студеные, и дорога-путь открывается. Ладно жили деревни поморские, и не знал никто, что нависла над их краем беда великая.

В стороне чужеземной, злодейской жил враг лютей — змей кровожадный. Вот узнал он, как счастлив поморский народ, захотел погубить его...

Николай Григорьевич покачивал головой в такт рассказа и в душе завидовал удивительным способностям друга. Элимелах артистически передавал интонации голоса старого рыбака, музыку народной сказки. Конечно же, комиссар не запомнил всего слово в слово, он импровизировал, но как здорово!

— ...Измывался злодей над плененными, жег дома их, добро себе забирал. Плач и стон стояли над поморской землей.

«Подчинитесь, — ревел кровожадный змей, — все одно меня не осилите. У меня кораблей тьма-тьмушая, перестрену ваших добыччиков, утоплю их лодьи в пучине-море. Лучше уж велите им поддаться да скажите, где путь их лежит!»

«Не бывать тому, — молвила Иринушка, — не узнай тебе дороженьку, где идет Егор со дружиною. А придут они тропью скрытою, ступят на берег родной — во сто крат силы прибавится, засверкают мечи их булатные, не сносить тебе, злодею, головы».

Посылал свои корабли змей в пучину-море, хотел встретить Егора в ледовой воде, чтобы застать врас-

плох его дружинишку. Ведь не знали рыбаки о беде большой, что случилась неожиданно в родном краю.

И послала Ирина сына старшего тайно, ночью в утлой лодочке.

«Да плыви, Алексей, встрень отца в пути, расскажи о горе случившемся, пусть он к бою кровавому готовится».

Как ни прятался молодец за льдинами, изловили его злые вороги. Долго мучили, пытали, ответа ждали. Не сказал Алексей ни слова им, как пройти дорогами ледовыми. А когда сердце больше не билось, упорхнула душа его смелая, обернулася ветром — и в дальний путь полетела, к отцу родному. Он нашел лодьи в ледяном краю, зашептал в парусах о беде большой. Но не слышал Егор его голоса, притомленный дорогой, крепко спал. Ветер вскорости утих совсем: силы кончились Алексею...

Плавно течет старинный сказ. Потухла папироса в губах Гижко, открыв ротик, притихла на диване Нонна, глаза ее расширены. А Элимелак рассказывает, как послала Иринушка сына Прохора, но и его постигла люта судьба. Как обернулася душа его сполохом — северным сиянием. Тучи помешали передать сигнал отцу. Тогда поплыл младший сын, Иванушка. Враги пошли по следу его. Увидел он их хитрость, но виду не показал, завел корабли злодейские в поля белые, а сам пел громкую песню, и услышал ее Егор.

Говорил в песне Иван, чтобы плыл отец стороной к родным берегам на помощь народу. Сам же Иван обернулся льдами могучими, искрошил ими врагов, что за ним гнались, и растаял, чтобы чистою стала вода. А дружина Егора разгромила злодея.

— И до сей поры стерегут свой край сыны русские, братья смелые. Если грянет беда над родной землей — на пути врага ветры кружатся, на пути врага льды становятся, вести шлют своим ярки сполохи, — закончил комиссар.

— Вот, Маша, какой поморский сказ, — вздохнул Николай Григорьевич, — словно про Анну Кирилловну. Предание, а ведь в нем все из жизни взято.

Уже вечерело, когда Элимелах и Гижко попросились с семьей Бочурко. Гижко отправился прямо на корабль, а комиссар решил зайти на почту. Почти месяц он не получал вестей от братьев. Условился с ними, чтобы слали письма в Архангельск, до востребования.

Зелик Абрамович поспел на почту за несколько минут до закрытия. Посыпав кафельные полы мокрыми опилками, уборщица медленно сметала их в сторонку; обнажались разноцветные блестящие квадратики. Элимелах по стенке, чтобы не ступить на уже выметенные участки пола, подошел к окошечку, подал удостоверение. Через минуту девушка протянула сложенный вчетверо листок телеграммы. Раскрыл, часто-часто застучало сердце, к горлу подкатился комок.

— Спасибо, — хрипло поблагодарил он девушку за окошком. Сделал резкий шаг по направлению к выходу, но тут же отдернул ногу и снова начал осторожно вдоль стенки пробираться к двери. Уборщица распрямилась, с благодарностью посмотрела на человека в военной форме: на щеках моряка она увидела капельки слез.

Элимелах медленно брел к пристани. Он пытался восстановить в памяти лицо матери и почему-то не мог. Ясно видел только ее карие глаза с добрыми морщинками вокруг, а все остальное неуловимо расплывалось.

Телеграмма брата была краткой: «От земляка узнал, что маму немцы расстреляли. Отомстим».

Элимелах опустился на какой-то ящик и невидящими глазами смотрел перед собой. Потом, как в тумане, различил черный борт корабля, не отдавая себе отчета, прочитал: «А. Сибиряков».

Надо идти. Зелик Абрамович достал платок, тщательно вытер лицо и твердым шагом направился к судну. В эту минуту он вспомнил слова, сказанные Анной Кирилловной: «Не должен сын слез материнских видеть. Тоже ведь солдат, воевать идет». И, буд-то эхо этих удивительных слов простой поморской женщины, сознание полоснула короткая, как военная команда, мысль: «Не должен видеть экипаж слез комиссара».

3 АНИМАЛОСЬ утро. Растаял ночной туман. Солнце, еще недавно светившее тускло, будто сквозь марлю, теперь ожило, заулыбалось. Косые его лучи гырвались из облачных расщелин. Теплоход «Двина» шел навстречу Новому Свету. Советские моряки всматривались в даль. Приближение

земли чувствовалось во всем: чаще стали попадаться суда — белоснежные лайнеры, черные как трубочисты сухогрузы, неторопливые самоходные баржи. Над судном закружили чайки. Впереди Америка!

Вот она уже видна. В утренней дымке все яснее проступали серые очертания крутых, как скалы, строений. Они увеличивались в размерах, надвигались, давили своей угрюмой тяжестью. Нью-Йорк. Утро только что коснулось мягким светом его стен, и город не успел потушить ночные огни, будто его застали врасплох. Небоскребы не знали затемнения: война шла на другом континенте.

Словно из глубины морской, поднялась и предстала перед советскими моряками каменная громада статуи Свободы. Каменно-равнодушным взглядом встречает она корабли.

Теперь моряки видели ее широкую спину, обращенную к Соединенным Штатам.

— Свобода, выходит, позади нас осталась, — услышал насмешливый голос капитан Иван Васильевич Пиир. Рядом стоял заместитель политрука Павел Алексеевич Филев. Эта фраза вывела старого моряка из раздумья.

— Да, — ответил он, помедлив, — выходит. — И добавил: — Вот мы и в Америке. Вон ее первый представитель, — капитан указал на маленький юркий катер, который шел навстречу «Двине».

Американский лоцман, дюжий парень в рубашке защитного цвета, с рукавами, засученными по локоть, быстро взбежал по трапу.

Бесконечны линии причалов нью-йоркского порта. Судно обступил лес корабельных стрел и мачт.

Вскоре появились портовые власти и врач. Морякам пришлось выполнить неприятную процедуру: дать отпечатки пальцев. Матросы называли это «поиграть на рояле». Когда все формальности были позади, русским разрешили спуститься на берег. А корабль атаковали вездесущие репортеры. Они просили разрешения оглядеть теплоход.

— Ну что ж, пусть смотрят, — согласился капитан. — «Двина» хоть и неказиста на вид, но посудина добрая.

До слуха Ивана Васильевича донеслись громкие голоса и смех. Он повернул голову и увидел журналистов, собравшихся на полубаке. Они окружили орудия на носу «Двины» и торопливо щелкали затворами фотоаппаратов.

Иван Васильевич сразу понял, что удивило и восхитило американцев: пушки-то были деревянные! Кое-где на них облупилась краска, и наблюдательные репортеры сразу обнаружили невиданное в истории войны явление.

— Русские воюют с деревянными пушками! — доносилось с полубака. Гости смеялись, приходили в телчий восторг, предвкушая сенсацию.

— Нечего тут зубоскалить... — мрачно сказал боцман Леонид Проценко, видя, как гогочут американцы. И тут же велел убрать деревянные орудия в трюм, подальше от любопытных глаз.

В памяти всплыли события последних месяцев.

Тысяча девятьсот сорок второй год, трудный военный год.

Враг рвался к Сталинграду, на Северный Кавказ. Чтобы отвлечь с центральных фронтов как можно больше советских войск, гитлеровское командование активизировало действия на Севере. Фюрер приказал во что бы то ни стало разрушить «мост дружбы», связывающий советскую Арктику с Атлантикой. Это важная транспортная артерия, по которой двигались караваны судов из союзных стран. Пути че-

рез Черное и Балтийское моря были блокированы. На Северный театр были направлены десятки мощных военных кораблей, подводных лодок, авиация. Фашисты нападали на транспорты, которые шли в Мурманск и Архангельск. Положение становилось тяжелым. Каждый караван нужно было надежно охранять. Сопровождали грузовые суда корабли английского военного флота.

Несколько советских транспортов, в их числе и теплоход «Двина», вошли в Белушью губу Новой Земли. Здесь им предстояло ждать английских военных кораблей и в их сопровождении двинуться Баренцевым и Норвежским морями, через Атлантический океан в США за стратегическими грузами. Трюмы «Двины» были до отказа заполнены марганцевой рудой: она предназначалась для союзников.

Прошло полтора месяца. Советские транспорты по-прежнему стояли в Белушьей губе, англичан все еще не было. Люди ворчали: «Все воюют, а мы тут ждем у моря погоды. Надо что-то предпринимать, союзники, видно, появятся ко второму пришествию».

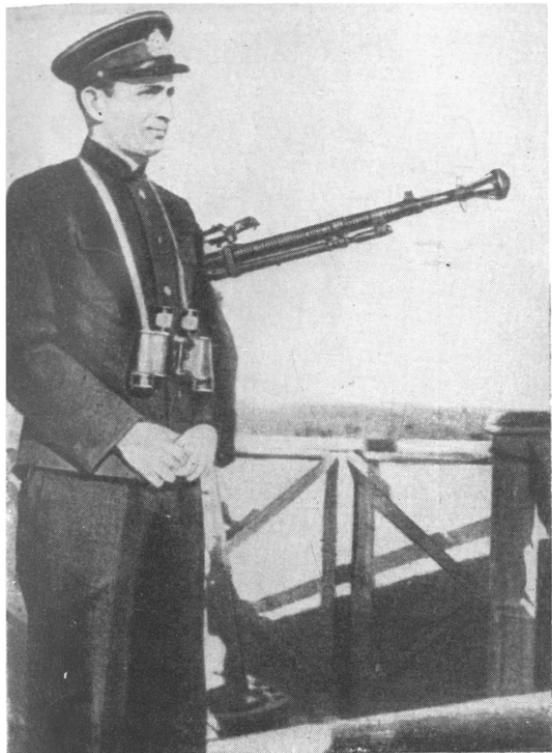
Действительно, медлить с отправкой судов больше было нельзя. И советское командование приказало транспортам идти в одиночку. Это был риск, но риск оправданный, необходимый. Первым поднял якорь пароход «Моссовет», через сутки — танкер «Донбасс», потом «Мируныч». Покинула Белушью губу и «Двина». Приказ выходить оживил всех: наконец-то!

Ночь была хмурая, над кораблем плыли тяжелые облака, едва не задевая за мачты. Холодный ветер пронизывал до костей. В другое бы время моряки проклинали такую погоду, а тут все радовались: не мирное время, военное, меньше шансов на встречу с противником. А если все же встретится?

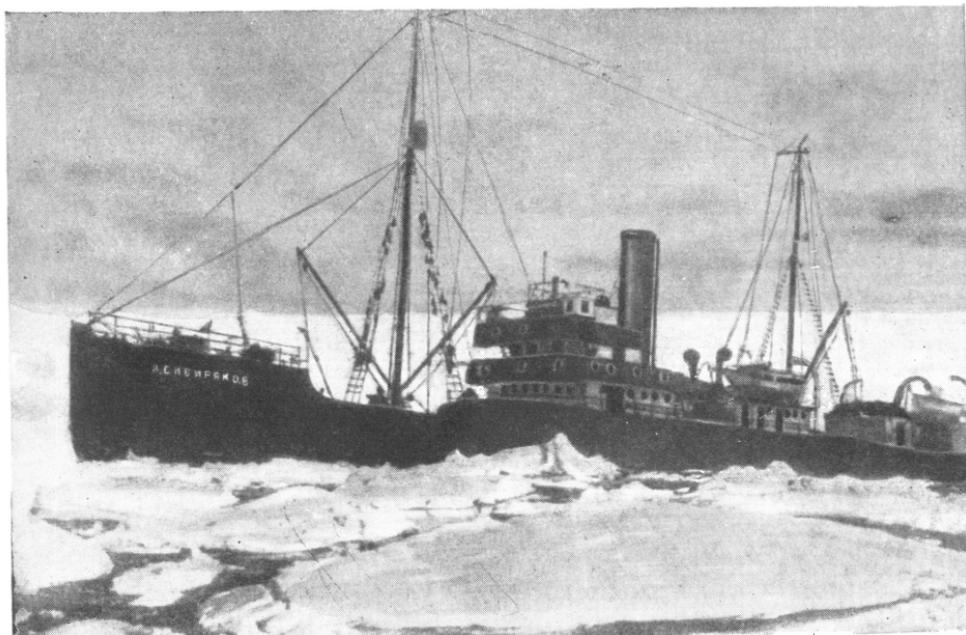
На другой день военный помощник капитана Резник завел такой разговор с Пииром:

— Погода-то утихает, Васильич. Того и гляди наскочит подводная лодка. Туговато придется. Посудина наша совсем не вооружена. Понадеялись на англичан, а им, как видишь, не до нас. Вот и остались с пятью винтовками да двумя ручными пулеметами. С таким оружием разве что по воробьям стрелять.

А. А. Качарова, 1942 год.

«А. Сибиряков» во льдах.

Н. Г. Есчурко.

Иван Воробьев.

В. И. Пирр.

Василий Дунаев.

Капитан молчал. Он о чем-то сосредоточенно думал. На переносице легли две глубокие морщины.

— Одна надежда на хитрость, — продолжал Резник. — Хоть бы для виду пушчонку какую иметь, все бы спокойнее.

Иван Васильевич оживился, морщинки разгладись, в глазах сверкнул лукавый огонек.

— Правильно. Вот ты и дай плотникам команду соорудить пушки, да покрупнее калибром.

— Плотникам?

— Ну да! Деревянные. Пусть установят пушки на полубаке и на корме. Чехлы сшейте. В общем чтобы со стороны все как настоящее выглядело. Сам присмотри. Смекнул?

Резник с восхищением посмотрел на капитана.

— Ну как же не смекнуть! — И, развивая идею начальника, продолжал: — У каждого орудия расчет поставим. Пусть пушки из стороны в сторону двигают. Чем черт не шутит, авось увидят столь «грозные орудия» с подводной лодки и поостерегутся. Им известно: русские не сдаются.

И пушки были сделаны. К ним назначили «комендоров» — краснофлотцев Кучумова, Карманова, Симанова, Михеева. Они всегда держали «орудия» в полной «боевой готовности».

Миновали Баренцево море, вошли в Норвежское. Здесь шныряло особенно много подводных пиратов. С утра расчеты занимали свои места. Бревенчатые стволы начинали медленно шевелиться. Издали, с моря, они выглядели довольно внушительно.

Вскоре подошли к Исландии. В порту Рейкьявик заправились топливом, передохнули и снова в путь. В Атлантическом океане гитлеровские подводные лодки появлялись редко. Но возникли другие трудности. Ведь судно уже несколько месяцев находилось в плавании. Кончилась зелень, в обрез оставалось и других продуктов. В Рейкьявике тоже не густо было: бедствовал городок. У многих матросов расшатались зубы, появились признаки цинги. Тут помогла смекалка радиста Михаила Кольцова. Он как-то попробовал вымывать из марганцевой руды почву, получи-

лось. Трудно шло дело, но когда в эту затею поверили другие, стало веселее. Перебрав тонны породы, ребята намыли немного земли. Вот уж поистине был на корабле праздник, когда однажды на искрящейся металлическим блеском почве появились нежно-зеленые стрелки лука! Все вдруг стали «огородниками». Так и добрались до Нью-Йорка.

Обо всем этом и поведал любопытным американским журналистам Павел Алексеевич Филев.

Никто больше не смеялся, слышались только возгласы восхищения отвагой и остроумной выдумкой советских моряков. Один из репортеров достал журнал «Лайф» и показал Филеву. Тот кивнул головой: дескать, знаю. В журнале была напечатана статья, в которой рассказывалось о том, как русские помогли экипажу «Винстона-Салена» — крупного американского парохода, когда в числе транспортов так называемого Семнадцатого конвоя он шел в советские порты.

История с караваном судов Семнадцатого конвоя — один из трагических эпизодов войны в северных морях. Вспомним эти события, происшедшие в июле 1942 года, события, о которых до сих пор стыдливо умалчивают в морском ведомстве Великобритании.

В июле даже холодное Баренцево море меняет цвет. Лазурное небо передает свинцовой воде свою голубизну, свои нежные оттенки. В море — ни единой льдинки, вода прозрачна, как горный хрусталь. Над ней кружат тучи птиц, оглашая воздух громкими криками. С визгом проносятся над самой водой стремительные моевки, плаксиво голосят чайки, далеко разносится монотонный пересвист куликов да дребезжащая трель гаршнепа. То и дело ныряют за добычей черные чистики — мелькают их кораллово-красные лапки. Проглотив сайку, они тут же выражают свой восторг тихим свистом. А где-то в вышине блеют токующие бекасы. В общий гомон вплетаются раскатистые крики пугливых кайр. И все это пернатое царство кормится щедрыми дарами моря.

Летающая лодка мчалась низко над водой, состязаясь в быстроте с собственной тенью. За штурвалом сидел полярный летчик полковник Илья Павлович Мазурук. Справа простиралась бескрайняя равнина моря, которая была знакома летчику так же, как пахарю много раз паханное поле. Слева отчетливо различались очертания пологого берега Новой Земли, обрамленного кружевным узором прибоя. Там на ярко-оранжевой почве белыми пятнами выделялись гуси. Сколько их? Миллионы!

Кругом — в море, в небе, по земле — разлита изумительная по свежести гамма красок, рожденная лучами летнего солнца. В другое время летчик любовался бы этой волшебной палитрой северной природы, дивной игрой света и тени. Но сейчас он не замечал красоты светлого утра. Он глядел на воду и землю глазами не художника, а следопыта. На борт сообщили, что где-то в этом районе скрывается вражеская подводная лодка. Все утро самолет «утюжит» воздушное пространство от пролива Маточкин Шар до поселка Кармакулы. Но лодку заметить не удалось, хотя, кроме радиста, весь экипаж: пилот Матвей Козлов, штурман Николай Жуков, бортмеханики Глеб Косухин и Николай Перов, — так же как и командир, вглядывались в прозрачную воду.

В одном из фиордов, внушавшем подозрение, Мазурук посадил самолет. Летчики обнаружили, что здесь недавно побывала подводная лодка: на берегу валялись использованный аккумулятор, другие предметы. По всей вероятности, гитлеровцы произвели здесь небольшой ремонт судна. Радист Чельшев передал донесение в штаб.

Самолет взял курс на Архангельск. Там ждали Мазурука. Нужно было доложить командованию о результатах поисков судов Семнадцатого конвоя. Каждый день в течение почти двух недель самолет Мазурука летал вдоль западного берега Новой Земли, разыскивая попавших в беду иностранных моряков.

Уже в который раз Мазурук перебирал в памяти события последних дней, стараясь постичь их смысл. Но ни ум, ни сердце не могли согласиться с тем, что произошло.

Тридцать семь транспортов с важными грузами шли в Мурманск и Архангельск. Их сопровождали военные корабли британского флота. Когда конвой вошел в Баренцево море, было получено сообщение английской разведки о том, что из Тронхейма вышла немецкая эскадра, к которой присоединился линкор «Тирпиц». Британское адмиралтейство немедленно приказало командиру конвоя оттянуть назад, к английской эскадре, миноносцы из состава эскорта, а транспортным судам предоставить «право самостоятельного плавания». Каждый капитан по своему усмотрению должен был выбирать курс следования. Лишившись защитников, суда превратились в легкую добычу врага. Немецкие подводные лодки и самолеты-торпедоносцы немедленно воспользовались благоприятной ситуацией и начали нападать на транспорты. В эфир понеслись тревожные сигналы. Паника охватила команды иностранных судов, ведь теперь ничто не мешало немцам бомбить и торпедировать их. Капитаны пытались спрятаться во льдах у Земли Франца Иосифа или уйти в пролив Маточкин Шар. Некоторые суда выбросились на берег Новой Земли. Были и такие случаи, когда команды оставляли в море неповрежденные корабли и спасались на шлюпках, плотках. Этим обезумевших от страха людей и разыскивали советские военные моряки и полярные летчики на огромном пространстве от Шпицбергена до Новой Земли. За три недели было спасено несколько сот человек.

В то время когда английский эскорт на всех парах шел к своей эскадре, навстречу врагу вышли советские моряки. Подводная лодка, которой командовал капитан второго ранга Н. А. Лунин, дерзко и смело атаковала «Тирпица» и торпедировала его. Раненый зверь уполз в свою берлогу зализывать раны...

Из глубокого раздумья Мазурука вывел голос пилота Матвея Козлова:

— Гляньте-ка, Илья Павлович, там на берегу что-то вроде цыганского табора!

Командир увидел у берега огромную коробку океанского парохода. Флага не было видно, поэтому определить национальность корабля не удалось.

— Не наш, заморский, — комментировал скорый на слова Глеб Косухин. — наши по земле не ходят.

В полумиле от выброшенного на берег судна беспорядочно торчали палатки, тлели костры. Самолет сделал круг и вскоре закачался на легкой зыби неподалеку от морского гиганта, на борту которого большими буквами было написано: «Винстон-Сален». Это оказался американский сухогруз из состава Семнадцатого конвоя.

«Потерпели бедствие, — решил Мазурук, но тут же его взяло сомнение, так как никакого шторма не было. — Может быть, получили повреждение в сражении? — И тут внезапная догадка, как электрическим током, пронзила мозг: — Конечно же, на союзников напала подводная лодка, которая ускользнула от нас! Надо немедленно оказать людям помощь».

Странное зрелище представлял из себя «лагерь». Повсюду валялись разбитые ящики с продуктами, пустые винные бутылки, банки из-под консервированного пива. И среди этого беспорядка тут же на брезентах и матрацах лежали матросы. При виде русских они вскакивали, приветствуя их возгласами и жестами. Один из парней, долговязый детина с бакенбардами, подошел и представился:

— Боуснс мейт *.

Боцман держался на ногах не очень твердо, добродушное лицо его выражало полное блаженство. Он смотрел на летчиков, как обычно пьяный смотрит на трезвого, — с выражением величайшего сочувствия.

— Где капитан? — по-английски обратился к нему Мазурук.

Не меняя позы и выражения лица, великан протянул руку по направлению большой палатки, что стояла неподалеку:

— Там!

Командир «Винстона-Салена» спал, лежа на спине, и храпел. Густая щетина на его щеках топорщилась, как колочки ежа, а усы, давно не правленные, почти срослись с остренькой бородкой. Разбудить его оказалось не легко. Летчики потрясли капитана как

* Боцман на большом корабле (англ.).

следует, лишь тогда он проснулся. Помутневшим взглядом обвел присутствующих и вдруг подскочил как ужаленный. Он понял, что перед ним советские люди.

— Русские, наконец-то! Милости прошу, очень рад, очень рад... С кем имею честь?

Изо рта его ударило перегаром. Летчики поморщились. Но тем не менее Мазурук вежливо отрекомендовался.

— Летчики! — воскликнул американец. — Какое счастье, а я принял вас за моряков. С вами мы быстрее попадем на Большую землю. Как мы соскучились по ней!

— Об этом не трудно догадаться, капитан, — ответил Мазурук. — Но это к делу не относится. У меня несколько вопросов. Прежде всего прошу объяснить: что здесь произошло? Авария или просто пикник среди экзотической природы Севера? Если вам нужна помощь, мы окажем ее, в противном случае честь имеем кланяться.

Капитан, уже совсем пришедший в себя, подскочил к полковнику, схватил его за рукав:

— Постойте. Я сейчас все объясню. Может быть, выпьете?

— Нет!

В палатку вошли два молодых офицера, совершенно трезвых и опрятных. Их белые манишки и кольца на холеных руках совсем не вязались с тем, что летчики наблюдали вокруг. Это и удивило и обрадовало. Видно, не все подражали капитану. Невскоре пришлось разочароваться. За внешним лоском скрывались такие же мелкие душонки.

— Наши старшие артиллеристы, — представил их капитан. — Наверное, скоро подойдут остальные.

Капитан налил полстакана виски, разбавил его содовой водой, быстро опрокинул и зябко поежился.

Все молчали, ожидая его рассказа о происшедшем, и капитан начал:

— Когда Семнадцатый конвой разбрелся в разные стороны, спасаясь от немецких подводных лодок, мы взяли курс на Новую Землю. В этом районе меньше всего можно было ожидать нападения. Мы

почти достигли цели, когда наш радист перехватил сигнал «SOS», который посылал тонущий американский пароход «Олопана». Он был торпедирован подводной лодкой. Тогда я дал команду немедленно выбросить судно на берег. Нас ничуть не привлекала судьба «Олопаны», а драться с немцами, нет уж, увольте!

— Судно повреждено? — поинтересовались летчики.

— Нет, но крепко сидит на мели, — поторопился ответить капитан. После небольшой паузы он вдруг заговорил тоном раскаявшегося. — Какой же я осел, что ввязался во всю эту историю! — продолжал он, ухватившись руками за голову. — Сидел бы дома. У меня под Сан-Франциско апельсиновая плантация. И она дает, ей-богу, неплохой доход. Зачем только пошел в этот рейс! Правда, фирма посулила немалый заработок, а у меня... — Капитан вдруг полез в карман и достал семейную фотографию, которую стал всем совать под нос, а затем уже плачущим голосом добавил: — Моя жена и дочка, смотрите, какие очаровательные девочки. Все ради них...

Мазуруку надоела эта плаксивая болтовня. Он резко прервал капитана:

— У нас мало времени, чтобы слушать ваши рассказы, прошу отвечать по существу. Меня интересует, пробовали ли вы сняться с мели?

Тот замахал руками:

— Что вы, что вы? Это сделать невозможно. Вот и офицеры вам подтвердят то же самое.

Те соглашались с капитаном, кивали головами, а он между тем продолжал:

— Да мы и не пойдем больше по морю. Пишите расписку и забирайте корабль. А нас побыстрее переправьте самолетами в Архангельск. Да, да! Забирайте корабль и делайте с ним что хотите. Нам он все равно не нужен, фирма его застраховала. Она получит за него как за погибший в бою, а это раза в два больше, чем он стоит.

— А вам дадут премию? — спросил Мазурук.

Не подозревая иронии в словах русского полковника, капитан ответил утвердительно:

— Конечно, судно подверглось нападению врага в районе военных действий, а я сделал все, что от меня зависело.

Дальше вести разговор было бесполезно. Но прежде чем принять окончательное решение, Мазурук захотел осмотреть судно. Капитан неохотно согласился.

«Винстон-Сален» оказался целехоньким. Но особенно удивило наших летчиков то, что пароход был неплохо вооружен. По бортам установлены бронированные гнезда с зенитными пушками. На корме и на носу стояли скорострельные орудия для борьбы с подводными лодками.

— И с такой техникой вы полезли на мель? Это же чудовищно! — не сдержался Мазурук.

Офицеры смутились. Один из них, оправдываясь, сказал:

— Наш капитан внушил команде, что против немцев мы сражаться не можем. Его слово на корабле — закон.

— Да, с таким настроением трудно воевать, — сказал Мазурук. — А почему пушки без замков?

— По совету капитана, — вмешался в разговор другой офицер, — мы выбросили их в море. Если бы мы попали в плен, то твердо могли рассчитывать на помилование, так как не помышляли о сопротивлении.

Козлов и Жуков смачно выругались. Их охватило омерзение: это говорили люди, одетые в военную форму!

— Сколько же на судне офицеров? — спросил Мазурук.

— Одиннадцать.

— И вам не стыдно?

Лица артиллеристов покрылись красными пятнами, некоторые опустили глаза. Когда капитан наотрез отказался сниматься с мели, офицеры поддержали его. А тот твердил лишь одно:

— Я не намерен кормить собой рыб в этих холодных водах. У меня дома свое дело.

— А фронт? А долг союзника? Наконец, престиж вашей страны? — вопросы советского полковника секли, как бич, но они не задели черствой, трусливой душонки: капитан-плантатор оставался глух к уговорам.

Когда бортмеханики уже прогревали моторы, чтобы лететь в Архангельск, к берегу неожиданно подошло неведь откуда взявшееся небольшое суденышко — деревянный гидрографический бот «Ю. Шокальский». Внимание советских моряков также привлек «вылезший» на берег корабль.

По просьбе Мазурука они обследовали «Винстон-Сален» и установили, что с приливом его нетрудно снять с мели. Тогда Мазурук принял категорические меры:

— Я командир в этом районе и старший по чину, а поэтому требую подчиняться моим приказаниям, в противном случае судно уйдет без вас!

Его действия, как видно, пришлось по душе матросам «Винстона-Салена», которые присутствовали при этой позорной сцене. Хмурые лица моряков просветлели, а через минуту десятки колючих глаз выжидательно впились в капитана. Тот уступил. Матросы вмиг стали по своим местам, ожидая приказаний. Но капитан не спешил, он нашел еще одну лазейку.

Чтобы снять с мели крепко засевший корабль, надо было завести один из якорей на корму. Но как отделить его от толстой цепи? Капитан «Винстона-Салена», ухмыльнувшись, заявил, что на корабле нет режущего инструмента.

Однако случилось неожиданное. Тот самый долговзый матрос, который отрекомендовался боцманом, подошел к русским и указал пальцем в воду, где покоился кусок якорной цепи. Все увидели толстый болт разъемного звена. Теперь вытянулись лица офицеров и капитана, а моряки «Винстона-Салена» с улыбкой принялись за дело. Вскоре трехтонный левый якорь был погружен на «Ю. Шокальского», заведен за корму и там брошен в воду. Трос соединил его с кормовой лебедкой. Как только прилив достиг наивысшей точки, винт «Винстона-Салена» пришел в движение, якорный канат натянулся, и корабль медленно сполз в воду. Через два дня транспорт стоял под разгрузкой у причалов Архангельского порта.

Мазурук, прибывший по делам в порт, зашел к своим «старым знакомым». Американские матросы работали до седьмого пота. Они хотели испустить вину

своего начальства. Увидев русского полковника, они на несколько минут прервали работу, чтобы обнять его, пожать ему руку в знак благодарности. «Вот она, настоящая Америка! — подумал Мазурук. — Вот они, настоящие союзники!»

Июльская трагедия в Баренцевом море усложнила и без того тяжелую обстановку на северном театре военных действий. Из тридцати семи транспортов только одиннадцать попали в порты назначения. Это были в основном советские суда. Наше морское командование вынуждено было в этой напряженной до предела обстановке распылить свои военные силы. Двадцать один сутки наши военные корабли, подводные лодки и самолеты, ведя ожесточенные бои с врагом, занимались розысками союзных транспортов.

Малодушие, проявленное союзниками, насторожило советское командование. «В случае натиска противника на театре, — записал в ту пору в своем дневнике адмирал А. Г. Головкин, — нечего... и надеяться на поддержку тех же английских военно-морских сил. Точка зрения У. Черчилля, заявившего от имени британского правительства об отказе рисковать кораблями флота метрополии где-либо на коммуникациях Северной Атлантики, уже известна и мне через английскую военно-морскую миссию в Полярном. Эс-корта от Исландии до Медвежьего и караванов с грузами до сентября не будет, а нашим транспортным судам предстоят одиночные переходы на свой страх и риск.

...Ни на миг нельзя забывать о том, что мы и союзники — представители двух миров и что исторический спор между нами не снимается совместными боевыми действиями против немецко-фашистской военной машины».

Да, в одних и тех же условиях люди разных миров вели себя по-разному. Июльские события явились подлинным испытанием характеров. В то время как американцы выбросили на берег невредимого «Винстона-Салена», моряки советского танкера «Азербайджан», торпедированного вражеской подводной лодкой,

не дрогнули в тяжелую минуту и продолжали путь к родным берегам. Каждую минуту на судне мог вспыхнуть пожар. Но никто даже не думал покинуть корабль. Тяжело раненный, он своим ходом добрался до Русской гавани на Новой Земле. Там разбитые торпедой отсеки были исправлены, и груз прибыл в Архангельск.

А вот другой пример героического поведения советских моряков. В конце мая 1942 года конвой транспортных судов, также под прикрытием английских военных кораблей, вез вооружение и боеприпасы в Мурманск. Среди них был теплоход «Старый большевик». Вел его капитан И. И. Афанасьев.

В районе Шпицбергена фашистский авиаразведчик обнаружил конвой. В «Старый большевик» попала бомба. Начался пожар. Тушить его бросился весь экипаж. Решали секунды. Груз был опасный, судно могло взлететь на воздух.

С английских судов подали сигнал: «Покидайте корабль». На это капитан ответил: «Останемся, будем спасать груз». Конвойные суда ушли.

«Старый большевик», объятый пламенем, отстал от каравана. Экипаж самоотверженно боролся с огнем и в то же время вел бой с вражеской авиацией. В этом сражении корабельная артиллерия сбила самолет. Когда пожар был потушен, «Старый большевик» догнал конвой и попросил разрешения у ошеломленного английского начальника конвоя встать в строй.

Высоко, достойно пронесли честь своей Отчизны советские моряки. Это был массовый героизм, рожденный великой любовью к Родине.

В эти трудные годы не прекращалось движение по Великому северному морскому пути: полярные станции вели научную работу, создавали возможность прохода грузовым и военным кораблям в морях Ледовитого океана. Значение этой водной магистрали возрастало. Она хотя была и трудная, но своя. Чтобы иметь еще более подробные сведения о погоде и ледовой обстановке, решено было открыть дополнительно несколько полярных станций. Эту ответственную задачу поручили седому ветерану Арктики, ледокольному пароходу «А. Сибиряков».

ЖИЗНЬ в Архангельске не замирала даже ночью. По булыжным мостовым грохотали грузовики, повозки. Бесконечной вереницей тянулись они к порту; в молочных сумерках двигались темные силуэты людей — одни шли на работу, другие возвращались домой. Трамваи и автобусы ходили с

большими интервалами, и их ожидали только те, кто жил очень далеко. Белые ночи становились еще светлее, когда луна выползала из-за туч или когда в небе беспокойно металась светлые мечи прожекторов.

Портовые рабочие по очертаниям узнавали пароходы, от которых теперь стало тесно у причалов. А если не удавалось определить, что за судно, догадывались: иностранец. Их здесь было тоже немало. Корабли не задерживались у причалов, торопливо принимали груз и уходили. Их место, как солдаты в бою, тотчас занимали другие.

«Сибиряков» готовился принять на борт очередной десант, но вдруг рейс в Кемь отменили. И сразу же стали прибывать грузы. Никто из экипажа не знал, куда теперь забросит судьба их корабль, но глаз у моряков наметанный, и все понимали: путь будет далекий. Появились первые пассажиры, и среди них молодой гидролог Анатолий Золотов. Стало ясно: предстоит высадка полярных станций. Гидролог хлопотал у огромных ящиков с оборудованием, ко всему придирался. Золотова назначили начальником будущей станции, и ему казалось, что с его хозяйством обращаются недостаточно аккуратно. Он все время порывался открыть ящики, проверить: не случилось ли чего? Его, как ребенка, успокаивал бывалый полярник Михаил Михайлович Колкунов, убеждая, что все будет сделано деликатно. Колкунову не впервой такие сборы, и он относился к ним спокойно, так же как и его жена Дарья Михайловна, повариха будущей станции. Женщина сразу же пришла на камбуз и взяла шефство над судовым коком.

До слуха доносились слова портовой команды: «Майнай!», «Вирай!» Моряки редко произносят правильно: «Майна!», «Вира!» В этом они видят особый, моряцкий шик. Погрузка, однако, шла медленно. Что-то не ладилось, люди работали будто в полудреме, устали, видно. К тому же груз был для них необычным, давно такого не возили — мирный груз, и, видимо, это в какой-то степени расхолаживало. Да и нелегко было разместить такое количество ящиков на маленьком пароходе.

Вахтенные офицеры ломали головы, как бы удобней это сделать. Но погрузка не клеилась. Поставили ящики, потом глядят, мешают они здесь. Снова перетаскивают с места на место. Матросы ворчали: уж больно много бестолковой работы. В родном городе стоят, а выбраться домой хоть на часок не удается.

Качарава и Элимелах возвратились из пароходства, где их ознакомили с задачей, которую придется выполнять «Сибирякову». Путь действительно предстоял далекий — на острове Уединения и мысе «Правда» нужно сменить полярников, затем идти в Диксон, там будет указан дальнейший маршрут.

Представитель Государственного Комитета Обороны в Архангельске Иван Дмитриевич Папанин подчеркнул важность задания: открытие новых полярных станций должно помочь судоходству в северных морях. Трудная выпала задача «Сибирякову», но почетная. Прощаясь, Папанин еще раз подчеркнул:

— С отправкой не медлить ни одного дня!

Увидев, как идет погрузка, Качарава расстроился, напустился на третьего помощника Павла Иванова, который нес вахту. Как на грех, прямо на глазах капитана одна площадка, груженная ящиками с продуктами, зацепилась за борт, и все посыпалось на палубу. Придавило ногу матросу. Капитан выговаривал Иванову, хотя и понимал, что тот не виноват в случившемся. Человек темпераментный, Качарава уже не мог сдержат себя, нервничал. Но это можно было прочесть только на его лице, внешне он был спокоен: не кричал и не оскорблял подчиненного.

— Вахта идет из рук вон плохо, товарищ Иванов, — говорил он, — мне не хотелось бы делать вам

этот выговор, но приходится. Неужели вы забыли о каргоплане? * Все у вас оказалось на правом борту. Голос капитана звучал сухо.

Зелик Абрамович негромко, чтобы не слышали окружающие, сказал:

— Не горячись, Анатолий, этим делу не поможешь.

— Конечно, не поможешь, — в тон ему ответил Качарава с легким грузинским акцентом, который всегда появлялся, когда капитан был взволнован, — но ведь, сам понимаешь, время не ждет. Я не могу допустить, чтобы вахтенный офицер так работал. Выходит, ему доверять нельзя. А что ты предлагаешь? Может быть, мне следует похвалить его?

Элимелак улыбнулся своей мягкой улыбкой, которая всегда обезоруживала горячего, но глубоко сердечного и отходчивого южанина, и добавил:

— И все-таки, Анатолий Алексеевич, не стоит так горячиться. Люди устали. Тут нужно другое...

— Знаю, собрание созывать будешь, — пробормотал Качарава.

— Не язви, не язви, горячая твоя голова. Собрание, разумеется, можно созвать, да не речи людям нужны. Здесь нужно такое, чтобы сердца зажгло. Тогда ни приказывать, ни уговаривать не придется.

— Что ж ты придумал? — голос Качаравы зазвучал мягче.

— Разумеется, историю «Сибирякова» ты хорошо знаешь? Помнишь тридцать второй год?

— Ну, помню, знаменитый переход... Однако какое это имеет отношение к погрузке?

— Какое? — Элимелак прищурил глаза, в которых искрилась хитринка. — Прямое, Анатолий. Помнишь сентябрь и аварию?

— Постой, постой, — вскричал Качарава, — кажется, я начинаю понимать! Да, да, тяжелый сентябрь, льды, авария. Это здорово! Об этом стоит рассказать экипажу. А кто расскажет?

— Разумеется, наш Дед, Бочурко. У него с парходом вся жизнь связана.

После ужина всех пригласили в столовую. Было

* Каргоплан — план размещения грузов на судне.

тесно, люди сидели по двое на одном стуле, стояли в проходе. Никто толком не знал, зачем собрали, но чувствовали: разговор пойдет серьезный. Удивляло одно: начальство — Качарава, Элимелах, Сулаков, Бочурко, Сараев, Кузнецов — не пошли за председателский стол, а заняли места в зале, вместе со всеми. С любопытством ожидали моряки, что будет.

— Может, Петро, ты ответишь, что, собрание будет или артисты приехали? — сострил Иван Воробьев, обращаясь к Гайдо.

Тот пожал плечами. Наконец встал Элимелах. Он подождал, когда стихнет шум, и заговорил:

— Вот и собрались вместе, товарищи. И те, кто давно связал свою судьбу с «Сибиряковым», и те, кто ступил на его борт всего несколько дней тому назад. Мы знаем, экипаж парохода всегда был начинателем славных дел. Наша обязанность — свято чтить замечательные традиции, умножать их. Не худо бы вспомнить сейчас о минувшем. Давайте-ка устроим сегодня вечер воспоминаний.

Никто еще не догадывался, куда клонит комиссар, а тот продолжал:

— Сибиряковцы еще ни в чем — ни в бою, ни в труде — не ударяли в грязь лицом. И теперь должны быть на высоте. Поэтому-то и полезно вспомнить старое. Наш разговор неофициальный, это не собрание, резолюций принимать не будем, протокол тоже не понадобится. Пусть каждый в сердце записывает то, о чем здесь услышит. Хочу предложить слово самому почетному члену нашего экипажа Николаю Григорьевичу Бочурко. Есть ему что рассказать.

Моряки, ожидавшие, что комиссар будет «речу толкать», теперь с любопытством повернули лица в сторону Деда. Тот встал.

— Не мастак я рассказывать, ребята, — сказал Николай Григорьевич, — но сейчас случай такой, нужно рассказать о тридцать втором годе.

Вот что услышали моряки:

— Сорок пять дней тяжелого плавания через льды Ледовитого океана не прошли тогда бесследно. В бортах «Сибирякова» появились вмятины — свидетели жестокой борьбы со льдами, облезла краска.

Идти стало совсем трудно. Брался штурмом каждый метр. Корабль с трудом отползал назад и с разбегу, как колун, ударял в толстую кромку льда. В жестоком споре металла и льда побеждал тот, кто был упорнее. Вот от того места, куда ударил форштень корабля, побежала тоненькая, как змейка, трещинка. Она становится шире и шире. И снова разбег — удар, разбег — удар.

Однажды, когда экспедиция почти подходила к концу, случилось несчастье. Огромные ледяные глыбы попали под лопасти винта и обломали их. Судно потеряло ход. «Сибиряков» оказался в ледовом плену. На календаре значилось 10 сентября 1932 года. Что делать? Зимовать или все-таки попытаться исправить повреждение?

Экстренное партийное собрание отвергло пассивное решение вопроса. Правда, во льдах зимовало много судов. Но не затем «Сибиряков» вышел в этот трудный рейс, чтобы растянуть его на две навигации. Нужно было доказать, что Северным морским путем можно пройти в одно лето. Как же быть? Капитан Воронин нашел выход.

«Ремонт можно сделать только в одном случае, — сказал он, — если перебросить с кормы на нос весь груз. Это примерно четыреста тонн. Тогда корма задерется, и винт будет над водой. Но делать это нужно как можно быстрее, пока льды не сковали судно».

Авральные работы были объявлены немедленно, несмотря на шквалистый норд-ост. Склянки пробили полночь, когда первая тонна груза была перенесена с кормы на нос. Холодный ветер обжигал лицо, забирался под одежду, пронизывал до мозга костей. Люди словно не замечали этого. Как одержимые двигались они вереницей по палубе, сгорбившись под тяжелым грузом. Постепенно пароход стал оседать на нос. И вот наступил момент, когда с носовой палубы можно было легко дотянуться до воды рукой. Корма же задралась кверху, как будто пароход приготовился нырнуть под лед. Винт с искалеченными лопастями обнажился.

Тогда начался ремонт. Усталые механики валились с ног, спать им было некогда, распухшие веки,

словно налитые свинцом, упорно опускались. 16 сентября все четыре лопасти были заменены. Корабль ожил. И снова потоки грузов потекли по палубе, теперь уже в обратном направлении.

Партийное собрание наметило срок авральных работ — десять дней. Люди сделали невозможное — сократили срок до недели. Это была великая победа, подвиг...

Элимелах внимательно следил за тем, как меняется выражение лиц моряков. На них комиссар читал, как зреет решимость не посрамить чести корабля.

Бочурко закончил свой рассказ, налил стакан воды, она забулькала. Это были единственные звуки, нарушившие тишину в зале. Дед сделал глоток и, оглядев собравшихся, добавил:

— Так-то, ребята. Поняли?

Комиссар и командир переглянулись. Было ясно — цель достигнута. Люди не спеша, тихо, стараясь не греметь стульями, покидали зал. Прозвучал только голос секретаря комсомольской организации Михаила Кузнецова:

— Комсомольцев прошу остаться!

Врач Валя Черноус появилась на корабле поутру, в самый разгар погрузки. После вчерашнего разговора работа пошла дружной.

Каждый, кто первый раз попадает на стройку или в порт, невольно начинает мешать. Он всегда останавливается не там, где можно, пытается пройти там, где ходить нельзя. И на него обязательно сыплются замечания: «Эй, поберегись!» Человек шарается в сторону — и опять кому-то мешает.

Валя, невысокая тоненькая девушка с толстой косой цвета каштана и серыми удивленными глазами, только что окончила медицинский институт. В грузовой порт она попала впервые. Девушка металась в лабиринте ящиков, бревен, бочек, вздрагивала от окриков: «Куда лезешь?», «Посторонись!» Какой-то пожилой рабочий участливо спросил ее:

— Куда тебе, дочка?

— Мне «Сибиряков» нужен.

— Идем, доведу.

И Валя обрадованно засемила за широкой спиной грузчика, стараясь не отстать.

— Вот твой пароход, — сказал рабочий.

Валя увидела корабль, над которым безостановочно шевелились стальные усы кранов. Осторожно ступая, девушка поднялась по трапу. Ее остановил вахтенный матрос. Игриво заломив на затылок бескозырку, из-под которой вывалился соломенный чуб, он спросил:

— Вам куда, мамзель?

— Да мне, — Валя растерялась, — мне сюда, на пароход.

— А вы кто, разрешите поинтересоваться? Может, чья невеста будете? — матрос улыбался.

И Валя, подлаживаясь под игривый тон моряка, ответила:

— Да пока ничья, может, ваша буду. Я ваш новый доктор, вот кто. Мне бы к капитану.

Ее серые глаза смеялись, а на румяных щеках проступили ямочки, будто надавили пальцем, они так и остались. Матрос посерьезнел и уже просто, без наигрыша сказал:

— Ну, коли так, проходите. Эй, Василь! — крикнул он товарищу. — Проводи доктора до капитана.

После того как Валя представилась Качараве, боцман Андрей Тихонович пошел показывать ей «докторское» хозяйство. Настроение у девушки было хорошее. Капитан ей понравился — прост и приветлив, корабль — тоже. Он хоть и небольшой, но знаменитый, оваянный ореолом славы. Раньше воображение рисовало ей капитана человеком суровым, с холодным взглядом, с трубкой, никогда не покидающей рта, и, конечно, с бакенбардами, как у героев Жюль Верна. Увидев же Анатолия Алексеевича, она даже не поверила, что это и есть ее будущий начальник. Трубку, правда, он курил, но во всем остальном никак не соответствовал Валиным представлениям о старых морских волках. Качарава был молод, строен, выглядел почти юношей. Занятый делами, он ограничился кратким разговором с новым доктором, но и за те несколько минут, что Валя провела в капитанской каюте, она

почувствовала: этот человек, столь мягкий в обращении, видимо, очень требователен, умеет заставить подчиняться себе.

Боцман шел следом за Валею, указывая дорогу. Он ступал осторожно, словно впереди него шагал не человек, а хрустальная ваза. Андрей Тихонович про себя отметил: «Зачем таких на корабль посылают, да еще в самое пекло? Ветер подует — снесет как былинку с палубы».

Санчасть размещалась в небольшой каюте, очень чистенькой и светлой. Валя осталась ею довольна. Боцман авторитетно заявил:

— Вот тут и будут ваши апартаменты, а больных у нас не водится, не положено.

— Ну и хорошо, — сказала девушка.

Каюта врача, такая же опрятная, как и лазарет, оказалась рядом.

Весть о том, что на пароходе появился новый врач, что это девушка, да еще симпатичная, мигом облетела судно. И сразу, откуда ни возьмись, появились «больные». Люди шли к доктору с каждой царапкой: «Болит — мочи нет!» Валя всех внимательно выслушивала, осматривала и щедро смазывала царапины йодом. Матросы тут же начинали уверять, что им полегчало. Она улыбалась, понимая шутку, и говорила:

— Вот видите.

К вечеру добродушный боцман обнаружил, что добрая половина матросов «заболела», ходят забинтованные. Даже Юра Прошин пришел познакомиться с доктором. Пришлось бедному парню проглотить таблетку от «боли в животе». Боцман не выдержал такого «безобразия» и отправился к лазарету навести порядок. Там он застал нескольких матросов. Увидев Павловского, они, казалось, присмирели, но несколько пар глаз лукаво смотрели на боцмана: теперь только и жди, что начнут сыпаться хлесткие остроты.

— Чего уставились, ребята? Шли бы лучше отдыхать, коли с вахты сменились.

— Да мы ничего, — ответил за всех кочегар Матвеев. — Давно не болели, вот и охота с доктором познакомиться.

— Да и вы никак тоже прихворнули? — сочувственно спросил боцмана Саша Новиков. — Может, у вас под ложечкой засосало? Али животик заболел?

— Нет, у боцмана аппетит пропал, — снова сказал Матвеев. — Осунулись вы, Андрей Тихонович. Так мы вас вне очереди. Не стесняйтесь, у доктора есть чем аппетит поднять! Эх, забористый спиртик, говорят, у медицины.

Сдержаться уже никто не мог, все раскатисто гоготали. Боцман, который старался оставаться серьезным, в конце концов не выдержал, махнул рукой:

— А ну вас к шутам! — и поспешил убраться с глаз долой.

Не вошел он тогда в кабинет к врачу, но все равно вскоре по палубам уже гулял рассказ, как «боцман лечиться ходил».

За день до отхода в рейс капитан распорядился отпустить всех, кто просился, на берег. Возвращались на судно, лишь когда забрезжил рассвет. В сиреновом тумане на мокром бетоне причала группами стояли люди. Моряков пришли проводить родные, друзья, подруги. Грустно провожать корабль в любое время, а в военное особенно. У многих женщин в руках платочки, нет-нет и приложат к глазам. Только жены поморов не плакали. Они свое горе выплачут потом, дома, наедине. Исстари так повелось у поморов, у соломбальцев — особая это порода людей.

На «Сибирякове» было много соломбальцев: Павловский, Вавилов, Сафронов, Гайдо, Котлов, Малыгин. С родными прощались они молча, как бы стыдясь показать свои чувства.

Соломбальцы — люди двужилые, крепкие. Говорят они мало, и если уж говорят, то дельно, спокойно, заранее взвесив каждое слово. Потомственные северные моряки, они беззаветно любят Арктику и, как никто, умеют видеть и понимать ее красоту.

Интересна история Соломбалы, поселка, некогда выросшего на острове между Северной Двиной и Маймаксой. Большой знаток и исследователь Севера А. Максимов в середине прошлого века записал предание о том, почему поселок получил такое странное название.

Однажды царь Петр I гулял в этих местах и увидел убирающих хлеб крестьян и крестьянок. Посмотрел государь на живописные и яркие группы жнецов, на их дружную работу и надумал устроить им пир тут же, на открытом воздухе. Царь велел снести с поля снопы, из высоких сделать столы и покрыть их белоснежными скатертями, а короткие положить вместо стульев.

Импровизированный бал состоялся. Было шумно и весело. Государь, довольный своей выдумкой, сказал: «Вот настоящий соломенный бал!» Выросший позднее на этом месте поселок, будто в память пира, и стали называть «Соломбала». А поселились в нем рабочие верфи и моряки.

С наступлением навигации Соломбала пустела: мужчины отправлялись в суровые моря. Так повелось издавна, и хоть иную жизнь принес в бедный поморский поселок Великий Октябрь, многие традиции остались нерушимыми...

Туман рассеялся, на голубое небо выкатилось солнце, обещая погожий день. Оно осветило суда, причал. Здесь веяло томительным ожиданием разлуки. Вахтенный приказал экипажу подняться на судно: до отхода осталось всего несколько минут. Теперь моряки переговаривались с родными, перегнувшись через борт.

Дает последние напутствия сыну мать Юры Прошина. Она не скрывает слез. Убеждает взять какой-то пакет, тот машет руками: дескать, не надо. А рядом с Прошиной стоит Мария Петровна Бочурко. Сколько раз вот так приходила она к кораблю помахать платком на прощанье мужу и всегда не могла сдержаться, чтобы не всплакнуть, хоть и сердился на нее за это муж. И сейчас из глаз сами собой бегут слезы, не удержать их. Да и нужно ли? Выплачется женщина, и легче станет. Маленькая Нонна не плачет, а лишь тарачит глазенки на людей, на пароход, где стоит папа.

Семена Никифорова провожала невеста, работница пароходства Галя Коренева. Они растерянно стояли у трапа, не находя нужных слов. Галя глубоко вздыхала: надолго уезжает Семен, свадьбу пришлось отложить.

— Ты, Сеня, скорей возвращайся, — наконец промолвила она, хотя и хорошо понимала, что срок дальнего путешествия не зависит от желания жениха.

Когда прозвучал гудок «Сибирякова», Никифоренко торопливо обнял невесту и крепко поцеловал ее в губы. Ступив на трап, Семен вдруг, спохватившись, поспешно полез в карман. Вытащил фотокарточку и, перегнувшись через перила, протянул Гале.

— Чтоб не забыла!

— Не забуду, Сеня!

Только Качараву, Валю Черноус да Анатолия Шаршавина никто не провожал. Анатолий Алексеевич, как и положено капитану, руководил отходом судна. Валя притихла у перил, вся сжалась в комочек. Наверное, думает сейчас о маме. Как потерянный бродит по кораблю Анатолий, муторно на душе. А еще вчера он был весел, хвастался своей новой трубкой и всем предлагал пососать, чтобы быстрее обкурилась. Моряки охотно дымили чужим табачком. Целый день трубка ходила по кругу. Лишь Валя восстала против этого старого индейского обычая. Сделав строгое лицо, она сказала:

— Товарищ Шаршавин, это негигиенично!

А сегодня всем не до трубки было, да и самому Анатолию тоже не очень хотелось курить. Его мысли унеслись далеко, в Тикси. Мучительно захотелось, чтобы и его провожали; чтобы рядом была Нина. Защемило у парня сердце. Он отошел на другую сторону корабля, стал глядеть за борт, где плескалась тихая вода, равнодушная к человеческому горю и радости.

Раздался сиплый бас «Сибирякова». Все встрепенились, вспомнив, что самое-то главное и не сказали друг другу.

Толстые канаты сняты с кнехт. Судно медленно развернулось и направилось к выходу из порта.

На берегу замелькали, как обрывки бумаги, подхваченные ветром, белые платки. А на корабле люди, прильнув к бортам, не отрываясь, смотрели в сторону берега. До свидания, дорогие, когда-то придется свидеться!

Ледокольный пароход «А. Сибиряков» отправился в ледовый рейс.

ПОЛЯРНЫЙ „ВАРЯГ“

Врагу не сдается наш гордый
«Варяг».

Пощады никто не желает.

(Из песни о «Варяге»)

СКАЛА В СТУДЕНОМ МОРЕ

НА скале было двое: человек и собака. Человек лежал, уткнувшись лбом в камень и широко раскинув руки. Собака сидела рядом, нервно нюхая воздух и время от времени тихо повизгивая. Из прищуренных век животного сочились густые мутные слезы, сочились и засыхали у глаз. Вот собака потянулась к человеку, ткнулась носом в его взлохмаченную голову, неуклюже лизнула в ухо. Он вздрогнул, рука конвульсивно сжала в кулак распухшие пальцы.

Сознание возвращалось медленно. Сначала, словно в полудреме, Вавилов услышал глухой грохот волн, потом жалобный стон собаки. Виски ломило. Холод камня сквозь мокрую робу впивался в тело: коченели руки, грудь, колени. Все еще упираясь головой в землю, он с трудом приподнялся на четвереньки и, перевалившись на бок, сел.

Огляделся. Слева поднимались голые скалы острова, справа простиралось бескрайнее море. Глаза жадно шарили по свинцовой пустыне, но не находили того, что искали. Лишь одинокая блекло-зеленая ледяная глыба медленно покачивалась на волнах в миле от берега, величественная и спокойная. Берег был крутой и высокий. Павел Вавилов смутно помнил, как несло его шлюпку вдоль гранитных утесов, пока не попалась спасительная отмель.

Собака? Откуда взялась собака? Ах, да... Он сам вынес ее из шлюпки, а потом упал...

Шлюпка?! Эта мысль заставила его подняться и сделать несколько шагов к морю. Матвеев! Ведь там Матвеев... Ноги не слушались, от немеющих ступней пробегали вверх острые как иглы мурашки и больно отдавались в мозгу. Шлюпка оказалась у берега. Но что это? Канат полощется в волнах, а дотянуться рукой нельзя. Вавилов тяжело шагнул вперед и, провалившись по колено в ледяную воду, ухватил фалинь*. Вполз на отмель и закрепил конец. Зубы стучали, как пулемет. Убедившись, прочно ли привязано, Павел влез в полузатопленную лодку и, согнувшись, добрался до кормы. Приподнял полог паруса. Увидел восковое, перекошенное страданием лицо человека. Остекленевшие глаза смотрели в небо. Вавилов провел дрожащей рукой по спутавшимся волосам мертвого друга и беззвучно зарыдал. «Надо похоронить Колю», — подумал Павел и осторожно накрыл Матвеева парусом.

Ладонью стер слезы и стал шарить в ящиках неприкосновенного запаса. Трофей был невелик: матросский чемодан, три банки галет, два топора, ремень, заряженный наган в кобуре, морской компас. Непослушные, заскорузлые от холода пальцы наткнулись на что-то мягкое. Вытащил туго скатанный спальный мешок, потом несколько сигнальных ракет, еще мешок с теплым бельем, насквозь промокшее одеяло, ведро и три анкерка**. В одном была пресная вода. Все

* Ф а л и н ь — пеньковый трос, привязанный к носовой части шлюпки.

** А н к е р о к — двух-трехведерный бочонок для пресной воды или вина.

это Вавилов вытащил на берег и, положив рядом с притихшей собакой, вернулся в лодку.

Теперь нужно было забрать еще мешок с мукой, что плавал рядом со шлюпкой. Его Павел подобрал на волнах, когда плыл к острову, и веревкой привязал к корме.

Перегнувшись через борт, Вавилов попытался поднять его в лодку. Но мешок, словно мыло, выскальзывал из рук. Тогда Павел влез в море, подтащил муку к борту и долго вдавливал пальцы в тугое полотно. Потом закусил угол мешка зубами и, сопя, медленно двинулся к отмели. Упал и уронил его на гальку, рядом с водой. Ткань лопнула, из дыры полезла рыжая кашка. В мешке оказались отруби, а не мука, как думал Вавилов.

Работа отняла последние силы, зато немного согрела, перестало сводить ноги, но теперь снова нещадно пекло ладони. Вавилов приблизил их к лицу и увидел лопнувшие пузыри от ожогов, полученных на корабле.

Из-за облаков выглянуло медное солнце. Превозмогая боль, Павел разделся и тщательно выжал одежду. Снова начался озноб. Незаходящее арктическое солнце не греет в августе, а только надоедливо и устало, как фонарь поутру, глядит с высоты на продрогшую землю.

Вавилов порывлся в мешке, вытащил измятую робу. Вода не тронула ее. Переделся в сухое и стал изучать запасы. Вместе с галетами оказалась цинковая банка. С трудом удалось открыть ее. Внутри были спички, несколько сухих коробков. Достал одну, чиркнул. Вспыхнув, спичка тут же погасла. Порыв ветра слизнул огонек. Павел тщательно сложил коробки обратно в банку и сунул ее в широкий карман робы. Взял в руки компас. Зачем он тут? И вдруг спохватился: «В нем должен быть спирт!» Отвинтил крышечку и сделал несколько глотков. Огненные змейки разбежались по телу. Сунул в рот галету и стал медленно жевать, ощущая душистый запах хлеба.

Хорошо, что есть столько спичек. В море он разжигал огонь на корме, пытаясь согреться, и спалил

последний, чудом уцелевший в кармане коробок, который не отсырел лишь потому, что хранился в резиновом кошелечке. А теперь вон сколько спичек. Хорошо! Павел поглядел на притихшую собаку.

— На! — И он бросил галету. Собака не обратила на нее никакого внимания.

— Ты что, слепая?

Матрос подошел ближе. Животное попятилось, подняло облезлую голову. Опаленная морда, слезящиеся мутные глаза объяснили причину его странного поведения.

— И правда слепая, — тихо сказал Павел и носком сапога подсунул галету под самый нос собаки.

Моряк рассеянно посмотрел вокруг и вздрогнул: в ста метрах от террасы на скале он неожиданно увидел покатуку крышу какого-то строения. «Люди!» Забыв о собаке, стал карабкаться вверх. «Люди!» Он спешил к ним. Но решетчатая деревянная башня оказалась старым, заброшенным маяком. Наверху ветхая дощатая галерея и фонарь, от него вниз тянулись тонкие металлические трубочки. Вавилов решил обойти башню. Она уже перекосилась, деревянные сваи почернели от времени и крошились. Все вокруг поросло травами. Павел узнал лишь толокнянку и полярные маки. С длинных стеблей свисали большие цветы: красные, желтые, белые. Из-под самых ног выскочила маленькая, как мышка, пеструшка. Зверек отбежал в сторонку и, присев на задние лапки, испуганно тарашил глазки на человека. Потом юркнул в норку. Павел пошел дальше. На другой стороне наткнулся на старую бадью с дегтем, увидел два больших покрытых ржавчиной баллона. Открыл вентиль одного из них: зашипел газ. «Почему же маяк не работает? Редко, видать, заглядывают сюда люди, вот и испортился. Надо попробовать его зажечь, починю, однако, потом». Посмотрел вверх: взгляд ощупал хилые лесенки и остановился на доске, прибитой к столбу. На ней неуклюжими большими буквами было выведено: «Белуха».

— Остров, однако, так называется, — вслух сказал Вавилов и снова подумал о фонаре на вышке: «Надо зажечь».

Тяжело волоча ноги, начал спускаться назад к отмели.

«Колю-то надо похоронить, вынести и похоронить». Вавилов огляделся, кругом валялись камни, он стал собирать их и стаскивать в кучу для могилы. Так он работал некоторое время, устал, пошатываясь, вернулся к своим пожиткам. Открыл чемодан. В нем было белье, кусок мыла и несколько пачек папирос «Красная звезда». «Зачем они мне, некурящему?» Но не выкинул, а положил их обратно. Он был еще слаб, и у него закружилась голова. Опустился на валун, закрыв глаза, и стал ждать, пока пройдет дурнота. Когда силы вернулись, Вавилов вытащил из шлюпки решетку, разбил ее топором и принялся разводить костер. Намокшее дерево дымило, но греть отказывалось. «Много уходит спичек, жалко», — подумал Павел. Тогда он расщепил одну из досок решетки в мелкие лучинки. После третьей спички по ним побежал желто-голубой язычок, и они весело затрещали.

Теплое дыхание костра вызывало дремоту. Собака подползла ближе и долго укладывала морду на лапы. Вавилов принес два небольших камня, открыл анкерок, нацедил воды в ведро и поставил его на огонь. Накинув на плечи меховой мешок, поудобней устроился у костра.

До этой минуты Павел почти не осознавал своих поступков. Все, что произошло, казалось кошмарным сном, который начался еще там, на корабле, когда, сменившись с вахты, он пришел в кубрик и завалился на койку. А потом — резкий сигнал тревоги...

Вавилов не заметил, как уснул. Когда он открыл глаза, солнце висело над горизонтом совсем в другом месте. Дул сильный ветер, и море сердито шевелило волнами. Костра не было, вместо него осталось только темное, как тень, пятно, вода в ведре остыла.

«Матвеев!» Павел глянул вниз и чуть не закричал в отчаянии: шлюпка исчезла. На берег с шумом набегали высокие валы, в белой пене приплясывали, то отдаляясь, то приближаясь к отмели, лишь небольшие дощечки. Меж камней покачивался тяжелый мешок с отрубями.

РЕЙС выдался, прямо сказать, не из легких. На острове Уединения «Сибиряков» сменил состав полярников, потом сравнительно быстро добрался к острову «Правды». Экипаж уже радовался, что задание выполнено значительно раньше срока. Но тут начались мытарства.

Судно, отойдя от острова, сразу попало в окружение тяжелых льдов, из которых пришлось буквально выдираться. Больше недели экипаж вел бой с природой. Лед был настолько толстым и прочным, что бить его ударом не имело смысла. Машина напрягалась до предела, форштеньг задирался высоко кверху, но льдины не кололись, а лишь осаживались под ним. Решили «прорубать» дорогу аммоналом.

Миша Кузнецов попросил командира поручить это дело комсомольцам. Качарава не возражал, однако спросил:

— Кого вы предлагаете назначить старшим?

— Младшего лейтенанта Никифоренко.

— Хорошо, действуйте. Передайте Павловскому, чтобы готовил взрывчатку. И боцман пойдет с вами, он на этом деле собаку съел.

Вскоре шестеро моряков спустились на белое поле. Метрах в пятнадцати от судна сложили банки с аммоналом, взялись за буры. Для надежности отверстия сверлили почти на всю толщину льда. Когда все было готово, «Сибиряков» дал полный задний ход, одновременно прогремели взрывы. Перед кораблем образовался большой канал с чистой водой, по которому можно было набрать разгон для новой атаки. Пароход с ходу бил носом во льды, взбирался на них и, если они не кололись, снова застревал. Тогда за дело опять принимались комсомольцы. Казалось, этому не будет конца. Каждый час безмолвная белая пустыня содрогалась от взрывов, и долго гремело раскатистое эхо. Установили смены, потому что сражение не пре-

крашалось ни на минуту. На льду по очереди побывала почти вся молодежь, даже Юра Прошин.

Он вернулся на судно с раскрасневшимися щеками, усталый, но довольный. Единственно, чем был несколько огорчен юноша: ему не доверили поджечь бикфордовы шнуры. Об этой «неудаче» Юра по секрету сообщил Шаршавину. Анатолий, чтобы не потерять доверия друга, серьезно посочувствовал ему, но в душе улыбался. Шаршавина восхищало и умиляло в Юре удивительное сочетание взрослой рассудительности, выдержки и детски романтического отношения к происходящему.

Лишь на девятые сутки вахтенный с марса * радостно закричал:

— Голомя-а-а! **

Моряки вздохнули свободно.

Как только показался Диксон, палуба ожила. Все сгрудилось на полубаке, возбужденные и радостные. Как хорошо было думать, что скоро ступишь на берег, повидаясь с друзьями! Ведь у полярных моряков много друзей на всем побережье.

Скоро «Сибиряков» стал на рейде, и весь экипаж сгрудился на правом борту. На палубе появился боцман Павловский. Щеки его были до блеска выбриты, пуговицы кителя ослепительно сверкали. Андрей Тихонович, словно монумент, встал позади галдевшей толпы, и все услышали его сочный бас:

— Спокойней, братцы, корабль перевернете!

Моряки обернулись и сразу поняли, что сейчас скажет им Павловский. Уж больно он был аккуратен и красив. Сигнальщик Иван Алексеев смущенно прикрыл ладонью поросший пегой щетиной подбородок. Словно ужаленный током, сдернул руку с ганкой тали буфетчицы Наташи матрос Петр Шарапов, а кочегар Павел Вавилов с удивлением обнаружил, что на куртке у него недостает пуговицы.

* Марс — наблюдательная площадка на фок-мачте.

** Голомя (или голомянье) — поморское название открытого моря.

— Навести полный туалет! — лаконично приказал боцман, и все разбежались по кубрикам.

Павловский повернулся и увидел в рубке улыбающееся лицо Качаравы, рядом стоял комиссар.

Комиссар кивком пригласил боцмана в рубку.

— Андрей Тихонович, — сказал он, когда Павловский появился в дверях, — объявите команде: на берег увольнения не будет. Простойм недолго, а работы, сами знаете, порядком. — И зайдите к Сулакову, — добавил Качарава. — Подумайте вместе, как можно ускорить приемку угля, воды, будут еще и грузы.

На Диксоне с ледокола сошли одиннадцать зимовщиков, снятых с острова Уединения. С завистью смотрели моряки им вслед. Что ни говори, обидно быть в знакомом порту и не повидаться с друзьями. Но служба есть служба.

В тот же день Качарава доложил начальнику морских операций Арефу Ивановичу Минееву о выполнении задания.

Минеев внимательно выслушал командира, справился о здоровье людей. И без долгих слов перешел к делу.

— Вы, видимо, поняли из моей радиограммы, что задержитесь на Диксоне недолго.

Качарава кивнул головой.

— Тогда действуйте, Анатолий Алексеевич. Вкратце ваша новая задача — доставить людей на Северную Землю, оказать им помощь в оборудовании станции. Ну, и быстрее назад. До конца навигации дел еще много, нужно торопиться. Подробные сведения о том, что вам надлежит сделать, получите у начальника штаба Еремеева. Правда, он сейчас прихворнул.

— А что с Николаем Александровичем? — спросил Качарава.

— Ангина, самая что ни на есть махровая. И вот беда, нет на всем Диксоне стрептоцида ни единой таблеточки.

— Ну, это дело поправимое. У нас, наверно, найдется. Я пришлю Еремееву своего «заместителя по здоровью».

Уже прощаясь, Качарава спросил, что нового слышно о судьбе судов Семнадцатого конвоя.

— В порты попали всего одиннадцать, — лаконично ответил Минеев.

Вечерело. Качарава вышел из штаба — небольшого одноэтажного домика, примостившегося неподалеку от подковообразной гавани, — и направился к берегу. Все здесь было хорошо знакомо. Прямо за широкой грудью бухты — материк, слева островки: Конус, чуть дальше Сахалин; а справа мыс Наковальня — ворота в Енисейский залив. И корабли в гавани знакомые. У причала «Дежнев». Так же как и «Сибиряков», он стал теперь военным судном. На рейде «Кара» и «Революционер».

Уроженец Абхазии, молодой моряк за эти годы всем сердцем полюбил суровые северные края, и казалось, нет ему на свете ничего милее. Он с восхищением говорил о величии ледовых морей, об удивительных красках полярного неба, рубиновом цветении торосов под заходящим солнцем, о северных сияниях, о друзьях, мужественных и бесстрашных. Видно, от них, от своих соратников и командиров, он перенял эту любовь к Северу и заболел им, заболел серьезно, неизлечимо, как многие истинные полярники.

В первый год войны он получил корабль, и какой! Анатолий, не скрывая, гордился назначением. «Сибиряков»! Кто не знает ледокольного парохода «Сибиряков»? Пусть у него старенькая машина и не современная судовая архитектура, но какой слава, традиции! И ему, Качараве, нести их дальше.

И вот теперь, подъезжая к ледоколу, он молча смотрел на него влюбленными глазами и улыбался своим мыслям.

Конец дня принес командиру огорчения. Несколько моряков подали рапорт с просьбой списать их на берег.

— Полюбуйся, Зелик, — пригласил к себе коммиссара Качарава. — Пишут, что служба такая их сейчас не устраивает. Хотят на фронт. Здесь, видишь ли, глубокий тыл.

— Эти настроения, Анатолий, я уже давно заметил. Формально они правы. Конечно, тут глубокий тыл, фронт действительно за тысячи километров. Надо будет собраться и серьезно поговорить с экипажем, разъяснить обстановку. Признаться, моя вина. Об этом нужно было раньше подумать. Соберем завтра партийное собрание, поговорим с коммунистами.

— Ну, раз ты так думаешь, готовьте собрание.

— Кстати, Анатолий, — уже в дверях сказал комиссар. — Может быть, поставить и твой вопрос о приеме в партию?

— Я готов. Вот только успеете ли вы? Ведь это собрание внеочередное, по одному конкретному случаю. Ну, вам виднее...

Элимелах улыбнулся и, похлопав товарища по плечу, вышел из каюты.

С утра началась погрузка. Прямо за пушками на баке встали сто бочек с горючим. На корме — несколько вельботов и кунгасов, нарты. Здесь же поместили собак и коров для зимовщиков.

На берегу были сложены в штабеля детали деревянных домиков. Они давно уже ждали «Сибирякова». Каждое бревно пронумеровано. Где-то далеко-далеко, на скалистом приступочке арктического мыса, соберут их, и в полярной ночи засветятся теплом человеческого жилья несколько маленьких звездочек-оконцев.

Пришли к причалу плотники Серафим Гергега и Иван Копытов, признанные мастера своего дела. Их «почерк» хорошо знали в самых далеких уголках Севера. Домики, срубленные их руками, отлично служили полярникам, стояли долго, неприступные для ветров и стужи. Плотники тоже собирались в ледовый рейс.

— Гляди-ка, Серафим, флаг-то на нем военный, — указав на корабль, сказал Иван Копытов, высокий плотный человек в новенькой телогрейке.

Сосед вздохнул и тихо сказал:

— А ты только узнал? Воином стал «Сибиряков». Так что, Ваня, пойдём под военным флагом. Ты, по-ди, уже собрался?

П. И. Вавилов. 1960 год.

М. Ф. Сараев. 1960 год.

И. Г. Тарбаев.

А. Т. Павловский. 1960 год.

А. А. Качарава. 1960

С. З. Герга. 1960 год.

И. А. Алексеев.

— Да что собираться-то, наше с тобой хозяйство не хитрое: сундучок с инструментами да чемодан с одеждой — и готов.

— Это ты верно говоришь: плотнику в путь собраться не девке замуж выходить, — вмешался в разговор невесть откуда появившийся Иван Замятин, плотник с «Сибирякова». Увидев знакомых, он подошел побалакать. — Ну, как вы тут живете, в тылах?

— Здравствуй, Иван, — обрадовались приятели, — откуда ты? Давненько не виделись.

— Я, браточки, на нем плаваю, на «Саше».

— Значит, вместе будем.

— Выходит, что так. Перебирайтесь, веселей будет. Вон Федор Седунов койку занял, тоже из вашей бригады.

Вечером состоялось партийное собрание. На него пригласили и командира. Сараев предоставил слово Элимелаху. Комиссар начал обстоятельно рассказывать о делах на фронте. А они были не утешительны. Все слушали притихшие, настороженные.

Элимелах достал платок, порывистым движением вытер пот со лба и заговорил о делах на судне:

— Вот уже почти год, как «Сибиряков» числится военным кораблем. Что мы делали, куда и зачем ходили, вы знаете сами. К экипажу у командования никаких претензий нет: все трудятся на совесть. Но вот в последнее время появились у нас всякие разговоры: дескать, война, люди сражаются, а мы тут собак возим, забрались в самый что ни на есть глубокий тыл. Больше того, кое-кто вчера подал рапорт с просьбой отправить на фронт. Как это можно расценить сейчас? Одно скажу: раз нас сюда отправили, значит так нужно Родине. Пусть подавшие рапорты руководствовались самыми лучшими побуждениями, но удовлетворить их просьбу мы не можем, не имеем права. Каждый должен понять: все, что делает «Сибиряков», нужно фронту. Можно ли, скажем, пускать по железной дороге составы, если на ней не работает сигнализация, если вдруг все стрелочники взяли и ушли? Согласитесь, что нельзя. Так

вот, наш «Сибиряков» и еще несколько кораблей создают сейчас сигнализацию, порядок на большой и важной военной дороге. Как никогда, теперь нужно знать обстановку в северных морях, потому что по ним идут транспорты с оружием, обмундированием, продуктами, которые необходимы бойцам, сражающимся на передовой. И польза от нашего труда большая. За примерами не нужно далеко ходить.

Комиссар оглядел коммунистов и остановил взгляд на Качараве. Командир одобрительно кивнул головой.

— Вот сейчас, когда мы с вами собрались обсудить свои дела, на восток Великим северным морским путем движется большой караван — двенадцать судов. Их ведут ледоколы «Ленин» и «Красин». Отправились они за важными грузами, сейчас идут в Карском море на пути к проливу Вилькицкого. Могу вам сказать больше. Станции, которые мы недавно высадили, уже дали им обстановку, а значит, помогли быстрее выполнить ответственное поручение правительства. Вот для чего мы тут, товарищи.

Прения были короткими. Все понимали, что устами комиссара говорит правда. И если уж привелось попасть в такую даль от фронта, значит есть в этом необходимость, значит так нужно. Смысл всех выступлений сводился к одному: как лучше выполнить свою задачу.

Потом Николай Григорьевич Бочурко сделал краткое сообщение о письме, полученном в Диксоне матросом Малыгиным. Жена писала ему о трудном положении в семье, о болезни дочери, которой нужно усиленное питание, о перебоях с продуктами.

— Надо бы что-то придумать, товарищи, и помочь Малыгиным, — вздохнув, сказал Сараев. — Говорил я с ним, нелегко на душе у парня.

Качарав и Элимелах, склонившись друг к другу, о чем-то совещались.

— Правильно, Зелик Абрамович, — вдруг сказал командир. — Михаил Федорович, — обратился

он к секретарю, — у комиссара есть очень хорошее предложение, я его тоже поддерживаю. Семье Михаила Малыгина пошлем дополнительный паек офицеров ледокола.

— И впредь так сможем делать, — добавил Элимелах. — Если нет возражений, весь командирский доппаек будем отправлять наиболее нуждающимся семьям моряков.

Вопрос о приеме в партию Качаравы так и не успели разобрать на этом собрании: капитана вызвали в штаб.

На другой день погрузка продолжалась. Правда, день — это не то слово: арктическое солнце не заходило уже который месяц. Просто вся жизнь на ледоколе строилась по строгому распорядку, и время суток определялось корабельными склянками.

Работа шла дружно, каждый знал свое место, свой участок. Пассажиры перестали суетиться, включились в общий ритм, и экипаж был доволен их помощью. Старший помощник Георгий Петрович Сулаков занимался погрузкой припасов для полярной станции, боцман хлопотал в кубриках. Павловский мечтал скорее выйти в море и навести, наконец, на палубах образцовый порядок: любил он чистоту.

Перед обедом в кают-компании Качаравы отвел Элимелаха в сторону и доверительно шепнул:

— А ведь рапорты забрали назад. Помог вчерашний разговор, очень помог.

Несмотря на отмену увольнений, командованию ледокола в одном случае все же пришлось уступить.

После обеда к Качараве обратился смущенный боцман:

— Товарищ капитан, двое просятся на берег. Дело такое, знаете...

— Что случилось?

— Любовь... — боцман растерянно развел руками. — Не углядел, Анатолий Алексеевич, матрос наш, Петро, и Наташа вроде как решили пожениться. Записаться в загсе хотят, пока тут в порту стоим.

Капитан улыбнулся:

— Ну что ж, надо разрешить, раз такой случай.

К УТРУ двадцать четвертого августа Качарава доложил в штаб о готовности ледокола к рейсу. Пассажиры уже попрощались с жителями поселка и переселились на борт «Сибирякова». Дорога предстояла далекая, и те, кто сел на корабль в Диксоне, стремились побыстрее познакомиться с соседями, приглядеться, примериться ко всему в новом плавучем доме. Вместе с экипажем на корабле теперь было свыше ста человек.

Плотники, развалившись на чистых брезентах, часами курили и вели бесконечные беседы о прошлых командировках, о войне и земляках, ушедших на фронт. Артиллеристы шумно спорили на корме, плотным кольцом обступив примостившихся на ящике шахматистов. Анатолий Шаршавин «продувал» уже вторую партию гидрологу Золотову. Командир носового орудия Василий Дунаев убеждал Шаршавина прекратить сопротивление, но тот краснел и просил не гудеть над ухом.

Стреляя мотором, к борту «Сибирякова» подлетел катер.

— Капитан вернулся! — крикнул кочегар Семен Шевяков и многозначительно поднял палец. — С портфелем. Видно, уходить будем.

— Что, уже? — громко спросил окружающих Золотов. — Тогда я согласен на ничью.

Он встал и побежал к трапу, по которому поднимался Качарава.

— Анатолий Алексеевич, поплывем, значит?

Командир кивнул головой и заметил:

— Не поплывем, а пойдем, дорогой товарищ. Пора осваивать морской язык.

Увидев на палубе Валью Черноус, Качарава громко окликнул ее:

— Доктор, вам сердечный привет с Диксона и тысячи благодарностей за стрептоцид. Еремеев поправился, работает.

— Поправился? — Валя кокетливо отбросила со лба светло-каштановый локон и с напускной строгостью добавила: — В чудеса не верю, товарищ капитан. Я считаю безобразием, если больной нарушил предписание врача. Был бы он на «Сибирякове»...

— Знаю, знаю, — рассмеялся Качарава, — держали бы его в постельке две недели. Ох, уж мне эти лекари...

Он скрылся в дверях. Девушка проводила его выразительным взглядом. Стоявший рядом Золотов приметил, что Валя восхищалась капитаном.

В кают-компани Качарава застал Элимелаха, Сулакова, Сараева, Никифоренко, штурманов Бурых и Иванова. Комиссар рассказывал последнюю новость. В штабе ему сообщили о том, что неизвестное судно обстреляло полярную станцию мыс Желания, находящуюся на самой северной оконечности Новой Земли.

— Вот так глубокий тыл! — сказал Сулаков, шевели торчащими, как у моржа, усами. — Куда забераются, гады!

— Предполагают, что это подводная лодка, — вмешался в разговор Качарава, — дала несколько выстрелов из пушек и скрылась. Жертв на станции как будто нет. Теперь о наших делах, товарищи. Сегодня трогаемся, в двадцать три ноль-ноль.

На много месяцев уходил ледокольный пароход, и в такие края, откуда не отправишь домой письма, а разве только пошлешь короткую радиограмму. Поэтому люди старались выкроить минутку и, оставшись наедине с самим собой, написать несколько слов родным: не беспокойтесь, ждите.

Юра Прошин старательно выводил наслюненным чернильным карандашом каждую букву, писал крупно, чтобы маме легче было разобрать. Он ругал себя за то, что не отправил письма раньше, сразу же по приходе в Диксон. Попал сюда Юра впервые, и все казалось ему интересным: и скалистый остров, и новые пассажиры, и ездовые собаки на палубе. А теперь оставалось очень мало времени для большого, подробного письма, в котором можно было расска-

зять маме о недавнем походе, о борьбе с ледяными полями, о дружбе с радистом Толей Шаршавиным и матросом Леней Зоиным, о строгом, но заботливом своем наставнике Николае Григорьевиче Бочурко. Да мало ли о чем нужно было рассказать маме!

Склеив конверт, Юра аккуратно подписал адрес и положил в общую стопку писем в красном уголке.

Потом поднялся в рубку к Шаршавину. Узнав, о чем горюет юноша, Анатолий похлопал его по плечу и успокоил:

— Чаще будем радиogramмы посылать. Помнишь наш старый разговор? Научу тебя стучать морзянку, и сам пошлешь весточку матери.

Прошин оживился:

— Обязательно научусь!

— А старший механик не заругает, что будешь отвлекаться от основных занятий? Он ведь ревнивый.

— Он очень хороший, Толя. Разрешит.

Только плотник Серафим Герега не писал писем. Семья его жила гут, в Диксоне. Вчера он распрощался с женой Дарьей Ивановной, нежно поцеловал детей, у него их было трое — Иван, Надюшка и Верочка. Сколько раз он уезжал! Привыкли дома, и все же сегодня Дарья Ивановна волновалась: в такой далекий и трудный путь она отправляла мужа впервые.

— Не грусти, мать, все обойдется, — успокаивал Серафим жену. — Дело привычное, да и жизнь обкатала, ничего со мной не станет.

Он никогда не искал легких путей в жизни, потому что никогда не жил только для себя.

Родом был он из села Духовского дальневосточного Спасского района. В восемнадцатом году в борьбе с иностранными интервентами и белогвардейцами погибли его старшие братья-партизаны Мина и Роман. Их расстреляли в Хабаровске. Не перенесли горя отец и мать. Тяжело было Серафиму одному оставаться в отчем доме, где все напоминало о погибшей родне. Когда Владивосток очистили от

врага, перебрался в город. Там познал плотницкое дело: строил дома, причалы. В 1935 году уже с женой и ребятишками махнул в Заполярье. Так и жил на Севере. Сначала плотничал в Игарке, потом на берегах студеной Хеты, где закладывался первый интернат для детей народностей Севера. В Диксоне его застала война.

До выхода из гавани «Сибирякова» провожал «Молоков» — тихоходный буксир. В кругу представителей администрации на палубе стоял и Николай Александрович Еремеев. Его легко было узнать по мохнатому шарфу, несколько раз обернутому вокруг шеи.

— Счастливого плавания!

— Ни пуха ни пера! — кричали провожающие.

— Идите к черту! — донеслось с палубы «Сибирякова».

Увидев на баке знакомую фигурку Вали Черноус, Еремеев помахал рукой и, выразительно потрогав шарф, крикнул:

— Спасибо за таблетки, доктор!

Девушка погрозила ему пальцем.

Когда прошли Скуратовский створ, «Молоков» сделал резкий поворот и, покачиваясь на волнах, поднятых «Сибиряковым», пошел в гавань.

Каждый по-своему переживает расставание с землей. Но всем, будь то бывалые моряки или люди, первый раз попавшие на корабль, знакомо чувство тихой, притаившейся где-то у сердца грусти. В такие минуты особенно ясно думается.

Вавилов внимательно смотрел за дрожащими стрелками манометров, они никак не хотели дойти до нужного деления с красной черточкой.

— Ну, подкинули еще, — сказал он Матвееву.

Тот сделал несколько глубоких затяжек, швырнул окурки в топку и взялся за лопату. Работали молча, сильными взмахами с разбегу швыряя уголь в ненасытные глотки печей. Потом разом остановились и молча вытерли пот.

Привычный труд не отгонял мыслей о доме. Павел вспомнил родную Соломбалу, жену и дочь. Когда-то он увидит их теперь!..

В эту минуту Соломбалу вспомнил, наверно, не только Вавилов. На корабле было много поморов-соломбальцев. И нередко на «Сибирякове» можно было услышать старинные песни о походе на студеный остров Грумант*, о трудной доле северных мореходов:

...Якоря на борт сдымали,
Паруса мы подымали,
Во поход мы направлялись,
Со Архангельском прощались.

В хоре голосов нетрудно было различить и густой бас боцмана и звонкий тенорок Сафронова. Порой соломбальцам подпевали и остальные моряки, потому что в песнях этих говорилось о доме, где их ждут матушка с батюшкой, жены, дети да любимые подруги.

Утонули за горизонтом очертания острова Диксона, лишь справа можно было различить узкую черточку материка. Море на редкость спокойное, мирное. Тишину нарушает лишь ровное гудение машины да легкий шелест воды за бортом. Пассажиры долго еще бродят по палубе, до боли в глазах смотрят на воду. Угомонились только к полуночи.

В полдень «Сибиряков» изменил курс и пошел почти прямо на север. Качарава знал, что скоро появятся очертания группы скалистых островов. Если идти мимо них на восток, попадешь в пролив Вилькицкого, а дальше в море Лаптевых. Туда и двигался караван, о котором сообщили в порту. «Сибирякову» же предстояло огибать Северную Землю с запада, делая остановки на островах.

В пакете, который командир вскрыл в море, было точное указание. «Сибирякову» предписывалось зайти на мыс Оловянный, потом на остров Домашний, а затем следовать на самую дальнюю оконечность Северной Земли — мыс Арктический, где останется со своей группой Золотов.

* Грумант — старинное поморское название Шпицбергена.

Правда, учитывалась сложность задания. Ниже говорилось: «В том случае, если из-за ледовой обстановки высадка на мыс Арктический окажется невозможной, идти на остров Визе и полярную станцию высаживать там».

«Да, нужны, очень нужны сейчас эти новые станции», — подумал Качарава.

Выйдя на мостик, он стал внимательно вглядываться в даль. Над чистой гладью моря, точно призрак, возник силуэт айсберга, вернее — это была большая торосистая льдина, а за ней едва заметные темные полосы.

— Белуха, Центральный, Продолговатый, — сказал командир поднявшемуся на мостик вахтенному помощнику Иванову.

Тот взял было в руки бинокль, но тут же, рассмеявшись, опустил его.

— Смотрите, Анатолий Алексеевич, на палубе-то какое веселье.

Качарава увидел собравшихся в круг матросов. В середине лихо отбивал чечетку белокурый крепыш старшина Мошаев. Танцевал он здорово, от души, выделявая ногами замысловатые коленца. Одна рука была на отлете, другую он то и дело подносил к своим рыжим усам, лукаво подмигивая товарищам.

— Ну и хорошо, когда весело. Значит, настроение у ребят бодрое, — сказал Качарава, — а что еще нужно?

Иванов кивнул головой.

— Это еще у них такое настроение перед обедом, товарищ командир. А потом сейчас им по стопочке дадут. Тоже причина поплясать.

Словно в подтверждение мыслей штурмана, раздался знакомый напев корабельной рынды*: обед. Миг — и палуба опустела. С наблюдательного мостика спустились сигнальщики Иван Синьковский и Александр Новиков, а на их место встал старшина Иван Алексеев: подменил товарищей на время обеда.

* Рында — корабельный колокол.

— И вам бы пора на обед, Анатолий Алексеевич, а я здесь побуду, — сказал Иванов. — Вроде все спокойно.

— Что ж, пожалуй, пойду...

В этот миг раздался громкий голос старшины Алексеева:

— Слева впереди по курсу на горизонте вижу дым.

Сообщение слышали и на палубе, оно быстро облетело ледокол. Встречи в открытом море не так уж часты на Севере, и поэтому все спешили наверх.

«Дым на горизонте!» — об этом буквально через несколько секунд знали уже и в кают-компании, и на камбузе, и в кубриках, и в машинном отделении.

— Запросите, что за судно! — приказал Качарава радисту.

ВОСЬМЬЕ СУТКИ

ВАВИЛОВ провел дегтем на доске еще одну жирную черту и сосчитал: восемь. Восемь полярных суток, изматывающих своим однообразием, томился он на пустынном скалистом островке, затерянном в Карском море.

Сегодня первое сентября. Воображение перенесло его в тихую комнату на тихой улице.

Утро. На комодѣ тикает будильник. Дочурка Женечка торопит маму: «Скорее!» Ведь сегодня она первый раз идет в школу. Женя, наверное, спросила про папу. Ей очень хотелось, чтобы он посмотрел на ее пышный бант. Слова девочки больно ранят сердце Анны.

Павел грустно улыбнулся. Жена проводит дочку в класс, затем придет домой и пригорюнится. Ведь, поди, сообщили уже, что муж погиб.

Вавилов взял ведро и пошел к своим водоемам — широким камням с выбоинами. После дождей в них скапливалась влага. Топором он увеличил углубле-

ния. В первом камне лунка была полна. Вода чистая и прозрачная, как в роднике. Павел наклонился и увидел свое отражение. На него глядело чужое лицо, обросшее густой щетиной. Щеки ввалились, глаза спрятались в глубоких почерневших глазницах. Только орлиный нос был его, Вавилова. «Поди, не узнали бы меня сейчас», — Павел в сердцах сгреб широкой ладонью воду в ведро. Изображение исчезло. Он понуро побрел к другому камню.

Все эти дни Вавилов жил надеждой на скорое спасение. Ведь должны же искать сибиряковцев! В этом он не сомневался. И все же мучило сомнение: придет ли кому-нибудь в голову невероятная мысль искать пострадавших на этой дикой, заброшенной скале? К тому же на авиацию рассчитывать не приходилось: погода стояла пасмурная, низкие облака надолго спрятали островок от глаз летчиков. Только с моря можно ждать помощи! Но море по-прежнему пустынно, лишь изредка покажется из воды лакированная голова отбившейся от стада нерпы, пошевелит усами, пофырчит, потарашит круглые глаза и скроется. И опять тихо вокруг. Разве что где-то в стороне послышатся гортанные крики казарки да простонет плаксивым голосом полярный разбойник — поморник.

Вавилов вспомнил о маяке. На вторые сутки, почувствовав себя немного лучше, он попробовал зажечь его. Полдня ушло на то, чтобы исправить фонарь, проверить, целы ли газопроводы. Наконец все было в порядке, можно пускать газ. Павел открыл вентиль, и вскоре фонарь засветился бледно-синим холодным светом, замигал на скале, как одинокий глаз циклопа, посылая вдаль призыв: «Здесь, на скале, потерпевший бедствие, помогите!»

Сердце утомленного человека учащенно забилося от переполнившей его радости. Огонек, хоть и слабый, мог привлечь внимание зорких моряков.

Однако радость была преждевременной. Через несколько часов пламя неожиданно стало слабеть, уменьшаться. В голове Вавилова промелькнуло ужасное подозрение: «Неужели газ так быстро кончился?!»

Да, так и оказалось. В баллонах оставалось немного горючего, и оно быстро иссякло. Пламя потухло: закрылся глаз циклопа.

И снова мучительно долго потянулось время, а надежд на скорое спасение становилось все меньше. И вскоре Павел понял, что никто во всем мире не знает о его судьбе. Он отгонял от себя мрачные мысли, но они упорно одолевали его. Хотелось с кем-то поделиться тревогой, поговорить. И он поверял свои мысли собаке, которая стала ему незаменимым другом, брела за ним повсюду. Павел привык к ней и уже не замечал ее уродства. Примостится усталый на камень передохнуть, собака рядом, лизнет ладонь и сидит, прижавшись к ноге.

— Ласковая, — сказал он однажды, погладив ее. — Ласка, Ласка. — Так и стал ее звать.

Помор хорошо знал: море не терпит слабых. Раскиснет душа, пропал тогда. И Вавилов твердо решил не сдаваться: он взялся за топор. Как любой солонбалец, сызмальства Павел был приучен к плотницкому делу. Сколотил из досок, отодранных от вышки, шалаш. Он получился неказистый, но жить было можно. «До холодов дотяну, — прикинул моряк, — а там видно будет».

Как-то Вавилов проснулся от холода и не сразу сообразил, чего ему не хватает. Пошарил рукой вокруг — собака ушла. Сон пропал, Павел вылез из шалаша и тихо позвал:

— Ласка, Ласка...

Но она так и не пришла. Тогда он надел куртку и поднялся на галерею маяка. Снова позвал собаку. Не видно нигде. Он стал смотреть в сторону моря. Павел делал это инстинктивно каждый день, ложась спать и просыпаясь. Ведь спасение могло прийти только оттуда, где небо сливалось со студеными водами. Павел глядел на волны часами, пока слезы не застилали глаз. Тогда он отворачивался. Но незаметно для себя снова бросал взгляд на воду. Так и сейчас его взор блуждал по горизонту.

Солнце спряталось за черную тучу. Подул северный ветер. Предвестник наступления холодов прогонял лето. Его порывы жестоко теребили воду и

гнали ее к берегу. Волны с грохотом разбивались о скалы.

Вдруг внизу раздалось урчание. Прислушался: «Собака пришла!» Глянул вниз. Кровь застыла в жилах. В его «доме» хозяйничала огромная медведица. Рядом копошились два белых медвежонка. Вот один из них получил шлепок от мамы и кубарем полетел прочь. Ударился о ведро. Выплеснулась добрая половина воды, которую он с трудом собрал за день.

«Наган! Где наган?!» Вавилов с горечью вспомнил, что оружие внизу. Как же прогнать зверя? Ведь эдак он все разграбит. В отчаянии Вавилов заорал во всю мочь, вернее — ему показалось, что он кричал громко: из простуженной глотки вырывались лишь хриплые звуки. Медвежата не обратили на это никакого внимания, но медведица потянула носом воздух и, видимо, почувствовала близкое присутствие человека. Она недовольно фыркнула и побрела прочь, подгоняя впереди малышей. Скоро опасное семейство скрылось за скалой, и Вавилов не сбегал, а буквально слетел вниз.

Разгром был полный. Вокруг валялись рассыпанные галеты, мешок с отрубями был распорот острыми когтями, словно ножом, одежда раскидана. Вавилов погрозил кулаком вслед медведям. И тут же подумал о Ласке: «Растерзали, однако».

Павел стал собирать галеты. Насчитал пятьдесят пять целых и одиннадцать половинок. Всего шестьдесят с половиной галет да отруби. Вот и все запасы. Медленно и аккуратно собирал Вавилов драгоценное добро. Прикинул: дней двадцать протяну.

Кто-то ткнул его в бок. Вавилов в ужасе метнулся в сторону: «Медведи!» И тут же испуг сменился радостью. Он увидел собаку.

— Пришла? Куда ходила? Небось опять травку жевать? — Моряк погладил животное. Потом размочил галету: — Может, поешь?

Собака лизнула ее раз-другой и отвернулась.

— Да, худо твое дело. На хоть воды попей.

Ласка осторожно попила, тяжело делая каждый глоток, и жалобно заскулила.

Вещи Вавилов перетащил на маяк. Наверху безопаснее. К поясу пристегнул наган на случай, если медведи вернутся.

Тучи потемнели и опустились совсем низко. Повалил густой снег. Скоро остров покрылся белой пушистой простыней, только на выступах зияли черные дыры и плешины. Вавилов озяб, спустился вниз. Собрал щепки, угольки от старого костра и принялся разводить огонь. Чиркнул спичку, но порыв ветра погасил ее. Достал вторую, и она погасла. Павел нервничал, руки не слушались.

Лишь после долгих усилий ему удалось разжечь огонь. Скоро закипела вода. Он накрошил в нее отрубей, положил несколько кусочков кожи от старого ремня и начал варить. Варил долго. Затем медленно ел это месиво с галетой. Закончив трапезу, стал пересчитывать спички: их осталось сорок семь. «Надо быть осторожнее, — подумал он. — Этак надолго не хватит. Плот бы скорей достроить».

Павел взял топор и пошел к морю, где ждала начатая работа. Он всегда с удовольствием трудился — время тянулось не так мучительно медленно. К тому же, когда руки заняты, и в голове меньше всяких страшных мыслей.

Бревна, доски, которые он насобирав ранее, за ночь запорошило мягким снегом. Когда он подошел ближе, с них вспорхнула стайка пуночек*, наперебой треща звонкими голосами. На одном бревне, уже почти совсем сгнившем, Павел увидел множество черных точек, отчетливо выделявшихся на снегу. Это снежные блохи, лакомое блюдо пуночек.

Павел пытался ловить маленьких птичек, но с наступлением холодов они стали совсем пугливыми и осторожными. Раз только ему удалось поймать пару пташек. Однако много ли проку от такой «дичи»? Крупные же птицы облетали остров стороной, словно он был заколдованный.

Вавилов сгреб топором снег с бревен и досок, стал думать, чем их скрепить. Гвоздями нельзя, на первой же волне плот развалится. И Вавилов начал

* Пуночки — полярные воробьи, самые «закаленные» арктические птицы.

искать обрывки канатов, что видел на отмели. Их прибила волна. Нашел один, попробовал — крепкий. Таких бы несколько кусочков, и ладно. Осмотрелся, больше не видно. По привычке посмотрел на горизонт и замер.

«Дымок! Не может быть!» Павел закрыл глаза. Потом открыл. Дымок по-прежнему виднелся вдали, легкий, словно от папиросы. Сомнений не было: пароход. Не мог ошибиться глаз моряка.

Павел зашагал взад и вперед. Так ходит загнанный в клетку зверь. Дышать стало трудно. Ох, как сильно колотилось сердце! Волнение передалось собаке, она протяжно завывала, опустив голову к земле. Вавилов, не выдержав, пнул ее ногой:

— Замолчи, сука!

Собака, удивленная и испуганная, притихла, отползла в сторону. А он неотрывно следил за кораблем, который шел, казалось, прямо к острову. «За мной. Конечно, за мной. Надо собирать вещи». И он стал нервно и торопливо складывать пожитки в мешок. Потом подошел к собаке, погладил ее:

— Не обижайся, скоро дома будем, не брошу. За нами ведь.

Корабль теперь был отчетливо виден. Это был пароход «Беломорканал». Он узнал его по силуэту. Вавилов хорошо различал мачты, стрелы, надстройки. На нем друзья. На всякий случай поправил прибитую к маяку доску с надписью «Один с «Сибирякова».

Прошло несколько томительных минут, и пароход вдруг стал уменьшаться в размерах.

— Мимо! Неужто мимо? Не может быть! — вслух повторял кочегар.

Но пароход уходил. Павел заметался по берегу, замахал руками, стал кричать:

— Ну, что же вы там, братцы! — голос Вавилова тонул в океане. — А-а-а...

Костер? Это была последняя надежда. Вавилов сгреб в кучу дощечки, наклонился над ними и пытался разжечь. Но трясущиеся руки ломали спички, головки их либо стирались, или, вспыхнув, тут же гасли, а вместе с ними гасла и надежда.

С корабля не заметили человека. Пароход растаял вдаль. Павел упал на землю и рыдал и все повторял: «Братцы, что же вы, братцы?»

ПИРАТ СНИМАЕТ МАСКУ

АРШАВИН трижды запрашивал неизвестный корабль на условной волне, но тот упорно молчал.

— Двигается встречным курсом, — докладывал старшина сигнальщиков Алексей, — судно большое, военное.

— Да, судя по всему, военное, — сказал Качарава, неотрывно следя в бинокль, как увеличивается в размерах дымящая черная точка. — Линкор или крейсер. Вон боевая рубка, орудийные башни.

На мостик поднялся Элимелак, он снял фуражку и, не скрывая волнения, провел рукой по высоким залысинам. Командир посмотрел на комиссара. Коренастый, большеголовый, тот стоял рядом, широко расставив ноги, и глядел то на палубу, где столпились матросы, то в море. «О чем он думает сейчас? О людях? Конечно, о них. Волнуется».

Что ж, и верно, все может случиться, время военное. Ведь обстреляла же вражеская подводная лодка станцию на мысе Желания. Вспомнилось Качараве первое боевое крещение еще там, на Белом море. Экипажу пришлось отбивать атаку сразу нескольких самолетов. Никто тогда не дрогнул. Все были на своих местах. Ледокол ошетинился огнем пулеметов, зенитных пушек, и вражеским стервятникам пришлось уйти ни с чем, разбросав бомбы где попало. И потом так бывало не раз. Но теперь военный корабль с мощной артиллерией, против которой «Сибирякову» нечего противопоставить.

— Передайте в Диксон: «Вижу крейсер неизвестной национальности, идет без флага!» — приказал Шаршавину Качарава.

В голову назойливо лезла одна и та же мысль: «Корабль не иначе как вражеский! Друг не стал бы прятать свое лицо. Кто же это — «Хиппер», «Лютцов» или «Шеер»?» Командиру было известно, что эти фашистские линкоры уже появлялись в северных морях. Они, как пираты, нападали на торговые суда у берегов Норвегии и топили их.

— Запроси сигналами название, национальность! — сказал Качарава Алексееву. Тот выполнил приказ. Через минуту с военного корабля передали название: «Тускалуза».

— «Тускалуза»? — удивился Качарава. — Как мог оказаться в Карском море американский тяжелый крейсер, да еще тайно?

В эту минуту над встречным кораблем поднялся полосатый со звездами флаг.

— Глядите, товарищ командир, американец! — взбегая на мостик, крикнул Сулаков. За ним спешно поднимались Никифоренко и Бочурко.

— Не верю я, Анатолий, этому. Здесь что-то не так, — сказал Элимелак.

— Все ясно, комиссар, — сказал Качарава и приказал радисту: — Сообщите в Диксон: «Военный корабль поднял американский флаг. Идет прямо на нас!»

Ответ из Диксона пришел немедленно: «В данном районе никаких американских судов быть не может. Корабль считать противником. Действовать согласно боевой инструкции!»

На «Сибирякове» прозвучали колокола громкого боя. «Тревога!» Словно ветром сдуло от борта моряков, каждый спешил занять свое место по боевому расписанию. С орудий слетели чехлы. В ту же минуту на клотике линкора замигал семафор.

— Запрашивает ледовую обстановку в проливе Вилькицкого! — доложил Алексеев.

— Ты слышишь, Зелик, что ему надо? — нервно сказал Качарава. — Курс — пролив между островами. Право руля! — приказал он стоящему у штурвала матросу.

Ледокол сделал резкий поворот.

— Думаешь, спрячемся? — спросил Элимелак.

— Попытка не пытка. Пока суд да дело, надо испробовать и эту возможность. Николай Григорьевич, — обратился Качарава к старшему механику, — бегите вниз и постарайтесь выжать из машины все возможное.

Бочурко по-военному отозвался: «Есть», — и поспешил вниз.

Теперь «Сибиряков» уходил в сторону от противника. Но тот тоже изменил курс с явным намерением преследовать советский пароход. Несмотря на то, что машина «Сибирякова» работала на пределе, расстояние между кораблями неумолимо сокращалось. Нет, не могло сердце старого ледокола соревноваться в силе с могучей машиной бронированного чудовища, скорость которого была почти четверо выше.

— Опять спрашивает состояние льдов в проливе Вилькицкого! — доложил с фок-мачты Алексеев.

— Как бы не так! — сказал командир. — Караван ему нужен, ишь чего захотел!

На мостике снова появился Бочурко и сказал, что большего машина не даст.

— Николай Григорьевич, вам все понятно? Запомните, если с командиром что-нибудь случится, открывайте кингстоны, топите судно. А команду на шлюпки. Но это в крайнем случае, товарищи.

— Понятно, Алексеич, — кивнул головой Бочурко, хоть понял, что Качарава говорил не только ему, а всем, кто был на мостике.

— Уж больно деликатно себя ведет этот самозванец, — заметил Сулаков.

— Погоди, Георгий Петрович, сейчас он иначе заговорит, — тихо ответил Элимелах.

В эту минуту пират скинул маску. Все, кто держал в руках бинокль, видели, как сполз вниз американский флаг и на мачту полезло красно-белое полотнище с фашистской свастикой*.

* Впоследствии выяснилось, что это был фашистский рейдер — «карманный» линкор «Адмирал Шеер». Скорость его хода — 28 узлов, дальность плавания — 21 500 миль, вооружение — шесть 280-миллиметровых орудий, восемь 150-миллиметровых, шесть 105-миллиметровых, восемь 37-миллиметровых, восемь торпедных аппаратов и два самолета.

— Приказывает остановиться! — крикнул сигнальщик.

— Все ясно! — ответил ему Качарава. — Спускайтесь вниз.

— Вот так глубокий тыл! — протянул Никифороенко. — Здесь почище, чем на Белом, придется.

— Ну, комиссар, что будем делать? — спросил командир.

Элимелах оглядел товарищей. Здесь были все, с кем он делил столько трудных походов, кому привык верить всем сердцем и кого успел по-настоящему полюбить. Вот они: строгий и исполнительный Сулаков, степенный и всегда невозмутимый Бочурко, статный, широкоплечий Сараев — твердый и прямой в любом деле, молодой и горячий Никифороенко, только что так лихо доложивший о готовности оружейных расчетов. Нет, такие не подведут. А Качарава? Комиссар восхищался его самообладанием в эту минуту.

Это совещание командиров было, наверно, самым коротким за всю историю «Сибирякова». Каждый понимал, что говорить уже не о чем, каждый ждал друг от друга лишь одного — крепкого мужского рукопожатия. Решалась судьба ледокола, и двух мнений быть не могло.

— Есть ли еще надежда оторваться от линкора? — спросил Элимелах.

— Нет! До островов далеко, уже не получится, комиссар.

Большие карие глаза командира сверкнули озорным огнем, брови насупились.

— Будем принимать бой!

— Других мнений нет! — за всех твердо ответил Сулаков.

— Тогда по местам!

Бочурко уже подошел к трапу и вдруг увидел у перил настороженно застывшую фигурку Юры Прошина. Подошел к нему. Юра повернул голову, лицо его было бледным, губы обкусаны.

— Ты что тут? — спросил Николай Григорьевич.

— Связной, по расписанию.

— Не робеешь?

— Нет. Интересно даже, как дальше будет.

— Эх, зук, зук, милый ты мой малыш! Интересно, значит?

Закусив губу, Юра кивнул головой и по-мальчишески шмыгнул носом.

— Ну, дорогой, крепись, будь мужчиной. Воевать сейчас будем. Понял?

— Ага, — снова кивнул головой Юра.

Бочурко похлопал юнгу по плечу и, как-то весь сгорбившись, начал спускаться вниз.

...Почему по телу пробегает мороз? Почему дрожат руки, а когда говоришь, рот сводит судорога и хочется крепко стиснуть зубы? Холодно? Нет. Идут последние минуты перед боем. Почему так сильно стучит сердце и думаешь, думаешь о том, что может сейчас произойти? Страшно? Да. Не верьте тем, кто говорит, что им было не страшно перед боем, — они кривят душой. И все же это не то чувство, которое может надолго лишить настоящего человека способности все четко видеть вокруг, правильно оценивать события и действовать. Нет! В такие минуты в людях происходит удивительное превращение: каждая клетка мозга, нервов, мышц готовится к жестокой борьбе и как бы напоминает: «Я здесь, с тобой, я помогу тебе, сражайся!» А потом проходит и холод и дрожь, и человек готов к схватке. Теперь он будет тверд, и уж если придется отдать свою жизнь, отдаст ее дорого и зная за что.

Некоторые умеют в такие минуты не выдавать своих чувств, и это называют хладнокровием. Неверное слово. Хладнокровным может быть лишь тот, у кого вместо сердца камень, кто спокойно созерцает беззащитную жертву, уверенный, что расправится с ней без труда. Но куда девается хладнокровие, когда появляется противник, сильный и беспощадный, — холодная кровь закипает от страха.

Другое дело самообладание. Оно рождается твердой верой в свою правоту. Гордо, с поднятой головой идут на смерть смельчаки, верные долгу. Им тоже дорога жизнь, но они спокойны, ум их работает ясно, и в пору самых тяжелых испытаний ни одна жилка не дрогнет на лице. Именно самообладание, а не

хладнокровие было присуще советским людям в минувшей войне.

По боевому расписанию кают-компания на «Сибирякове» превращалась в лазарет. Валя Черноус, едва сдерживая дрожь, разясняла санитарам их обязанности. В ее распоряжение поступили буфетчица Наташа Ринкис, уборщицы Варя Деснова и Анна Котлова. Девушки надели белые халаты и с каким-то удивлением озирались вокруг, не сразу понимая, что говорит им доктор.

— Неужто стрелять будут? — прижав руку к сердцу, срывающимся голосом произнесла Наташа. — Неужто будут?

Сознание того, что она здесь все-таки старшая, заставило Валу собраться с силами.

— Бинты сюда! Разворачивайте вату! Бутылку с йодом поставьте на стол! Да перестань ныть, Наташа! — командовала она.

В дверях появилась Дарья Михайловна Колкунова. Заметив растерянность девушек, она улыбнулась и ласково сказала:

— Что, сороки, приумолкли? Струхнули? Все будет ладно. Давайте-ка я вам помогу.

И сразу всем стало легче, словно ничего особенного не случилось. Присутствие тети Даши действовало успокаивающе. Вале вдруг захотелось выбежать на палубу, узнать, как там. Прошло всего пятнадцать минут, а казалось — часы. Улучив момент, Валя Черноус выскользнула из кают-компания и глянула вверх на мостик. Там Качарава что-то говорил Элимелуху.

«Товарищ капитан, что ж это будет?» — хотелось ей крикнуть и быть поближе к нему. Снова тревожно застучало сердце. По трапу быстро сбегали офицеры.

Сулаков и Сараев спешили в кормовую запасную рубку. Инструкция предусматривала: в случае боя иметь два командных пункта. Туда же направился и старший радиотехник Михаил Будылин. Ему предстояло подносить снаряды.

— Вам что, доктор, помощь нужна? — прозвучал рядом голос Павловского.

Боцман вместе с комиссаром возглавлял аварийно-спасательную команду. И сейчас матросы разворачивали пожарные шланги, готовили песок, огнетушители. Павловский спокойно смотрел на Валю и ждал ответа.

— Нет, мне ничего не нужно, Андрей Тихонович, — ответила Валя и поспешила к девушкам.

— А то берите из пассажиров, — прогудел вслед ей боцман, — люди там бывалые, помогут.

Уже закрывая дверь, Валя глянула в щелку и увидела застывший у орудия расчет. Хобот пушки двигался, как живой, словно нюхая ядерный морской воздух. Из люка вылез кочегар Вавилов и положил на носовую палубу ящик со снарядами.

Над линкором поднялось серое облачко, и почти мгновенно перед носом «Сибирякова» из воды выросла огромная белая пирамида.

В 13.40 Диксон получил от «Сибирякова» радиogramму всего из двух слов: «Принимаем бой!» В 13.47 пришла еще одна, видимо посланная Шаршавиным по собственной инициативе: «Ну, началась канонада!»

Потом «Сибиряков» долго не отвечал. Наконец несколько сбивчивых, обрывающихся на полуслове сигналов и один полностью принятый текст: «Продолжаем бой, судно горит...» Это было последнее сообщение с ледокола.

Передающая станция Диксона уже посылала в эфир тревожную весть: «Всем, всем, всем. В Карском море появился фашистский крейсер. Ледокольный пароход «Александр Сибиряков» принял бой».

Радиogramмы вскоре лежали на столах капитанов четырнадцати судов каравана в проливе Вилькицкого. Через час корабли вошли в лед и стали недосыгаемы для пирата.

Подвиг сибиряковцев был у всех на устах. Где они? Чем кончился бой? Теперь ледокол вызывали десятки станций.

Но «Сибиряков» молчал.

«СИБИРЯКОВ» ИДЕТ В АТАКУ

СДЕЛАВ предупредительный выстрел, фашистский рейдер просемафорил приказ: «Спустить флаг!» Качарава зло усмехнулся и кивнул головой застывшему в ожидании Никифоренко:

— Давай!

— Бронбойным!.. Бронбойным!.. Бронбойным!.. — как

эхо, повторяли заряжающие.

— Огонь!

«Сибиряков» содрогнулся, орудия ударили разом.

— Получай ответ! — крикнул Дунаев и вложил в дымящийся зев казенника очередной патрон.

Перед бортом линкора поднялись четыре фонтана: снаряды не долетели. Но Никифоренко видел в дальномер, как с палубы вражеского судна исчезли маленькие черные фигурки гитлеровцев.

— Спрятались, не нравится! — проворчал офицер. — Эх, жаль, пушки маловаты, я бы вам показал! Огонь! — снова крикнул он.

После второго залпа «Сибиряков» пошел навстречу пирату.

«Таран!» — подумал Качарава. Но тут же отверг эту безумную мысль: фашистский крейсер легко ушел бы от столкновения. Отверг и все-таки дал команду идти на сближение. Одержать моральную победу — вот что было важно сейчас. Только решимость, единство и мужество экипажа он мог противопоставить вооруженному до зубов противнику.

Решение командира поняли все. Поняли, и никто не дрогнул. Люди были готовы идти на смерть!

На линкоре уже прошло первое изумление неслыханной дерзостью маленького ледокола. Зашевелились издали похожие на карандаши стволы пушек, борт окутался дымом. С визгом и стоном плюхались в море вокруг «Сибирякова» смертоносные снаряды, поднимая высоченные столбы взбесившейся воды. Но он шел и шел вперед. По какой-то счастливой случайности первый залп противника почти не причинил

вреда. Надо полагать, фашистский командир не был готов к такому неожиданному повороту событий. Он, видимо, рассчитывал, что одного выстрела будет достаточно для устрашения жертвы. Сколько судов разных стран спускали флаг по первому же его приказу, стопорились машины! Команды поспешно спускались в шлюпки, а потом — несколько неторопливых выстрелов по застывшей мишени, и все кончено. Так случалось не раз на разбойничьей дороге рейдера.

Но теперь перед фашистами было советское судно. Его экипаж не испугали десятки тяжелых орудий закованного в броню бандитского корабля. «Сибиряков» смело ринулся в бой со своими четырьмя крохотными пушчонками. Разве могли понять гитлеровцы, что в эту минуту советские моряки думали не о спасении своей жизни, а о тех, кто шел сейчас ледовыми дорогами Арктики!

Срезало верхушку фок-мачты, она падала, задев за ванты и увлекая вниз красный трепещущий лоскут.

— Флаг! Сбило флаг! — раздались голоса.

«Как же без флага-то?—подумал Иван Алексеев и помчался по трапу к тому месту, куда рухнул обломок мачты. — Гады, еще решат, что мы сдаемся».

Иван бросился к мачте, но в эту минуту резкая боль пронзила левый бок. Руки судорожно прижались к груди, сквозь пальцы сочилась кровь. Жгло спину, на нем горела фланелевка. Старшина пытался стащить ее, но онемевшие руки не слушались.

Подбежали Новиков и Синьковский, помогли снять рубаху.

— Флаг! — только и смог сказать Алексеев.

Новиков понял.

— Ваня! — крикнул он почти в самое ухо Синьковскому. — Помоги старшине, я мигом.

И он убежал.

Через минуту все увидели взбиравшегося на мачту матроса. Не многие разобрали сквозь дым, кто это, но увидели, что за человеком поднимается алая, как пламя, полоса.

Над судном рвались снаряды, и жизнь смельчака висела на волоске. Взоры всех были прикованы к ма-

ленькой фигурке на мачте. И вот уже ветер развернул кумачовое полотнище, и оно гордо заколыхалось над «Сибиряковым». Бой разгорелся с новой силой.

А матрос? Матроса уже не было в живых.

— Скворцов! Скворцов! Дунаев! — кричал в трубку Никифоренко.

Артиллеристы не отвечали: связь нарушилась. Офицер бросился к трапу. Вскоре его звонкий голос разносился где-то на корме. Выстрелы орудий, надсадный вой собак, жалобное мычание коров, резкие выкрики команд. Дикая какофония раскалывала мозг, терзала нервы.

— Скажите, что мне делать, Зелик Абрамович! — кричал в ухо комиссару Золотов. — Я должен что-то делать, иначе можно сойти с ума!

— Помогайте подносить снаряды! Снаряды, понимаете? Идите к Дунаеву!

Золотов кивнул головой и помчался к носовым орудиям. В это время страшный удар потряс судно: одиннадцатидюймовый снаряд угодил в корму. Качарава видел крутящиеся в воздухе бревна, ящики, какие-то лохматые, шевелящиеся комочки, переломленный надвое кунгас. Смолкли кормовые орудия. На палубе заплясали кривляющиеся языки пламени. «Сибиряков» потерял управление и беспомощно закружился на месте, как бумажный кораблик. Матрос Котлов все еще растерянно крутил штурвал.

— Юра! Прошин! — позвал Качарава связного. — Беги скорей на корму, к Сулакову. Пусть возьмут ручное управление. Передашь: курс — остров!

До этой минуты Юра находился словно в забытии. Он стоял на мостике за спиной командира и удивленно смотрел по сторонам: на воду, вспененную взрывами, на палубу, где то появлялись, то исчезали желто-красные всплески огня. Там, по палубе, бегали люди, перекрещивались белые струи брандспойтов; иногда люди падали, он узнавал и не узнавал их, все были какие-то странные, не похожие на себя. Прошин смотрел вокруг и удивлялся своему спокойствию: ка-

залось, он в кино, зритель, не способный чем-либо помочь героям фильма.

Голос командира вывел его из оцепенелости. Юра сбежал по трапу. Откуда такая легкость в ногах, в теле? Как не похожа на себя палуба: обломки, грязь, какие-то пятна, липкие лужи — это кровь.

Оглушительно рвякает на носу орудие. Звенят падающие гильзы. Палуба вдруг подпрыгнула, Юра уцепился за фальшборт, его едва не скинуло в воду. «Жив». Поднялся на ноги. «Скорее на корму! — вспомнил он приказ командира. — Курс — остров».

Яркая вспышка ослепила Сараева: зажмурился. Его больно толкнуло в спину, упал навзничь.

Очнувшись, Сараев огляделся и понял, что произошло: снаряд разорвался на кормовой орудийной площадке, пушки там больше не стреляют.

Цепляясь за стенку рубки, контуженный парторг стал выбираться на палубу. Словно из подземелья, донесся прерывающийся голос связного. Юра махал руками, силился что-то объяснить. Потом подбежал к штурвалу и, повиснув на нем, стал поворачивать его влево. Сараев догадался: командир приказал взять управление на себя. Тогда и он подошел к штурвалу, похлопал юношу по плечу и сказал: «Иди». «Остров, остров!» — крикнул ему в ухо Юра. Сараев кивнул головой, схватился за ручки, но колесо не поддавалось его ослабевшим рукам. В эту минуту рядом появился Сулаков. Он без слов понял, что произошло. И, отстранив радиста, громко сказал:

— Дай-ка я, а ты отдышись. Орудия-то снесло. Погляди. Никифоренку никак убило. Вон фуражка лежит, не его?

Сараев подошел и поднял ее, обтер рукавом козырек. Изнутри выпала карточка. Это был портрет улыбающейся девушки, той самой, которая провозжала артиллериста в Архангельске.

Качарава почувствовал, как чья-то твердая рука взяла руль, и пароход снова двинулся к острову. Капитан увидел, как вдоль правого борта, перекинув

через плечо длинный сосок брандспойта, к корме спешил Павловский. Он с трудом тащил за собой серую кишку пожарного шланга. Ему помогали Седунов, Сафронов и Малыгин. Но упругие струи воды не могли одолеть разбушевавшегося огня: словно живой, расплзался он в разные стороны.

Рядом с Качаровой появился Прошин.

— Беги к комиссару. Пусть ставит дымовую завесу. Понял?

Юра кивнул головой и сбежал с мостика.

Через минуту с правого борта поднялись клубы белого густого дыма, скоро он встал высокой стеной, заслоняя море и вражеский крейсер с зловещей свастикой на флаге. Ветер погнал дым к острову, словно стараясь помочь «Сибирякову» укрыться от губельного огня гитлеровского линкора. Элимелах зажег шашки.

Потом Качарава увидел сквозь дым карабкавшегося на грот-мачту Сараева. Уцепившись за ванты, тот что-то делал. Командир перевел взгляд на фок-мачту. Там по-прежнему гордо реял флаг Родины, всего несколько минут назад поднятый матросом. Кем? Он так и не увидел. А теперь Сараев зачем-то лез вверх. Разрыв фугасного снаряда — и связист упал вниз. «Надо спасать людей», — четко работала мысль.

Снова судно вздрогнуло, его качнуло, словно грушу под ударом боксера. Корабль накренился на правый борт и тут же выпрямился — выстоял. Сараев увидел: перебило передающую антенну у грот-мачты. Провод лопнул. Конец его упал на металлическую крышку люка. «Замкнуло, — подумал радист, — надо исправить». Парторг уже оправился после недавнего удара, силы возвратились к нему.

Сараев подбежал к люку, схватил оборванный провод, стал взбираться по вантам. Выше, выше. Вот уже видно почти весь корабль. Какие страшные разрушения! Горят надстройки. «Может быть, укрепить антенну прямо тут, за ванты? Нет, чем выше, тем лучше будет связь».

Осколок фугасного снаряда обжег правую руку выше локтя. Она отяжелела, отказывалась слушаться. Сараев, словно чужую, оглядел ее. Ветерок разносил кровь, и брызги окропляли куртку, повисая на ней крупными алыми бусинками. «Ничего, еще немного». Он перехватил провод зубами и снова начал карабкаться, слабея с каждым движением. «До реи не добраться», — понял радист и, зацепившись за ванты ногами, принялся одной рукой прикручивать антенну к скобе мачты. Он хорошо сознавал, что первый же близкий разрыв снаряда сразит его и тогда снова оборвется связь, может быть, в самую нужную минуту. Он торопился.

В ОГНЕ

КОМАНДИР схватил мегафон и громко крикнул:
— Спускайте шлюпки! С правого борта! Быстрей!

Несколько человек бросились выполнять команду. Среди них был и Элимелак. В кают-компанию несли раненого. Кто это там в белом халате? Валя? Нет, Валя внутри. На мостике делать нечего. Вниз, на палубу, где идет жестокая битва с огнем. Он увидел, как четко работают у носовых орудий артиллеристы. Узнал фигуру старшины Скворцова. Тот что-то кричал припавшему к прицелу Тарбаеву. Снова и снова из орудий вырывались красноватые вспышки. Гибнущий, но не побежденный ледокол продолжал сражаться.

Анатолий Шаршавин, не переставая, стучал ключом. Страшное творилось на палубе. В эфир непрерывно летели донесения капитана, которые то и дело приносил Юра Прошин. Он клал на стол перед радистом коротенькие записки от Качаравы, наспех написанные карандашом, и снова убегал. По этим сводкам Анатолий мог судить о том, что происходит на

судне, как идет бой. Дела обстояли плохо, но экипаж дрался отчаянно до последнего. Анатолий крепче прижимал наушники, чтобы не так был слышен грохот сражения, но в наушниках трещало, как во время раскатов грома. Анатолий не был уверен, что каждую посланную им радиограмму точно приняли в Диксоне: связь ухудшилась. Одно из сообщений командира было: «Идем на сближение!»

«Значит, все кончено. Сибиряковцы погибнут, но как герои». Эта мысль заставляла Анатолия работать с утроенной энергией. «Надо, чтобы о мужестве экипажа стало известно как можно больше». Запросы на корабль шли отовсюду, с разных кораблей: сибиряковцев подбадривали, восхищались их отвагой, но было ясно — с ними прощались, хотя и не говорили об этом. Вдруг он уловил «голос», который больше всего хотел услышать. Анатолий узнал — это Нина. Она откликнулась на зов, но, видно, не получила ответа: сигналы Анатолия перестали доходить до Тикси. Радист слышал стук ключа, который передавал тревогу девушки: «Почему молчите? Прием, прием...»

Анатолий понял: «Сибиряков» стал немым. Неужели он так и не сумеет передать Нине то, что не успел сказать во время последней короткой встречи? И тут наперекор логике, не отдавая отчета, что его не слышат, он заработал ключом: «Прощай, Нина, люблю...»

А голос из эфира по-прежнему зывал: «Почему молчите? Прием, прием...»

Огромной силы взрыв оглушил Шаршавина. Вражеский снаряд ударил в соседнее помещение, и несколько осколков прошили тонкую переборку радиорубки. К счастью, ни один из них не причинил вреда радисту. Анатолий очнулся и вновь приник к наушникам: в них что-то трещало. Потом он отчетливо различил вызов: снова запрашивал Диксон. Анатолий схватился за ключ. Он сделал это машинально, так как перед этим связь была только односторонняя. И вдруг неожиданно «Сибиряков» заговорил, Диксон услышал его. Анатолий поспешил передать последнюю радиограмму капитана. Тут же стал принимать ответ, последние слова с родной земли. Связь

снова оборвалась, и на этот раз окончательно. Анатолий выбежал из радиорубки и поднялся на командный мостик.

— Товарищ командир, радиостанция не работает, — подбежал он к Качараве, — связь прервана.

— Передал последнюю радиограмму?

— Да, успел, что-то произошло, и нас услышали. Потом Диксон ответил, — радист протянул Качараве измятый бланк.

«Родина не забудет ваш подвиг...» — большими пляшущими буквами вывел Шаршавин. И тут Качараву понял все, понял, почему так настойчиво лез на грот-мачту секретарь партийной организации.

— Товарищ командир, — подбежал Кузнецов, — как быть с документами?

— Немедленно уничтожить, и в первую очередь секретные.

На полу маленькой каюты, где помещалась секретная часть, горел костер. Михаил Кузнецов, плача от едкого дыма, по листику вырывал из папок документы и бросал их в огонь. Бумагу жадно схватывало пламя, листки краснели, потом чернели и рассыпались серым пеплом. Так папку за папкой Кузнецов уничтожил все, что считал необходимым, на полу валялся с десятков отошавших обложек. Убедившись, что костер прогорел, он подошел к опустевшему сейфу, привычным движением запер его и сунул ключ в карман. Все. Теперь, предав огню свое хозяйство, он уже не шифровальщик, он рядовой боец, место которого там, на палубе, вместе с остальными товарищами.

Михаил поднялся наверх и сразу ощутил на себе горячее дыхание пожара. Мимо с носилками, на которых лежал стонущий Будылин, прошли Гергега и Седунов.

— Скорей беги на корму! — на ходу крикнул Кузнецову Серафим. — Мальчугана ранило.

Перескакивая через обломки каких-то ящиков, комсорг кинулся к корме. Юру Прошина он нашел скорчившимся на мотке каната. Он прикрывал локтем лицо, кругом бушевал огонь. Михаил осторожно поднял юношу на руки и понес его к кают-компани. Но-

ги разъезжались по мокрой окровавленной палубе, идти было трудно. Кузнецов поскользнулся, но сумел плечом удержаться о переборку и только поэтому не упал, а медленно опустился у надстройки, удерживая Прошина на руках.

Юра открыл глаза, приподнял голову.

— Ничего, потерпи, дорогой, сейчас тебя отнесу к доктору, и все будет в порядке, — старался подбодрить товарища Кузнецов.

— Не надо, Миша, нести. Положи тут..

— Вот сейчас встанем и пойдем, — продолжал комсорг.

— Умру я все равно, убили ведь они меня, я знаю...

На минуту Юра умолк. Кузнецову удалось подняться, и он осторожно двинулся дальше, к носовой палубе, где по-прежнему било оружие Дунаева.

— Маме только ничего не говорите, — вдруг снова заговорил Прошин. Голова его покоилась у плеча комсорга, и тот слышал каждое слово юноши. — Я за маму боюсь...

— Да что ты выдумал, зук, перестань! — строго сказал Кузнецов. — Поживем еще, в комсомол тебя примем.

Но в этот миг он почувствовал, как обмякло в его руках тело Прошина, голова безжизненно повисла. Комсорг, опустившись на колени, положил юношу на пустые ящики из-под снарядов.

— Юра! Малыш!

Юра не ответил.

Кузнецов поцеловал его в лоб, поднял с палубы обрывок брезента и аккуратно, точно спящего, накрыл им друга.

Так погиб самый юный моряк с «Сибирякова», ученик машиниста Юра Прошин по прозвищу «Младен — большие глаза».

На полубаке с воем начали рваться бочки с бензином. С бортов в океан устремился огненный поток. Он стелился по воде, и судно оказалось в кольце пламени.

— Спасайте людей! — крикнул Качарава боцману. — В первую очередь раненых и женщин!

Он спустился вниз и увидел Элимелаха. Комиссар был без фуражки, с опаленной головой. На рваном, прожженном до дыр кителе виднелись следы крови. Взяв из рук капитана листок, Элимелаш быстро пробежал его глазами, поднял над головой и громко крикнул:

— Товарищи, телеграмма из Диксона! Друзья! Родина шлет нам привет. Не вешайте головы! Спокойней. Мы выполнили свой долг. А сейчас в шлюпки! Первыми грузить раненых!

Из огня, что бушевал на полубаке, выскочил горящий, как факел, человек. На него набросили брезент, сбили пламя. Это был Кузнецов. Последние минуты перед взрывом бочек он помогал Дунаеву у орудия. Огненная лава захлестнула комсорга. Он сильно обгорел, целым осталось лишь лицо, которое Михаил успел прикрыть руками. Бесчувственного, его понесли к борту, где готовили шлюпки.

Сараев поднял тяжелые веки, повернул голову. С неба на него смотрела свинцовая туча с окровавленными краями. По очертаниям она была похожа на корабль, на «Сибирякова». По крайней мере так рисовало воображение. Попробовал подняться, но тело, словно чужое, не повиновалось. Он чувствовал сверлящую боль в спине. Спины не было — была только боль.

Рядом кто-то застонал. Сараев повернулся и увидел в двух шагах от себя Сулакова. Тот протягивал ему руку. И радист инстинктивно протянул свою. Слабеющие пальцы встретились. Но вот рука товарища безжизненно скользнула вниз, и он понял вдруг, что остался один. Ему стало жутко. «Один, совсем один. Надо добираться к своим», — подумал Сараев.

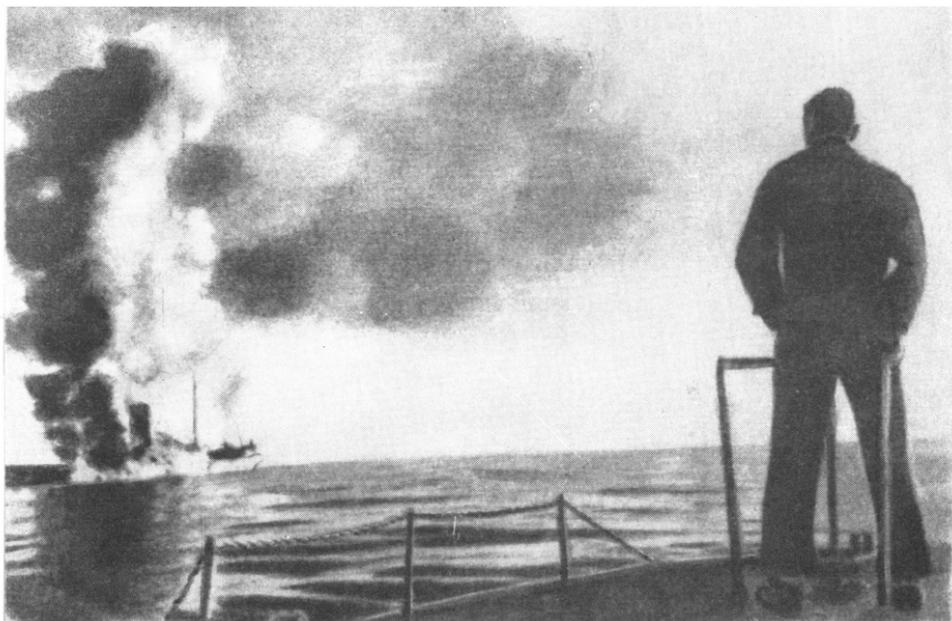
И он пополз. Сторонясь огня, прижался почти к самому фальшборту, в котором зияла огромная дыра с острыми краями внутрь. Сквозь отверстие виднелась седая морская гладь. Над ней тут и там плавали редкие льдинки, те самые, которые еще час назад

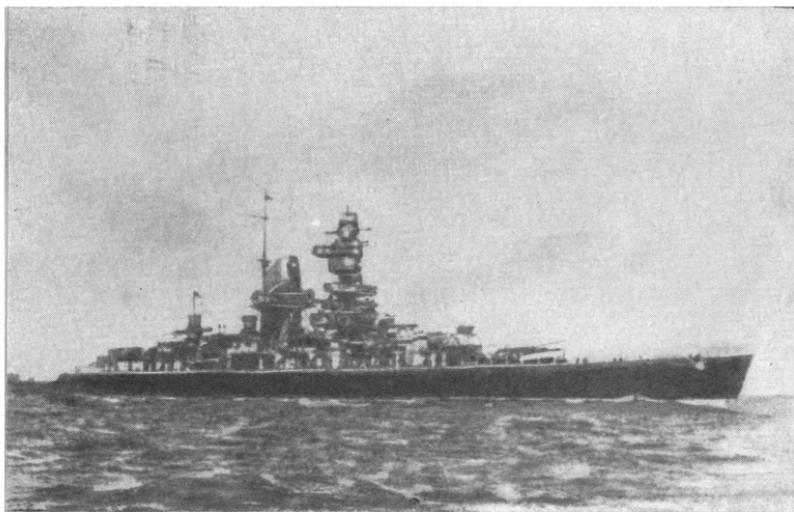
Герой Советского Союза
И. П. Мазурук. 1943 год.

Петр Гайдо и Николай Матвеев.

Пират любуется своей жертвой.

Фашистский линкор «Адмирал Шеер».

летели навстречу кораблю, как вестовые ледяных полей. До них не дотянули: путь преградил пират. Сейчас Сараев видел его, это морское бронированное чудовище, изрыгающее огонь. «Сволочи, вот сволочи!»

Сараев собрал остатки сил и снова пополз. Он пробирался сквозь хаос разрушений, нагромождение досок, бревен, канатов, обугленных трупов. Наконец добрался до кают-компания. В нос ударили запахи йода и крови. На полу, на сдвинутых стульях лежали и сидели раненые. Сараева в суматохе никто не заметил, он лежал у порога. «Вот и добрался к своим, теперь все будет хорошо». Эта мысль успокаивала.

Тогда он ухватился рукой за ножку привинченного к полу стула и попробовал подтянуться; удалось лишь переползти порог. Увидал Наташу, потом Ваю. На столе кто-то стонал. Валя делала перевязку, ей помогала тетя Даша.

До слуха Сараева доносились звуки команд, треск бушующего огня, выстрелы орудий, медный звон падающих гильз. «Носовые бьют. Еще сражаются».

И вдруг все исчезло, потонуло в грохоте. Парторга швырнуло к стене. В густом облаке дыма он различил лишь блуждающие тени. Казалось, люди переламывались пополам. Вот дым рассеялся, и Сараев увидел фигуру женщины. С распростертыми руками она шла прямо на него, ее большие глаза были широко открыты. «Валя!» Девушка сделала еще шаг, затем, сломившись в коленях, рухнула, как подрубленная березка.

«Опять один», — Сараев собрал в себе остатки сил и снова пополз искать людей. Он сам не понимал, как ему удалось взобраться на мостик. Среди разбитых приборов и осколков стекла лежал штурман Павел Иванов. Он был мертв.

Вот уже и правое крыло рубки. Снизу доносятся голоса. Узнал бас Павловского, услышал команды Качаравы, Элимелаха. Подтянувшись на руках до края площадки, Сараев посмотрел вниз. Командир стоял, прислонившись к фальшборту, и давал распоряжения. Он был в полосатой тельняшке, с нагапом

на поясе и почему-то вдруг напомнил Сараеву революционного матроса из кинофильма «Мы из Кронштадта». Окровавленная рука Качаравы повисла как плеть, но он продолжал руководить спасением людей.

Сознание уходило,

Когда «Сибиряков» беспомощно закружился на месте, Бочурко понял: «Что-то стряслось с машиной». Не раздумывая, он бросился в котельную. Пробраться туда оказалось нелегко — палуба корабля, развороченная снарядами, напоминала поле сражения, где вперемежку было свалено все: дымящиеся доски, искореженные куски металла. Ему преграждали дорогу взбесившиеся от страха животные. Коровы не мычали, а надсадно выли хриплыми голосами, с визгом носились собаки и путались под ногами. У самого входа валялся бычок с оторванной головой, придавив дверь, из-за которой вырывался густой белый пар. «Там же люди!» Бочурко стало не по себе. Старший механик с трудом оттащил от двери тяжелую тушу. Его обдало горячим паром. Рана в плече давала о себе знать. Он ринулся вниз, но задохнулся и остановился. Из глубины, подобно призраку, появился странный силуэт. Бочурко не сразу различил, что это были два человека: один нес другого. Теперь он узнал их. Николай Матвеев тащил вверх по трапу второго механика Валерия Паромова. Сам он тоже был обожжен. Николай Григорьевич стал помогать. Вдвоем они вынесли Паромова и положили на палубу. В это время на них случайно натолкнулись матросы из спасательной команды боцмана — Дмитриев и Седунов. Павловский послал их осмотреть еще раз палубу: нет ли где-нибудь раненых? Санитары положили на носилки механика и понесли к шлюпке.

Матвеев, который отдышался на воздухе, вдруг схватил Бочурко за плечо и простонал:

— Внизу Воробьев и Чечулин!

Вместе с Матвеевым Бочурко снова бросился к трапу. Навстречу, пошатываясь, выполз Воробьев. Бочурко крикнул:

— Где Чечулин?

Кочегар, словно не понимая вопроса, молча растегиwał ватник. Он тяжело дышал.

— Где Чечулин? Понимаешь? — срывающимся голосом повторял Бочурко, теребя матроса за плечи. Тот устало стер ладонью пот со лба, тихо произнес:

— Искал его, не нашел. Снаряд туда попал. Конец машине.

Бочурко стащил с головы кожаный картуз и произнес вслух, обращаясь к кораблю:

— Это все, «Саша». — И тут же, другим, властным голосом скомандовал: — А ну, ребята, быстрее на помощь к Павловскому, там раненых много.

Старший механик стал пробираться к командиру.

Сараева увидел Павловский. Он взбежал по трапу и, бережно подняв товарища, спустился и положил парторга на палубу.

— Петя, Петенька! — услышал боцман голос Наташи. — Еще немножечко. — Девушка тащила бледного Шарاپова. Он обнял ее рукой за шею и с трудом волочил ногу.

— А ну, давай помогу, — сказал Павловский и легко перевалил Шарاپова через борт. — Держи, Морозов! Наташа, давай за ним. Теперь примите Сараева.

На воде качались две полузатопленные шлюпки, в них уже находилось несколько раненых.

Боцман, плотники Герега, Карпов, Седунов и Копытов еще и еще раз обшаривали горящие помещения.

Рядом с Качаровой вдруг появился Бочурко. Он стоял молча, и по щекам его катились крупные слезы.

Вся жизнь старшего механика была связана с этим стареньким пароходом. Начал он на нем работать еще безусым пареньком и дослужил до седых волос. Старел Бочурко, старела и машина — сердце ледокола, и никто так, как он, не понимал биение этого сердца. Старый механик помнил все дороги, которыми хаживал «Сибиряков».

— Конец нашему «Сибирякову», Алексеич. Уж лучше утопить, чем вот так, — сказал Бочурко.

Качарава кивнул головой:

— Верно, Дедушка, видно, пора!

Глаза старшего механика озарились каким-то внутренним светом, в них горела решимость. В эту минуту он был прекрасен, как бывает прекрасен человек, идущий на подвиг.

— Не увидимся больше, капитан! Иду...

И Бочурко отправился открывать кингстоны. Качарава смотрел ему вслед. Было ясно: старший механик не расстанется с кораблем, как и он сам.

Но случилось иначе.

Над палубой вновь разверзлось небо, совсем близко разорвался фугасный снаряд. Качарава схватился за живот и, скорчившись, рухнул на палубу.

Боцман поднял его, нежно, словно ребенка, уложил на брезент. Несколько рук помогли ему спустить командира в шлюпку. В ней было уже человек двадцать. Шаршавин и Герега приняли бесчувственного Качараву и положили на корму. С борта начали спускаться остальные.

— Спасайте, люди в воде, — раздался сверху голос Элимелаха.

Все повернули головы. Метрах в двадцати от них плавала перевернутая шлюпка, опрокинутая взрывом. Она накрыла тех, кто был в ней: женщин, раненых. Вот над водой показался Алексеев, затем Сараев, больше никого.

— Держись, ребята! — крикнул им Герега.

Плотник оттолкнулся веслом от борта. Грести мешали плавающие в воде обломки. Едва успели: еще минута, и оба товарища пошли бы ко дну. Сараева вытащили уже без сознания.

— Комиссар! Комиссар! — звали матросы. — Прыгайте вниз, к нам, — и начали грести к судну.

Нос «Сибирякова» скрылся под водой.

— Немедленно отгребайте! — закричал с палубы Элимелах.

— А вы?!

— Я вам приказываю! — повторил комиссар и исчез за клубами дыма.

— Держись поближе к судну, — сказал боцман сидевшему на руле Котлову, — может, кого подберем. А потом к острову.

Непоколебимое спокойствие Павловского вселяло в сердца измученных людей веру в скорое спасение. Тонуший «Сибиряков», дым и горящее море скрывали их от глаз фашистов. Родной корабль бился на волнах, как подстреленная птица. Потом резко накренился вперед и стал быстро погружаться. Обнажая безжизненный винт, задралась корма, над которой развевался боевой флаг. За древко держался комиссар, его застилал дым, поднимавшийся с палубы. Рядом появился Бочурко. Он обнял Элимелаха и тоже ухватился за древко. Их фигуры возвышались над водой, как монумент. Такими и запомнили их навсегда сибиряковцы. Вода поглотила корабль. Тщетно моряки ждали, что кто-нибудь появится над волнами.

Послышался нарастающий рокот. К шлюпке, вспенивая воду, мчался вражеский катер. Несколько минут моряки в отчаянии налегали на весла, но скоро поняли: уйти не удастся.

— Эх, пулемет бы сейчас! — подняв над головой обожженную руку, глухо проговорил Скворцов.

— Нет, Коля, у нас пулемета, — вздохнул Павловский и уже громко, чтобы все слышали, крикнул: — Документы уничтожены. И капитана с нами нет! Нет! Все поняли?

Фашистский катер убавил ход и, развернувшись, встал рядом со шлюпкой. Острые крючья багров вцепились в борт.

— Сдавайтесь! Вы в плену, — по-русски приказал офицер.

— На, выкуси, гадина! — воскликнул Матвеев и, поднявшись во весь рост, швырнул в гитлеровца топор. Острое лезвие рассекло воздух у самого уха побелевшего офицера.

Короткая автоматная очередь. Матвеев схватился за грудь и повалился на руки боцмана.

— Не сдадимся, сволочи! — в иступлении кричали раненые и прыгали в воду. Несколько гитлеровцев соскочили в шлюпку и начали бить моряков прикладами. Шаршавину заломили руки назад, он отталкивал врагов ногами. Обессиленные люди не могли долго сопротивляться: по одному их, связанных или оглушенных, втаскивали на катер. Павловский видел, как швырнули туда безжизненные тела Качаравы и Сараева. «Нет, я не должен оставлять их». Соломбалец бережно положил Матвеева на корму и, оттолкнув гитлеровца, сам прыгнул на борт катера. За спиной все еще трещали автоматные выстрелы.

Эта расправа над сибиряковцами в сохранившемся вахтенном журнале фашистского рейдера была отмечена следующими словами: «Катер обнаружил в шлюпке двадцать восемь человек. Но несколько русских отказались погрузиться и пошли ко дну». Несколько — это девять советских матросов.

...Трое метались в огненной ловушке. Они искали спасения. От остальной части судна их отрезала непреодолимая стена огня: за бортом пылал бензин, казалось, горело море. Жадное пламя гуляло по носовой палубе. Было нестерпимо жарко: волосы на голове потрескивали, воздух накалился и обжигал лицо, горло, легкие; хотелось только одного — глотнуть воды...

Трое искали, но не находили выхода.

Раненый комендор Дунаев еле держался на ногах. Артиллерист сражался до тех пор, пока оружие не вышло из строя. Дунаева вытащили из огня Павел Вавилов и Алексей Сафронов.

Вдруг появилась надежда, маленькая надежда: забраться по вантам как можно выше, и оттуда, может быть, удастся спрыгнуть в воду, за кольцо огня.

Трое карабкались вверх. Жар достигал их и здесь. Ванты тоже горели. Но трое карабкались вверх. Вот судно резко накренилось на левый борт, бурлящим потоком вода хлынула на палубу, отбывая добычу у огня. И она победила.

Гигантская воронка засосала троих. Вынырнули только двое. Дунаев судорожно обхватил толстое бревно, но оно выскользнуло из рук. Дунаева не стало. Среди обломков плавал один Вавилов. В том месте, где скрылся «Сибиряков», все еще пылал огонь.

От ледяных объятий сводило ноги, словно тисками сжимало грудь. И вдруг — шлюпка! Она была совсем близко. Откуда только взялись силы! Вавилов поплыл. Скоро он уже взбирался в спасительное суденышко. Оно было полузатоплено. Вавилов различил в нем лежащего человека. Это был Матвеев. Глаза глубоко ввалились и застыли, нижняя губа прикушена. Кочегар накрыл товарища брезентом.

Остров?! К нему теперь был обращен полубезумный взгляд человека: «Скорей туда! Может быть, там есть люди». Он схватил доску и начал торопливо грести. Совсем рядом на волнах увидел собаку. Животное каким-то чудом держалось на поверхности и жалобно скулило. Вавилов взгляделся и понял: собака лежит, прижавшись к какому-то крохотному плоту. Это была дверь одного из домиков, так любовно срубленных плотниками для полярной станции Золотова.

Павел подгрел ближе, схватил собаку и перетащил в шлюпку...

КРАХ ОПЕРАЦИИ «ВУНДЕРЛАНД»

ПЛЕННЫЕ русские подняты на борт! — доложил командиру линкора молодой щеголеватый офицер.

Капитан Меенсен Больхен скривил тонкие губы:

— Что ж, с победой, лейтенант! Не поняв иронии начальника, тот самодовольно осклабился:

— Благодарю вас, мой командир, они надолго запомнят этот урок.

— А вы? — сердито оборвал его Меенсен Больхен и, видя, как вытянулось лицо лейтенанта, добавил: —

Не смейтесь над теми, кто умеет так драться. Есть ли среди пленных офицеры?

— Они утверждают, что все командование погибло, — ответил лейтенант.

— Черт бы их побрал, — проворчал Меенсен. — Допросите как следует и, главное, выясните, наконец, ледовую обстановку в проливе Вилькицкого.

Он закурил сигарету, резко встал и, ни на кого не глядя, вышел из рубки в свою каюту. Через несколько минут в дверь постучали.

— Да!

Порог перешагнул моряк с погонами капитана второго ранга.

— Что у вас, Дистервег? Есть новости?

— Новости тревожные. Вот, — и он положил на стол несколько бланков с радиоперехватом. — Мы раскрыли себя, капитан. Станции Советов все еще вызывают «Сибирякова», а к стати сообщают и о нас, правда не указывая названия судна. Но это уже детали. Между прочим, им хорошо известно, что «Адмирал Шеер» покинул Нарвик в восточном направлении.

— Надо спешить, Дистервег, иначе «Вундерланд» * потерпит крах.

«Вундерланд»! Эта операция готовилась долго и тщательно. Еще в марте 1942 года германское командование приняло решение изучить возможности перехвата советских караванов, которые следуют Северным морским путем. Фашистские военные корабли начали концентрироваться у берегов Норвегии. Сначала они охотились за транспортами, идущими из Северного моря. Потом было получено сообщение от тайных восточных сообщников. Японское адмиралтейство информировало гитлеровскую ставку, что от Петропавловска и Владивостока на север уходит много судов. Фашистский агент из Канады докладывал, что в порту Ванкувер должны грузиться на русские транспорты восемнадцать тысяч бушелей зерна, которые пойдут в СССР через Сибирь.

Пятого мая адмирал Карлс, руководивший север-

* Страна чудес (нем.).

ным театром морских операций, приказал командующему арктической зоной адмиралу Шмундту разработать план атак караванов советских судов. Для этого он предлагал использовать линкоры «Шеер», «Лютцов» и «Хиппер»*, которые базировались в Норвегии.

Пока Шмундт готовил свои соображения, штаб Карлса, находящийся в Киле, получил новые сведения от японского адмиралтейства. «16 июля 20 грузовых судов проследовали на Камчатку. 26 июля караван вышел из Петропавловска. 1 августа он был запеленгован в Беринговом проливе». В середине августа германская авиаразведка засекла большую группу судов, вышедших из Архангельска на восток.

И Карлс представил в генеральный штаб свой план. Предусматривалось, что «карманный» линкор «Адмирал Шеер» отправится на большую дорогу караванов в самый разгар перевозок.

Выбор «Шеера» был не случайным. Его командир Меенсен Больхен за время войны провел немало успешных операций в других водах. На счету линкора было двадцать шесть потопленных транспортов. Корабль отличался хорошей маневренностью, быстротходностью и высокой огневой мощностью.

Генеральный штаб одобрил план адмирала Карлса. Ставка считала эту операцию вершиной, которая будет венчать общее крупное наступление против советской системы снабжения через Север. Этого наступления требовал сам Гитлер. Оно включало в себя серию операций: «Зар» — к северу от Новой Земли, «Распутин» — к западу от пролива Маточкин Шар, «Романов» — к северу от острова Колгуев; операции «Петр и Павел», «Иван и Рюрик» и другие. Гитлеровское командование бросило сюда десятки подводных лодок, специальные авиационные части пятого воздушного флота.

* В немецких документах эти суда именуются либо линкорами, либо тяжелыми крейсерами. «Адмирал Шеер» часто называют «карманным» линкором.

Последние сообщения о советских караванах ускорили выход «Шеера» в море. Задача, которую он должен был выполнять, хранилась в строжайшей тайне. Эта секретная операция получила условное название «Вундерланд». Радиостанция корабля было приказано соблюдать полное молчание, чтобы до поры не выдавать своего присутствия в русских водах. Основная ставка — внезапность.

Шестнадцатого августа в 15.00 «Шеер» покинул Нарвик. Перед выходом в море на борт была принята группа специалистов по радиоперехвату во главе с капитаном второго ранга Дистервегом.

Для лучшего ознакомления с районом действия командир получил подробную инструкцию капитана первого ранга фон Баумбаха, бывшего германского военно-морского атташе в СССР. Являясь в свое время официальным сотрудником посольства, тот в основном занимался шпионажем.

Около суток «Шеера» молчаливо сопровождали три эсминца: «Эккольт», «Штейнбриг» и «Бейцин». Потом они повернули назад. Рейдер встретили две подводные лодки — «У-601» и «У-251», которыми командовали фашистские асы морских глубин капитан-лейтенанты Грау и Тимм. Казалось, все: и туман над Баренцевым морем и удачно сложившаяся в начале ледовая обстановка — сопутствовало успеху. О том, что операция «Вундерланд» началась, в тот же день Гитлеру доложил вице-адмирал Кранке.

Все шло гладко. И вдруг туман, в котором пират видел своего союзника, чуть было не подвел его. Восемнадцатого августа одна из подводных лодок сообщила, что встречным курсом идет русский транспорт. Крейсер немедленно отвернул в сторону, еще немного, и корабли обнаружили бы друг друга. Путь «Шеера» перестал бы быть тайной.

Обогнув с севера Новую Землю, рейдер вошел в Карское море. Его спутники «У-601» и «У-251» направились к югу, где у проливов Маточкин Шар, Югорского и Карского уже шныряло несколько подводных лодок, выискивая жертвы для своего бронированного флагмана. Караваны — вот что прежде всего интересовало их.

Караван! Но попробуй выйди на его путь. Сутки «Шеер» петлял около острова Уединения, пытаюсь пробиться сквозь ледяные поля. Но они точно чувствовали в нем чужака и тесно смыкались. Пришлось поднимать в воздух самолет и искать выход.

Меенсен Больхен нервничал, он торопился к архипелагу Норденшельда, к островам, мимо которых проходила столбовая дорога русских кораблей. Пират потерял надежду встретить транспорты, шедшие с Дальнего Востока. Радиоперехват давал возможность полагать, что они уже разгружаются. Теперь жертвой мог быть только другой караван, вышедший из Архангельска. Судя по всему, он был где-то на подходе к проливу Вилькицкого.

Наконец рейдеру удалось добраться до архипелага. И снова началось топтание на месте, снова крейсера окружали неприступные ледяные поля, за которыми где-то близко шли суда.

В 5.30 двадцать пятого августа в районе острова Русский командир рейдера вновь приказал поднять в воздух самолет. Выход из мышеловки сумели найти, но это было куплено дорогой ценой: при посадке в тумане самолет разбился.

Фашистский корсар стремился во что бы то ни стало проникнуть в пролив, догнать транспорты, а вместе с ними и ускользающие надежды на лавры победителя. Для этого нужно было узнать «тропы», которыми можно пройти туда сквозь мощные льды. Меенсен Больхен решил добыть «языка».

И, казалось, сама судьба улыбнулась ему. В полдень впередсмотрящий доложил: «На горизонте вижу две мачты». Командир немедленно поднялся на боевой мостик и жадно схватил бинокль. Вот он, «язык», который так ему нужен сейчас, — маленький беззащитный корабль. Меенсен Больхен улыбался, Меенсен Больхен потирал руки — он был доволен. Воображение рисовало ему, как после первого же выстрела испуганно и торопливо противник спустит флаг. Пират к этому привык. Разве осмелится карлик послушаться великана?

Но карлик имел сердце богатыря! Это был советский ледокольный пароход «Александр Сибиряков».

Двадцать седьмого августа узники гитлеровского рейдера услышали, как содрогнулся стальной корпус их плавучей тюрьмы. Злобно рычали его тяжелые орудия. Запертые в холодном карцере, сибиряковцы, прижавшись друг к другу, напряженно вслушивались в звуки сражения. Вот на палубе линкора разорвался снаряд, второй... И они поняли: на этот раз пирату приходится туго. Сердца советских моряков наполнились радостью.

Сибиряковцы не знали, с кем ведет бой фашистский корабль, они не знали, что все попытки «Шеера» прорваться в пролив Вилькицкого оказались тщетными. Они также не знали, что об их беспримерную отвагу разбились вдребезги замыслы гитлеровской ставки — операция, которой адмирал Карлс дал романтическое название «Страна чудес». Он не ошибся. Рейдер действительно столкнулся с чудесами — чудесами мужества и негибаемой воли советского человека.

В НОЧЬ НА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

МЕДЛЕННО катится над горизонтом холодное солнце. В обычное время оно мешает заснуть, а вот на дежурстве убаюкивает. Веки устало смежаются. Как медленно идет время!

Секретарь штаба морских операций Лиля Носовская героически боролась с дремотой, переписывая в журнал последние радиограммы. Вот сообщение о том, что караван под проводкой ледоколов «Красин» и «Ленин» благополучно идет морем Лаптевых к Тикси. В конце фразы: «Что слышно о сибиряковцах?» Вот короткий отчет одной из полярных станций с Новой Земли и опять вопрос: «Как люди с «Сибирякова?»» Судьба экипажа ледокола волновала в эти дни всех, кто знал о его гибели. В том, что корабль потоплен, никто не сомневался, иначе моряки дали бы о себе знать.

Прошло уже более двух суток, поиски оказались

тщетными. Как на грех, небо заволокли низкие тучи. Они ползли над самой водой, мешая самолетам вести разведку района, откуда, по предположению штаба, «Сибиряков» послал в эфир последние радиogramмы. Не было сведений и о фашистском рейдере: летчики не смогли его обнаружить.

Штаб принимал все меры, чтобы тщательно обследовать район боя. Несмотря на опасность встреч с врагом, нескольким судам, пути которых лежали вблизи места, где мог быть потоплен «Сибиряков», приказали внимательно осматривать острова. И хоть десятки биноклей обшаривали скалы, ни одного человека на них никто не заметил.

Ушел ли фашистский пират от советских берегов, или еще рыщет где-нибудь рядом? Трудно было ответить на этот вопрос.

Особенно тяготило сознание, что нечем сейчас дать должный отпор гитлеровскому линкору. Советские военные корабли были далеко и не могли прийти сюда из Баренцева и Белого морей. Им и без того хватало дел: каждая боевая единица на учете. Все это отлично понимали.

В 1.05 резко затрещал телефон. Лиля услышала в трубке взволнованный голос дежурного радиостанции «Новый Диксон»:

— На северо-востоке видим во мгле неизвестное военное судно. Подходит к острову с запада. На зывные не отвечает.

— Продолжайте наблюдать! — ответила Носовская. — Я сейчас сообщу руководству.

Через несколько секунд Лиля уже разговаривала с начальником штаба Еремеевым.

— Странно, очень странно, — сказал он. — наших кораблей поблизости быть не может. Подайте команду «тревога». Сообщите в порт, в поселок, судам.

Быстро одевшись, Еремеев вбежал в соседнюю комнату:

— Ареф Иванович, проснитесь!

Измученный двумя бессонными сутками, начальник морских операций Минеев спал так крепко, что его пришлось сильно трясти за плечи. Наконец он открыл глаза и устало спросил:

— Что у вас, Николай Александрович?
— Неизвестное судно идет к Диксону!
— Бегите выясняйте, что это за гость. Не фашистский ли рейдер? А я следом. И дайте сигнал тревоги...

— Уже сделано, — с порога ответил Еремеев.

Спустя несколько минут никто не сомневался: у острова вражеский линкор. Все пришло в движение. Поступило донесение с острова Медвежий: «Неизвестный корабль прошел мимо, держа курс на внешний рейд». Ждать противника теперь можно было только со стороны Скуратовского створа. Если фашисты захотят войти в гавань, им придется огибать мыс Наковальня и резко поворачивать влево, в пролив. Это предполагали и Минеев, и начальник политотдела Шатов, и начальник полярной станции Сидоренко.

В сторону пролива повернулись жерла шестидюймовой береговой батареи лейтенанта Николая Корнякова. К встрече врага приготовились и корабли.

«Дежнев» поднял флаг, отвалил от причала, где бункеровался, и двинулся к проливу, не успев даже опустить стрелы. Ему, еще недавно мирному труженнику, долг велел первому принять удар врага и заслонить собой порт. «Дежнева» теперь называли «СКР-19»*. На нем было четыре семидесятипятимиллиметровых и столько же сорокапятимиллиметровых орудий. Отошла от причала и «Кара», груженная взрывчаткой. Штаб приказал увести ее под прикрытие берега. Снялся с якоря стоящий на рейде «Революционер» — пароход, также имевший на борту несколько легких пушек. Он двинулся вслед за «Дежневым», чтобы помочь ему в трудную минуту. Маленький северный поселок превратился в крепость, пусть слабо вооруженную, но с мужественным гарнизоном, полным решимости дать отпор любому, самому грозному врагу.

Когда «Дежнев» получил приказ отойти от причала, командир его Гидулянов находился в штабе и

* СКР — сторожевой корабль.

не успел вернуться на судно. Командование принял на себя старший помощник капитана Кротов, опытный моряк, плававший на этом ледокольном пароходе еще до той поры, как он стал называться «СКР». Кротов стоял на мостике с неразлучной трубкой в зубах. Он вынимал ее только тогда, когда нужно было подать команду.

Уже недалеко и пролив — ворота в открытое море. Туда устремлены взоры всего экипажа. Где же противник?

Гурген Тонунц, восемнадцатилетний матрос, застыл у зенитного пулемета. Юноша волновался: первое морское сражение в его жизни. Два года назад он поступил в Мурманское мореходное училище, решив стать капитаном дальнего плавания. То была мечта его жизни, вернее — одна из двух дорог, которые его звали. Вторым увлечением Гургена был театр.

Когда началась война, он вместе с товарищами проходил практику на «Дежнев». Курсанты попросили зачислить их в команду. Просьбу ребят удовлетворили, так они стали матросами. И вот первый бой.

Когда же появится противник? Тонунц смотрел то на мостик, где стоял Кротов, то в сторону пролива.

Наконец из серой мглы проступили очертания большого корабля. В нескольких кабельтовых от мыса Наквальни он стал медленно разворачиваться бортом к бухте. Фашисты рассчитывали застать Диксон врасплох.

Яркие вспышки вдали, шипящий свист тяжелых снарядов возвестили о том, что пират начал свое черное дело. Спящая вода бухты в миг проснулась, с ревом из нее вырастали высоченные белые султаны. В ответ заговорили орудия «Дежнева» и «Революционера». Бухнули шестидюймовки лейтенанта Корнякова. Гром взрывов и выстрелов разносило по берегам разноголосое эхо, все вокруг гудело и стонало.

Еремеев видел с пристани, как один из вражеских снарядов разорвался на берегу, неподалеку от порта, другой — на палубе «Революционера». Бой разго-

рался. Николай Александрович начал готовить для эвакуации документы на случай, если враг попытается высадить на остров десант. Ему помогали молодые сотрудники штаба синоптик Фролов и гидролог Сомов*.

В это время «Дежнев», набирая скорость и ведя огонь, двинулся в бухту Самолетную. За ним оставалась стена дымовой завесы, закрывающая порт. Вслед за «Дежневым» двинулся «Революционер», на котором уже вспыхнул пожар. Линкору пришлось оставить в покое порт и весь огневой удар обрушить на суда. Однако даже прямые попадания не останавливали их. Сколько мужества и самообладания нужно было иметь, чтобы выдерживать смертоносный шквал! Артиллерия рейдера почти в десять раз превышала по количеству и калибру все пушки советских судов и порта. Огромные снаряды, рассчитанные на встречу с броней, насквозь прошивали тонкие корпуса пароходов и взрывались в воде уже с другой стороны. Но ни начавшиеся пожары, ни пробоины не заставили «Дежнева» и «Революционера» прекратить неравную дуэль.

Еремеев не сразу понял, что задумал командир «Дежнева». Только когда корабль начал разворачиваться бортом к рейдеру, все стало ясно. Орудия малого калибра не могли издали причинить вреда врагу. Поэтому Кротов, не задумываясь, пошел на сближение. На фашистском крейсере все чаще и чаще взлетали брызги разрывов.

Теперь Гурген хорошо видел фашистский линкор. Матрос, стиснув зубы, нажимал гашетки. Он досадовал, понимая, что его пулемет — слишком слабое оружие в таком бою, и радовался, когда на палубе рейдера всплескивались разрывы советских снарядов.

* Ныне имена этих полярников известны всей стране. В. В. Фролов — бывший директор Арктического и Антарктического института, умер в 1960 году. М. М. Сомов — Герой Советского Союза, доктор географических наук, возглавлял первую советскую антарктическую экспедицию, был начальником дрейфующей полярной станции.

Дым повис над водой клубящейся черно-серой стеной. Тонунц увидел разложенные на борту судна дымовые шашки. Кротов стоял на мостике, его поддерживали под руку два сигнальщика. «Дежнев» дал задний ход, отошел от завесы, потом снова по-мчался к ней и вынырнул перед линкором уже в другом месте. На корме разорвался снаряд: из шести человек орудийной прислуги остались только двое — Никандров и Хайрулин. Их товарищи были убиты. Гурген бросил пулемет и начал подавать артиллеристам снаряды. Он уже не смотрел в сторону противника, все его внимание было сосредоточено на орудии и кранцах*, от которых он подносил боеприпасы. Шесть шагов туда, шесть шагов обратно.

И опять все утонуло в густой мгле. «СКР» спрятался за дымовым занавесом, чтобы внезапно появиться из-за него снова. Такой маневр хотя бы на время уберегал корабль от прицельных выстрелов. Гурген бросил взгляд на мостик, там никого не было. Это продолжалось какое-то мгновение, но вот из-за поручней поднялось несколько бескозырок, потом фуражка старшего лейтенанта Кротова. Сигнальщики держали его на руках, над собой, и он руководил боем.

— Что с командиром? — бросил Гурген пробежавшему мимо старшине Васенину.

— Руки и ноги перебило.

Старшина вдруг страшно вытаращил глаза и громко крикнул:

— Кранцы горят! Вынимай снаряды!

Он первым бросился к борту и начал вытаскивать из ящиков боеприпасы. Ему помогал Леня Кацман, матрос, друг Гургена еще по училищу.

— Тонунц, давай снаряды! — услышал Гурген голос Никандрова. Наводчик остался один у орудия — Хайрулин был ранен осколком в живот.

— Снаряды давай!

Гурген схватил ящик, подбежал к пушке, но поскользнулся в кровавой луже и упал. В это время

* Кранцы — на военных судах ящики у бортов, в которых хранится запас снарядов.

палубу потряс страшный взрыв: один из кранцев разметало. Гурген почувствовал, как по ногам что-то ударило, словно бичом ожгло руку. Но сознания он не потерял.

— Снаряды давай! — снова закричал Никандров. — Ходить можешь?

— Могу, — ответил Гурген и, с трудом переставляя сразу потяжелевшие ноги, пошел за новым ящиком. Пронесли на носилках Васенина, заметил: одной руки у старшины не было. С трудом узнал окровавленное лицо Лени Кацмана...

— Уходит, уходит, гад! — кричали сразу несколько голосов.

Гурген не удержался на ногах и повалился на палубу.

— Уходит, слышишь, Тонуц! — услышал матрос над собой голос Никандро́ва. Наводчик поднял юношу на руки...

На палубе рейдера разорвались два снаряда береговой батареи. Шестидюймовки нащупали врага, он не выдержал и стал ретироваться, поставив дымовую завесу. Бой продолжался всего семь минут. Ненадолго хватило наглости у пирата.

— Николай Александрович, спешите к судам! Им нужна помощь. Организуйте вывозку раненых, — подбежав к пристани, сказал Минеев. — Фашисты не уйдут так просто. Вот увидите, захотят взять реванш. Надо смотреть в оба. И побыстрее уводите «Кару»!

— Старшина Анютин! — крикнул Еремеев. — Дмитрий Васильевич, включайте мотор!

Маленький катер помчался к пылающим пароходам. Они медленно отходили в гавань, ближе к острову. Пробоин было много. Рассчитывали, если не удастся их залатать, выброситься на мелководье.

На борту «Революционера» Еремеев застал картину последней схватки с пожаром. Люди победили огонь. Моряками руководил капитан Федор Дмитриевич Панфилов. Несколько дней он был тяжело болен. В начале сражения еще находился в своей каюте, отдавая распоряжения оттуда. После первых же по-

паданий каюта загорелась, выход через дверь оказался отрезанным. Тогда он вылез через иллюминатор на палубу и продолжал командовать.

Убедившись, что на этом судне пожар ликвидируется, Еремеев направился к «Дежневу», где разрушения были еще сильнее: сверху огонь, в трюмах вода. Команда предпринимала невероятные усилия, чтобы отстоять судно, спускала раненых в шлюпки.

На острове разорвалось несколько больших снарядов. Еремеев по радио связался со штабом.

— Где линкор?

— Огибает остров. Идет на северо-восток. Кстати, мы уже точно установили, что это за корабль. «Шеер» — тот самый «карманный» линкор, который десять дней назад вышел из Нарвика. Немедленно выводите «Кару»!

Катер помчался в гавань. Через несколько минут Еремеев был на борту судна, и оно осторожно двинулось в ту сторону, откуда еще недавно изрыгал огонь вражеский рейдер. Скоро «Кара» легла на выходные створы и повернула на юг, в Енисейский залив.

Получив неожиданный отпор, линкор в бешеной злобе начал бомбардировать остров, двигаясь на север. Не умолкая, била вся его артиллерия. Но тяжелые снаряды рвались впустую. Пострадали лишь дом, где жили артиллеристы, да бревенчатая баня. Смерчи разрывов окружили и радиостанцию «Новый Диксон». С писком рвались антенны, перебитые осколками, но ключ ни на минуту не умолкал, посылая в эфир точки и тире.

Возвращаясь в гавань, Еремеев увидел, как загорелись угольные склады и соляр на островке Конус. С берега вновь ударили шестидюймовки, и по тому, где поднялись водяные столбы, он понял: «Шеер» вышел к островку Сахалин. Выстрелы батареи лейтенанта Корнякова оказались точными. На корме линкора возник пожар. Он взял курс на северо-запад и исчез во мгле.

Штаб морских операций запрашивал порт, поселок. Отовсюду доносили: «Жертвы незначительные, пожары потушены...»

Обратимся снова к записям в бортовом журнале гитлеровского рейдера. Перед началом налета в нем были зафиксированы несбывшиеся планы фашистского корсара. Чужая операция «Вундерланд», он хотел отыграться на Диксоне, разрушить порт, станции. Он надеялся «высадить десант для захвата врасплох находящихся на острове людей, так как советская воздушная разведка занята поисками ледокола...».

Ниже командованию «Шеера» пришлось записать в журнале о том, что «в 1.38 (по нарвикскому времени. — Авт.) огонь был окончательно прекращен, и крейсер, развив скорость до 26 узлов, ушел в северо-западном направлении».

Бежал!!!

УЗНИКИ «ШЕЕРА»

БОМ, бом, бом... — били по металлу чем-то тупым. Кто бьет? Зачем бьет? Трудно открыть глаза, невозможно понять, что происходит. Волны качали корабль. Голова, словно язык колокола, ударяла в стальную переборку. Потом звон пропал. Глаза открылись. Сараев лежал на полу в луже

липкой крови. Слегка повернул шею и увидел стены тесной каморки. В дверях стоял серый призрак: солдат в незнакомой форме.

— Где я? — прошептал Михаил и опять потерял сознание.

Как только пленных подняли на линкор, начался допрос. В помещение, куда бросили сибиряковцев, спустились несколько автоматчиков и офицер. Он заговорил по-русски:

— Кто командир?

— Погиб, — мрачно сказал Павловский.

— Комиссар?

— Тоже.

— Есть ли офицеры?

— Офицеров нет.

Вопрос следовал за вопросом. Фашист интересовался обстановкой в проливе Вилькицкого, расположением огневых средств на Диксоне, Амдерме, судами, находившимися в Карском море. Но люди молчали. Только стон тяжелораненых был ответом. Наконец Павловский за всех сказал:

— Откуда нам знать такие вещи? Про то нам начальство не докладывало.

Офицер недовольно поморщился.

— Советую подумать и вспомнить! — резко бросил он. — От этого зависит ваша судьба. Германское командование умеет отблагодарить тех, кто ему помогает.

Гитлеровец повернулся и вышел.

— Ну, братцы, будет у нас райская жизнь! — неожиданно прозвучал в тишине голос Шаршавина. — Найдись только одна сволочь...

— Ты бы, Анатолий, помолчал пока. — Павловский оглядел товарищей. Вместе стоят Николай Скворцов, Иван Алексеев, Иван Тарбаев — артиллеристы и здесь неразлучны. К стене прислонился ослабевший Иван Калянов, его поддерживают Серафим Герега и Федор Седунов. Золотов что-то тихо говорит Замятину, а рядом нервно курят, передавая друг другу самокрутку, Котлов и Копытов.

— Их бы перевязать надо да положить на что-нибудь помягче, — кивнул головой в сторону тяжело раненных товарищей Воробьев.

— Эй, вы там, слышите? — закричал Шаршавин и начал барабанить кулаками в железную дверь. — Доктора сюда давайте!

Долго никто не отвечал. Но вот заскрежетал засов, вошли матросы в халатах с носилками и тучный рыжеволосый офицер. Он жестом приказал всем отойти к стене и, приблизившись к лежащим без сознания сибиряковцам, прокаркал санитарам:

— Немен зи форт*.

Поставив носилки, матросы грубо бросили на них обгоревшего Малыгина.

* Вынести вон (нем.).

Тот застонал.

— Осторожней! — не выдержал Шаршавин.

— А ну, ребята, поможем! — обратился к друзьям Павловский. — У нас руки понежней.

Не обращая внимания на предостерегающий жест офицера, боцман, а за ним остальные подошли к товарищам и аккуратно уложили их на носилки. Вслед за Малыгиным гитлеровцы вынесли Сараева, Зайцевского, Кузнецова, Будылина. Потом подняли Качараву. В этот момент он очнулся, и его глаза встретились с пристальным взглядом Павловского.

— Что с нами, Андрей? — тихо вымолвил он.

— Мы в плену, профессор, — боцман интонацией подчеркнул последнее слово и твердо добавил: — Капитан погиб.

Когда тяжелораненых унесли, Павловский вновь оглядел своих. Он как бы хотел заглянуть каждому в душу: не подведет ли? Никто не опустил глаз. «Нет, не подведут», — понял солombалец. И ему стало легче. Боцман знал: «Сибирякова» нет, но верить этому не хотелось. Пусть от экипажа осталась лишь горстка людей — гордый дух родного корабля жил в их сердцах.

Его размышления прервало лязганье запора. Снова появился переводчик. Он говорил более сдержанно, чем раньше.

— Ну как, подумали?

Все молчали.

— Кто у вас старший?

— Должно быть, я, — сказал Павловский.

— Ваш чин?

— Боцман.

— Тогда отвечайте. Кто может дать нам сведения, которые я уже требовал? Повторяю, это принесет облегчение всем.

— Тех, кто вам нужен, нет в живых, а тут только простые матросы и рабочие. А теперь разрешите спросить, как там наши, которых унесли?

— Этим морякам сделаны перевязки, и, как только они придут в себя, мы постараемся создать им хорошие госпитальные условия. Мы, арийцы, люди гуманные, и в этом вы убедитесь.

— Мягко стелет... — пробурчал Шаршавин.

Офицер нахмурился, изменил тон и, посмотрев на радиста, медленно произнес:

— Будет хуже, если на берегу вас допросит гестапо. Кстати, в кармане одного из ваших найдено вот это.

Офицер достал большой ключ.

— Это, конечно, ключ от сейфа, в котором хранились документы. Он офицер, этот человек?

Шаршавин вдруг громко захохотал и, обращаясь к удивленным товарищам, как бы ища у них поддержки, сказал:

— Господин офицер про кладовщика нашего говорит, Кузнецова, — и, повернувшись к немцу, пожаловался: — Уж больно он у нас жаден, спирт под замком держал. А мы до этого спирта горазды.

Все оценили находчивость радиста, тоже начали смеяться, понимая, что так нужно.

Переводчик оторопело заморгал глазами, что-то пробурчал по-немецки и вышел.

В помещении появился и встал у дверей охранник — высокий матрос с автоматом наперевес. Измученные люди смотрели сурово, и в глазах каждого немец прочел ненависть. Он опустил голову, стараясь не видеть пленных. Переступал с ноги на ногу, не зная, как себя вести. Так продолжалось несколько минут. И вдруг в душе его что-то произошло: он застенчиво улыбнулся, достал портсигар и подошел к Воробьеву.

— Битте*.

Иван отвернулся. Тогда немец стал предлагать сигареты другим. Все отказывались.

— Битте, битте, — растерянно повторял матрос.

— Да бери же, — сказал Павловский и первый протянул руку. — Спасибо, парень.

Голубые глаза немца засветились радостью.

Качараву и Сараева поместили в тесном отсеке. Оба с ног до головы были забинтованы. Сараев лежал

* Пожалуйста (нем.).

на животе, уткнувшись лицом в жесткую подушку, и не подавал признаков жизни. У Качаравы была загипсована левая рука, перевязано туловище. Правой рукой он дотянулся до головы товарища и нежно провел по влажным волосам. Голова парторга горела.

— Миша! Миша! — прошептал капитан. — Сараев!

Тот долго не отвечал. «Может быть, уже и не зовется», — мелькнула страшная мысль. Наконец радист застонал и чуть пошевелился.

— Миша! — обрадовался капитан. — Слышишь меня?

— Анатолий Алексеевич? Ты? — пробормотал Сараев, не в силах повернуть головы. — А где же чужой солдат? Я хорошо помню, что был солдат...

— Нас недавно перенесли сюда, после перевязки. Мы на фашистском линкоре.

— В плену, значит? А как же «Сибиряков», ребята?

— «Сибирякова», брат, уже нет, нас осталось мало. Я Павловского видел мельком. Он меня профессором назвал.

— Хороший признак, значит, ребята держатся крепко. Нам бы вместе с ними быть, — ответил Сараев.

— Да, Миша, друг за друга держаться надо. Вместе мы сильнее.

Сутки, другие. Корабль шел и шел по бурному, сердитому морю. Косматые черные волны с силой ударяли в скулы линкора; он то кланялся волнам, то лениво переваливался с борта на борт.

Качаравы и Сараев страдали от качки. Их истерзанные тела не знали покоя. Иногда приходилось стискивать зубы, чтобы не кричать от боли. Когда качало меньше, разговаривали. Иногда молчали, и каждый думал о своем. Сараев вспоминал мать и отца, родное село на Ярославщине. Они, видно, знают... Горе пришло в дом.

Потом его мысли переносились в Архангельск, где его ждала Марина — синоптик метеостанции. А теперь не ждет. Он представил ее такой, какой видел в минуту расставания: ветерок развеивал русые кудряшки,

голубые, как небо, глаза намокли, припухшие губы вздрагивали: «Скоро ли вернешься, милый?»

Далеко были и мысли капитана. Он вспоминал мать, которая одиноко живет в Сухуми у Черного моря. Волны плещут о камни, рассказывая про сына-моряка. Теплые волны, а он погиб в неведомых холодных краях. Горючие слезы катятся из материнских глаз.

Думал Качарава и о другом. Однажды заговорил с парторгом:

— Хочу я тебя спросить, Михаил, об одном деле. В нашем положении всякое может случиться. Сегодня живы, а завтра...

— Ты о чем это, Алексеич?

— Помнишь мое заявление о вступлении в партию? Не успели ведь тогда до конца довести. Так вот, пойми меня правильно. Если уж суждено умереть, то — большевиком.

— Но ведь ты и есть большевик, беспартийный большевик. Есть такое понятие в нашей ленинской партии. Ты выполнил свой долг патриота, долг коммуниста, и выполнил с честью! Может быть, мы и погибнем, но пока в груди стучит сердце, будем бороться.

После бесславного боя у Диксона «Шеер» торопился поскорее убраться из северных вод. Меенсена Больхена не привлекали «лавры» флагманского судна германского военного флота, линкора «Тирпица», торпедированного советской подводной лодкой.

Двадцать восьмого августа в 19.37 три эсминца пятой флотилии приблизились к «Шееру» и стали его эскортировать. Самолет «ВТ-138» обеспечивал воздушное сопровождение. Тридцатого августа в 3.45 «Шеер» передал подробную радиограмму о рейде. Вскоре из Нарвика подошел небольшой буксир и забрал пленных русских моряков.

В 13.00 крейсер вошел в Тьелзунд, а в 17.00 командующий арктической зоной адмирал Шмундт ступил на борт «Шеера». Он был явно недоволен. В каких бы радужных красках Меенсен Больхен ни описывал поход, адмиралу было ясно: операция «Вун-

дерланд» провалилась. В сказку о разгроме Диксона командующий не верил: ведь радиостанции острова работали. Правда, Меенсен Большен хитроумно парировал упреки начальства, ссылаясь на таких грозных противников, как адмирал «Лед» и генерал «Туман». Но все отлично понимали, что и лед и туман — это не главное. Гораздо опаснее иметь дело с советскими людьми. Подвиг «Сибирякова» был ярким тому доказательством.

СПАСЕНИЕ ПРИШЛО

УЖЕ тридцать дней находился человек вдвоем с собакой на пустынном острове. Его лицо совсем огрубело, стало мрачным, как скалы и камни вокруг, глаза выцвели. Он по-прежнему смотрел в море. Волны вал за валом накатывались на берег. В них ему чудился голос родной земли.

Собака всегда была рядом: красно-рыжая шерсть клоками свисала с опаленных боков, слепые глаза слезились.

Сколько раз Вавилов обретал надежду, когда вдали появлялись силуэты кораблей или слышался рокот пролетающих в стороне самолетов! Столько же раз он и терял эту надежду.

Стало совсем холодно. Наступили морозы. Вокруг белым-бело. Снег залег в ложбинах, залепил расщелины в скале, а камень оделся коркой льда. Голыми были лишь черные уступы. Скрылись под снегом и яркие маки, замело норки грызунов-пеструшек. Зверькам пришлось проделать ходы в снегу. Их копытца чертили кружевные узоры на белом настиле. Мозаики заборные песни пуночек. В холодные дни у этих голосистых пташек пропадает всякая охота петь.

Вавилов редко разводил костер: экономил спички. Да и не мог жидкий огонек согреть человека, желудок которого был пуст. Павел ел в день не больше одной галеты. Их осталось всего восемь, кончались и отруби.

Надежду прожить охотой на птиц и грызунов Павел давно оставил. Он убедился, что это лишь пустая трата сил, которых у него оставалось немного.

Вавилов пытался спастись на плоту. Но бревна разматало тут же у берега. Только чудом уцелели человек и собака. Выйти в штормовое море на плоту было, конечно, безумием. Но так уж устроен помор — лучше погибнуть в борьбе со стихией, чем ожидать мучительную голодную смерть. Бороться, бороться! И Вавилов вновь стал мастерить плот. Но теперь дело двигалось очень медленно.

«Надо убить медведя». Такая мысль могла родиться только в голове отчаявшегося человека, но в этом была надежда. Вавилов взял наган и пошел, пошел один, потому что Ласка снова пропала. Он звал ее, она не откликнулась.

Брел долго, пока не увидел медведя. Огромный зверь лежал, прислонившись к скале. Павел зашел против ветра, чтобы зверь не почувствовал его, и пополз по острым камням, до крови сдирая руки. Медведь не подавал признаков жизни, лежал все в той же позе. Вот он совсем близко! Вавилов поднял пистолет. Целился долго и старательно.

Звук выстрела гулко разнесся по тихому острову. От напряжения Вавилов чуть не потерял сознание. Но медведь даже не шелохнулся. «Неужто наповал?» Не поверя этому, Павел выстрелил еще раз. И медведь вдруг исчез. Павел удивленно вытаращил глаза: наваждение какое-то! Подполз ближе и все понял. У подножия скалы виднелось белое пятно. Лоскут снега, прилепившийся к скале, он принял за зверя. От выстрелов снег осыпался.

Вавилов пришел домой, возвратилась и собака. На тощей шее покачивалась отяжелевшая голова, тоненькие ноги еле держали худое туловище с торчащими, как обручи, ребрами. Собака жадно втягивала морской ветер, раздувая ноздри; шерсть ее подергивалась. Животное медленно умирало.

Вавилов достал наган. В нем осталось два патрона. «Один ей, другой себе, — подумал он, — и никаких мучений. Все кончится сразу». Опустил наган: нет, надежда все еще теплилась. Павел положил револь-

вер в кобуру и побрел к берегу. Он пытался уйти от одиночества, которое становилось невыносимым. Море все-таки было живым, с ним можно разговаривать вслух. Но теперь моряк и тут не находил душевного спокойствия. Над головой высоко-высоко проносились перелетные птицы: белоперые лебеди, возвещавшие о себе громкими трубными звуками, косой вереницей тянулись к югу, в сторону материка, туда, где был родной дом. Эх, если бы птицы могли передать на Большую землю весточку!

Однажды Вавилов увидел среди серых камней одинокий кустик травы. Он вцепился в землю и стойко выносил натиск лютых ветров. Павел невольно сравнил себя с упрямым кустиком. А сравнив один раз, уже не мог не думать об этом.

Пробуждаясь, он теперь спешил в лощинку, где рос кустик. Цел ли он? Ему казалось, что в этих сухих стебельках заключена и его жизнь. Пока цел кустик, жив и он. Погибнет травка, вместе с ней угаснут и его силы. Как-то Павел не выдержал и загородил кустик камнями от яростных атак ветра и, сделав это, с радостью подумал, что стремление жить преодолимо. За долгие дни страданий человек впервые улыбнулся.

На тридцать второй день своего одиночества Вавилов снова увидел судно, на этот раз совсем близко. Он узнал пароход «Сакко». Снова Павел заметался по берегу, снова махал и кричал в отчаянии. И корабль остановился. «Заметили!» Так продолжалось недолго. Пароход бросало на штормовых волнах. Он постоял и вдруг опять двинулся в путь.

Замерзшая земля искрилась хрусталем изморози. Мертвую тишину нарушили звуки медленных шагов, по россыпи камней стучали сапоги. Человек подошел к маяку и замер: его собака, застыв, лежала на боку, шерсть покрылась инеем. Весь день Вавилов бродил по острову как тень. А к вечеру у старого маяка вырос аккуратный холмик из камней.

Последний костер. Павел зажигает спичку. Она гаснет. Но ни испуга, ни сожаления, он думает рав-

нодушно: «Все равно не спасла бы». Чудится, вроде гудит самолет. «Опять галлюцинация». Но гул нарастает. И потерявший веру в спасение человек поднимает голову. Самолет! Он кружит над островом!

Вавилов ущипнул себя. Сон? Нет. И вправду над головой стальная птица. От нее отделился какой-то предмет и упал неподалеку от маяка. Павел стоял как вкопанный. Зачарованно глядел он на самолет, а тот все кружил и кружил, давая понять: «Мы видим тебя, товарищ». Слезы текли по щекам моряка.

Когда крылатая машина скрылась вдали, Вавилов разыскал сверток. В нем оказались какао, сгущенное молоко, хлеб, медикаменты, теплые вещи, спальный мешок. И, наконец, чему Павел больше всего обрадовался, записка: «На крутой волне сесть не смогли, но при первом же случае за тобой придем. Жди нас, не унывай». Тут же давались и советы, чтобы не жадничал, а ел понемногу.

Волнение охватило Павла. Он не находил себе места. Увидел папиросы. Никогда раньше не курил, а тут сунул в рот папиросу. Затянулся. Голова закружилась, и он впал в приятное забытье.

— Было это в сентябре 1942 года. Времени прошло с той поры много. Но постараюсь все припомнить, — сказал авторам этой повести известный поллярный летчик Иван Иванович Черевичный. Он начал перебирать какие-то пожелтевшие бумаги. Достал потрепанный блокнот, полистал его и сказал:

— Вот, кажется, здесь. Слушайте. Это я записал для памяти.

«26 сентября в Диксон, по пути в Архангельск зашел лесовоз «Сакко». Его капитан Владимир Михайлович Введенский сразу же поспешил в штаб морских операций. Там он встретился с Арефом Ивановичем Минеевым и Николаем Александровичем Еремеевым и рассказал им следующее: когда «Сакко» проходил мимо острова Белуха, экипаж увидел на скале человека, который бегал и размахивал белым полотнищем. «Снять его мы не могли, — доложил Введенский, — сильная зыбь не позволяла спустить шлюпку».

Сообщение взволновало всех. На Белухе могли быть только люди с погибшего «Сибирякова». В это время в воздухе находился гидросамолет летчика Каминского. Ему немедленно по радио дали приказание обследовать остров и, если представится возможность, подобрать неизвестного. Каминский увидел человека. Но море было бурное, и посадка исключалась. Тогда летчик сбросил меховой спальный мешок, теплые вещи и продовольствие, которые оказались на борту, и записку.

На следующий день я летел в Диксон и по радио узнал о случившемся. Так же как и Каминский, сумел сбросить лишь пакет с едой. Весь следующий день мы пытались снять со скалы сибиряковца.

Лишь 29 сентября море несколько успокоилось,— продолжал свой рассказ И. И. Черевичный,— волна спала. Хотя и большой риск, но парня спасать нужно: погода грозила снова надолго ухудшиться. И мы опустились вблизи Белухи. Самолет подпрыгивал на волне, как кузнечик, еле подрулили к берегу. Человек не вытерпел и бросился в холодные волны нам навстречу. Механик и штурман подхватили его, втащили на борт. Сразу дали ему чарочку, переодели во все сухое. Счастливый, он озирался и не сразу заговорил. Потом назвался Павлом Вавиловым, кочегаром с «Сибирякова».

Письма, отправленные сибиряковцами с Диксона, еще были в пути, а вслед им, по тем же адресам, шли однотипные конвертики с короткими скорбными извещениями.

Начальник Архангельского морского арктического пароходства Главсевморпути Бондаренко с болью в сердце подписывал эти листки. Давно ли он сам провозжал «Сибирякова» в рейс, желая морякам счастливого пути, жал руку Качараве, Сулакову, Элимеллаху. А теперь...

«Надежде Павловне Качараве. г. Сухуми, Фрунзе, 28.

Архангельское морское арктическое пароходство ГУСМП извещает Вас, что Ваш сын Качарав Ана-

толий Алексеевич погиб в бою за Родину, проявив при этом мужество и стойкость. Арктическое пароходство в связи с этой потерей выражает Вам свое глубокое соболезнование».

Бондаренко, вздохнув, поставил свою подпись и взял другой листок с адресом: г. Архангельск, Вологодская, 43, квартира 5. «Ваша дочь Котлова А. В. и ее муж Котлов И. К. погибли...»

Архангельских адресов было много: Бочурко, Вавиловой, Дунаевой, Гайдо, Прошиной, Павловской и еще и еще. Семьи архангельцев уже знали о постигшей их беде, но формальность нужно было соблюсти.

По-разному воспринималась тяжелая утрата. Елизавета Александровна Прошина неделю не выходила на работу — болела. Потом пришла осунувшаяся и заметно постаревшая. Никто не видел на ее глазах слез, свое горе она скрывала. Только иногда вдруг начинала рассказывать сослуживцам о том, каким хорошим и ласковым сыном был Юра. И почему-то чаще вспоминала его совсем маленьким ребенком.

В семье Петра Гайдо вообще не говорили о погибшем, скрывали извещение от его жены, которая только что родила сына. Конечно, и она узнает, но уж лучше попозже... Трудно было скрывать, а виду не показывали, держались.

Мария Петровна Бочурко приняла удар стойко, так же как и сестра Николая Григорьевича — Ольга. Женщины поплакали вместе и решили Нонне ничего не говорить. Девочке рассказывали, что папа в море. Ольга согласилась присматривать за Нонночкой, и Мария Петровна пошла работать.

Все уже примирились с мыслью, что никогда больше не увидят дорогих сердцу людей, как вдруг...

Весть о том, что найден один из сибиряковцев, быстро облетела Архангельск. Снят со скалы кочегар Павел Вавилов! Тридцать шесть дней он прожил один на пустынном острове. Семьи моряков осаждали пароходство: может быть, еще кто отыщется? Появилась надежда, и в каждой семье верили, что если уж кто найдется, так, конечно, их Петро, Иван, Семен, Андрей. А что рассказывает Вавилов? Всем хотелось по-

говорить с ним, но кочегар лежал в больнице: голодная жизнь на острове, одиночество сильно отразились на его здоровье, врачи строго охраняли покой Вавилова. На расспросы отвечали неутешительно: «Не помнит кочегар всего. Говорит, что бой был страшный, что моряки сражались храбро, стойко и, наверно, все погибли с кораблем». Однако женщины ждали.

Но вот наступила зима, над океаном спустилась непроглядная полярная ночь. Добрых вестей так и не было.

ПЕРВЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

У ВОТ и встретились, — сказал Павловский, склоняясь над Качаравой. — А мы беспокоились, что с вами.

— Как ребята?

— Зайцевский и Будылин померли, а Миша Кузнецов почти все время без сознания. Другие ничего, держатся. Главное — теперь

все вместе, товарищ профессор.

Сибиряковцы узнавали друг друга по голосам: в камере нарвикской комендатуры было темно и сыро. На улице шумел дождь. Он начался, еще когда их вели сюда с буксира. Одежда промокла, и люди не могли согреться. В дверь заглянули двое гитлеровцев в плащах с высокими капюшонами. Пахнул порывистый ветер, обдавая пленных мелкими, как пыль, брызгами. Фашисты курили и, посмеиваясь, смотрели на продрогших людей.

— Притвори, Ваня, — попросил Сараев Алексева. Ему, Качараве, Малыгину и Кузнецову, который пришел в себя, было особенно холодно: носилки стояли на каменном полу.

Алексеев подошел к двери и перед носом гитлеровцев захлопнул ее. Послышалась немецкая брань. Обозленные фашисты ворвались в помещение и сшибли сигнальщика с ног. Он вскочил, но тут же упал от

Михаил Кузнецов.

Семен Никифореико.

Н. Г. Бочурко и З. А. Элимелах.

Анатолий Шаршавин.

Юра Прошин.

И. М. Копытов. 1960 год.

И. Ф. Калянов. 1960 год.

удара прикладом, молча пополз к своим. Один из немцев схватил его за ворот. Шаршавин с искаженным лицом бросился на помощь товарищу. Павловский остановил его и сам перехватил кисть гитлеровца:

— Будет!

Глаза фашиста расширились, руку сдавило словно стальными тисками. Онемевшие пальцы разжались. Охранники попятнулись к дверям, с опаской поглядывая на великана, и вскинули автоматы на грудь. Все ждали, что будет дальше. В это время, откинув с фуражки капюшон, в камеру шагнул офицер.

Под проливным дождем сибиряковцев повезли за город. «Концлагерь», — поняли они сразу, когда грузовик миновал ворота и въехал за высокую ограду из колючей проволоки.

Русских моряков поместили в стоящий на отшибе фанерный сарай — наскоро сколоченное строение, напоминавшее цыганскую кибитку. В щелях свистел ветер, крыша протекала. Внутри было пусто, лишь на земляном полу у стены валялось несколько охапок трухлявой соломы. Веяло могильным холодом. Моряки стояли, понурив головы, не решаясь опустить на сырой пол носилки с больными. Из гнетущего состояния их вывел голос неунывающего Шаршавина:

— Что, ребятушки, невеселы, что головушки повесили? Чего ждать? Давайте располагаться. Эх, водочки нет, а то бы справили новоселье. Чем не жилье?

Усталые люди нашли в себе силы улыбнуться. Только Иван Замятин мрачно пробурчал:

— Могила, могила и есть.

— Ты пессимист, Ваня, подавай тебе номер с туалетом, — снова стал было острить Анатолий, но его перебил Павловский:

— Надо получше устроить больных. А новоселье справим потом.

Начали размещаться. Первым делом выбрали угол, где меньше дуло, и поставили туда носилки.

Михаилу Кузнецову и Ивану Малыгину было совсем худо. Грязные мокрые бинты сползали вместе с обожженной кожей. Моряки потребовали доктора, но часовой словно не слышал их криков.

Шаршавин не отходил от Кузнецова, что-то рассказывал, вспоминал.

— Ты, Миша, потерпи, утром доктора придут, полегчает. А потом, как поправишься...

— Как выздоровлю, убежим, — тяжело дыша, проговорил Кузнецов. — Я выживу, не умру, я живучий.

Ночью пришли трое гитлеровцев, фонариком осветили больных и унесли носилки с Кузнецовым.

— Допрашивать такого, вот изверги! — сказал Золотов.

— Ключ, наверно, опять вспомнили! — тихо ответил ему Шаршавин. — Только не тот Кузнецов парень.

Никто не спал, лежали, молча, ждали. Прошло минут сорок. Зачавкала грязь под солдатскими сапогами. Носилки с комсоргом небрежно кинули посреди не сарая. Михаил был в беспамятстве.

К утру Кузнецов и Малыгин скончались.

Первое время пленных не гоняли на работы. Что проку от людей, до крайности истощенных и измученных? Даже могучий Павловский начал сдавать. Давал себя знать голод. Утром пленным бросали в миску кусочек соленой трески, в обед давали немного бурды из гнилой неочищенной картошки пополам с морковью. Пленники понимали, что если с ними и в дальнейшем так будут обращаться, долго они не протянут. Стали требовать, чтобы улучшили питание, оказали больным медицинскую помощь.

Однажды в барак вошел незнакомый охранник и толкнул вперед скуластого смуглого человека с брезентовой сумкой на боку. Он был без шапки, на стриженной голове у лба полумесяцем, словно наклеенный, розовел большой шрам. Сибиряковцы услышали слова, сказанные по-русски негромким, чуть ломающимся, словно детским, голосом:

— Здравствуйте, товарищи.

— Гусь свинье не товарищ, — буркнул скорый на язык Анатолий.

— Да погоди ты, чего человека смущаешь? Может, вовсе и не плохой он, — оборвал Шаршавина Федор Седунов и, обращаясь к пришельцу, спросил: — А ты что за кулик такой?

— Я не кулик, я Троп, узбек, тоже пленный. Лечить вас буду.

— Ишь ты, лекарь, значит? — тепло отозвался Павловский. — Ну лечи, лечи, нам все одно.

Слегка прищуренные глаза Тропа излучали нежность, согрели. В двух словах он рассказал, как попал сюда. Служил санитаром на Северном фронте. Как-то во время боя выносил с поля раненых, осколок полоснул его по голове; когда очнулся, увидел, что находится уже в руках врагов. В лагерь военнопленных солдата определили санитаром, и он с одинаковой заботой ухаживал за больными, будь то англичане, французы, датчане или норвежцы. Впервые за много месяцев Троп встретился со своими и был взволнован до слез.

Познакомившись с моряками, стал осматривать раненых, опускался на корточки у носилок, осторожно снимал бинты, успокаивал, говорил, что все идет хорошо, клал свежие повязки. В первый раз он едва успел помочь самым тяжелым — Качараве и Сараеву, конвоир увел его. Но Троп появился на следующее утро, а потом его приводили каждый день. Украдкой он совал какие-то таблетки и порошки, которые удавалось раздобыть в санитарной части, и моряки стали быстрее поправляться. Это не прошло мимо внимания лагерного начальства, оно приказало гонять русских на работу.

Понутру Троп, как обычно, пришел к своим подопечным. Осторожно извлек из сумки краюху хлеба, ее засунули под солому, но конвоир заметил и с размаху прикладом ударил санитаря по голове. Тонкая струйка крови потекла по щеке, за воротник. Троп упал, не проронив ни звука. С трудом, не сразу поднялся. Гитлеровец схватил хлеб и швырнул его на двор сторожевой собаке. Та понюхала и отвернулась.

— У, гадина, — не вытерпел Скворцов, — хлеб собакам бросает, а люди с голоду пухнут.

Солдат повернул голову на крик, потом вышел и носком сапога поддел краюху. Она отлетела и плюхнулась в жидкую грязь.

Тропа увели, больше он не появлялся.

Прошло две недели. Сараеву с каждым днем становилось хуже. Товарищи всячески старались облегчить его страдания. Но спасти могла только операция. На левом боку, в котором сидел осколок, выросла огромная, с дыню, опухоль. Друзья уже готовились проститься с парторгом, так он был плох. Но случай все изменил.

В один из хмурых сентябрьских дней, когда всех угнали на работу и в «могиле», как пленные окрестили свой барак, остались лишь Сараев и Качарава, порог перешагнули два немецких санитаров. Они подняли носилки, на которых лежал радист, и, не говоря ни слова, унесли на операцию.

Все свершилось быстро, без особой подготовки. Сараева положили на скамейку, сдернули бинты. Осколок снаряда пробил правую лопатку, выбил четыре ребра и застрял в левом боку. На Сараева уехали двое здоровенных санитаров: один — на голову, другой — на ноги. Врач приступил к делу. Михаил почувствовал острую, невероятную боль, от которой захватило дыхание, посыпались искры из глаз. Операция началась. Сараев закусил губы. Опухоль разрезали крест-накрест, из нее вырвался горячий как кипяток гной. На мгновение стало легче. Но в это время хирург запустил в рану пальцы, долго ковырялся в ней. Михаилу казалось, не хватает сил и сердце разорвется на части. Наконец был извлечен осколок величиной со спичечную коробку.

— Гут, — удовлетворенно хрюкнул врач и вышел из комнаты.

Через два дня Сараеву стало лучше, температура спала.

Тогда снова появились солдаты. Михаил думал, что его несут на перевязку, но вышло не так. Больного доставили в морскую контрразведку.

В полутемной комнате курили несколько офицеров. Один из них спросил:

— Ты радист?

— Да, — ответил Сараев.

Офицер начал допрос в лоб:

— Нас интересуют принцип ваших шифров, коди-

рованные сигналы, установленные для советских кораблей на Севере. Ты должен вспомнить их!

«Так вот почему сделали операцию, — догадался Сараев, — вот что им от меня надо». Ответил:

— Я не знаю.

— Ты должен вспомнить, — повторил офицер. — Это облегчит твою участь, мы положим тебя в госпиталь. Упорство до добра не доведет. Будет, как с тем, вашим. Он тоже прикинулся, что ничего не знает. Но ему было все равно, он знал, что умрет. А ты, ты еще можешь хорошо пожить. Отвечай!

— Я не знаю, — снова повторил Сараев, — я же простой радист. Коды и шифры известны были только капитану и шифровальщику. Они погибли.

— Так, значит, тот был шифровальщик? Вот откуда у него ключ! Говори!

Немец настаивал, угрожал. Сараев повторял одно и то же:

— Не знаю.

Фашист ударил его по больной спине. Сараев потерял сознание.

Когда парторг очнулся, рядом с ним был Качарава: он нежно смотрел на друга, видимо, давно ждал, когда тот откроет глаза.

— Ну вот и хорошо, молодец. А то зову, зову, а ты молчишь да молчишь. Били?

Сараев кивнул головой.

— Эх, поправлялся бы ты скорее, дорогой, — вздохнул Качарава, — пора подумать о том, как отсюда выбраться. Кое-что мы уже придумали.

Но планам побега из нарвикского концлагеря не суждено было осуществиться. В конце октября сибиряковцев отвезли в порт и погрузили на норвежский пароход.

ДОРОГА К ДОМУ

ИСКРА НАДЕЖДЫ

В ТВИНДЕКЕ *, куда загнали сибиряковцев, было холодно и темно. Помещение с низким потолком освещалось небольшой тусклой лампочкой в решетчатой оправе. На полу были разостланы старые свалявшиеся матрацы, от которых воняло прокисшей капустой. Уже несколько часов судно находилось в пути. Сильно качало.

— Штормит, — нарушая тишину, сказал Воробьев. — И куда это они нас везут?

— Ближе к царству небесному, — ответил Шаршавин и глубоко вздохнул.

Анатолий сидел спиной к переборке. На его коленях покоилась щека Сараева. Парторг хрипло закашлялся, потом застонал, проснулся. Почти два месяца он лежал на животе: рана в спине не давала ни встать, ни сесть. Мучительно было это. После дол-

* Твиндек — межпалубное помещение для груза.

гих тренировок Сараев наловчился немного приподниматься на руки и ползать.

— Миша, никак у тебя жар? — потрогав лоб товарища, спросил Шаршавин. — Простыл?

Парторг молчал. Потом опять кашлял, долго, до изнеможения.

— Да что ж они, душегубы, издеваться над больными вздумали? Нельзя же им в этакой холодище оставаться!

Боцман и Золотов принялись колотить в дверь. Скоро послышался тяжелый стук кованых сапог, и в твиндек вошел лопоухий детина в погонах фельдфебеля. Ростом он был немного ниже Павловского.

— Генух*, генух, — глухо сказал он. — Нельзя стучать.

— Ишь ты, по-нашему понимает, — сказал Котов. — Генухами называет. Андрей Тихонович, объясни ты ему, что больных нужно в тепло перевести, а то здесь и у здоровых зуб на зуб не попадает.

Гордясь своими познаниями в русском языке, гитлеровец самодовольно кивнул головой:

— Гут, хорошо. Больным будет умцюг**, тепло-та, — фельдфебель Тумке может зорген***, забота, забота! — и он ударил себя в грудь.

К вечеру больных действительно переселили в другое место. Павловский, Седунов, Золотов и Герега отнесли Качараву и Сараева в кладовку машинного отделения. Здесь стоял оглушительный грохот, но было тепло. Фельдфебель, который, как оказалось, был старшим конвоя, разрешил пленным поочередно ухаживать за беспомощными товарищами. К бородатому Качараве, которого все теперь называли профессором, Тумке относился с явным почтением.

Так прошли сутки. Желание узнать, куда их везут, не оставляло сибиряковцев. Шаршавин, наиболее беспокойный и деятельный из всех, заявил, что

* Довольно (нем.).

** Переселение (нем.).

*** Заботиться (нем.).

у него созрел хитрый план, как достать такие сведения. Все вскоре убедились, что хитрости особой он не придумал, но слово свое сдержал.

Пищу и воду приносили разные солдаты, и Анатолий всегда находил повод, чтобы завести с ними разговор. А когда это удавалось, повторял один и тот же прием. Он обводил рукой пленников и спрашивал, указывая в сторону:

— Фарен нах Берлин?

Видимо, этим исчерпывался весь его запас немецких слов. Гитлеровцы обычно молчали. Но радист был настойчив, и один солдат клюнул. Услышав такой нелепый вопрос Шаршавина, он презрительно улыбнулся и, как бы давая понять, «кому вы нужны такие в Берлине», отрывисто бросил:

— Киль!

Теперь стал известен конечный пункт плавания. За обедом Воробьев рассказал об этом Сараеву и Качараве. Тот в первый раз за эти месяцы от души рассмеялся, услышав, как удалось радисту обвести немцев.

Капитан представил себе карту и путь, каким должно идти судно. Он был только один: по Норвежскому морю вокруг Скандинавии, а дальше проливы Скагеррак, Бельт.

— Через день-другой мы окажемся в Северном море. А там действует флот союзников, Британия под боком, — сказал Качарава. — Как ты на это смотришь?

— Да никак, — ответил Сараев. — На встречу с союзниками надежды мало. Караваны английские ходят севернее, а значит, и военные корабли там. Только если случай поможет.

В двери заглянул круглолицый человек с мохнатыми бакенбардами и трубкой в зубах.

— Здравствуй, — с кривой деланной улыбкой сказал он. — Как поживает?

— Здравствуйте, — ответил Сараев. — Вы говорите по-русски?

— Найн, — по-немецки сказал норвежец и, снова повторив «как поживает?», вынул большой кожаный кисет.

Закурили. Человек присел на корточки и, ткнув пальцем себе в грудь, буркнул: «Механикер», — потом показал на Качараву и спросил:

— Капитан?

— Нет, — ответил Сараев. — Это профессор, понимаете? Ученый.

— О-о, — поднял палец норвежец и еще раз повторил: — О-о-о, карашо.

Гость посидел еще минуту рядом с каморкой, потом качнул головой и удалился.

— Как ты считаешь, друг это или враг? — спросил Качараву.

— Разобраться сразу трудно. Но скажу откровенно, он мне не понравился, этот механикер.

И снова вскоре открылась дверь, к морякам заглянул перепачканный углем паренек. Он состроил на лице кислую мину, махнул рукой в сторону ушедшего земляка и приложил палец к губам.

— Предупреждает о чем-то, — тихо сказал Качараву.

Паренек полез рукой в большой карман рубы, достал беленький узелок и, положив его на пол, поспешно зашагал в другую сторону. В узелке оказались ломоть хлеба и сало.

— Вот и угадай, что они за люди! — вздохнул Сараев. — Ну, ничего, разберемся.

В обед в машинное отделение пришли Шаршавин и Тарбаев. Они сообщили важную новость. Только что к ним в твиндек явился полупьяный Тумке, произнес речь о непобедимости германского оружия, долго ругал большевиков, а в заключение снял пост у дверей. Фельдфебель разглагольствовал о своей гуманности, утверждая, что каждому человеку, даже русскому, он разрешает дышать. Воспользовавшись таким «великодушием» хмельного фашиста, Шаршавин с помощью перочинного ножа отодвинул щеколду и вместе с Тарбаевым пробрался сюда.

— Не знаешь, сколько солдат на судне? — тихо спросил Качараву.

— Да штук двадцать. А экипаж — норвежцы. Между прочим, когда я в обед за баландой ходил на камбуз, разглядел, где фрицы живут — в кубрике

на носу. Там у них сразу и казарма и караульное помещение. Тумке все время с норвежским капитаном шнапс пьет. Эх, Анатолий Алексеевич, ворваться бы в их кубрик, взять оружие, а там...

— Тихо ты, горячая голова, — остановил его Сараев, — надо все как следует разузнать. А вообще-то сейчас самое время.

— Возвращайся, Толя, к своим да передай Павловскому и Золотову, чтобы сюда пробирались, — сказал Качарава. — И язык покороче. Понял?

— Понял, — обрадовался радист и исчез в темноте. Тарбаев пошел следом.

Вечером состоялось короткое совещание. План захвата судна обрастал деталями, становился осязаемым, реальным. Действительно, на судне норвежская невооруженная команда человек тридцать. Гитлеровцы спокойны — в море пленным бежать некуда. Оставили всего два поста — на корме и на капитанском мостике. Исключалось всякое подозрение, что горсточка измученных людей может решиться на дерзкий шаг.

— Многое зависит от того, как поведут себя норвежцы, — сказал Золотов. — Если будут пассивными наблюдателями — одно, а если испугаются и станут выручать немцев, получится сложнее. Жаль, что никто из нас не знает их языка.

— Но зато у нас есть другое, — сказал Павловский и, сгибая в кулак толстые пальцы, начал перечислять: — Капитан свой, боцман, радисты, матросы, Иван Калянов — тот машину хорошо знает, за механика бы сошел.

— Тсс... — приложил палец к губам Сараев.

Он лежал перед открытой дверью кладовки и ясно видел, как к ней по коридору кралась чья-то фигура. Парторг узнал давешнего механика. Уверенный, что его не видят, он на цыпочках прошел вдоль стены почти к самой дверце и замер. «Вот-те на! — подумал Сараев. — Никак подслушивает? А притворялся, что по-русски всего два слова знает».

— Ну, что там? — спросил Качарава.

Сараев громко раскашлялся и сказал:

— Ходит кто-то.

Норвежца как ветром сдуло.

— Эх, братцы, а ведь за нами шпионят. Сейчас норвежский «механикер», словно кошка, крался, и язык наш ему, видать, знаком.

— Тогда медлить нельзя, — решительно сказал Золотов. — Андрей Тихонович, выкладывайте свой план.

— Нас сегодня наверх выводили, на палубу, воздухом подышать. Так мы с Анатолием все прикинули. Двое наших должны снимать часового на мостике, а двое пойдут на корму и уберут второго. Это Шаршавин на себя взял. Я пойду к ихнему кубрику и дверь бревном припру. Бревно я уже на палубе приглядел. Ну, а потом, поскольку у нас будут два автомата, попробуем договориться с экипажем. Надо думать, народ у них разный, и хороший и плохой. Так что с оружием будет легче разговаривать. Ну, а дальше, как Анатолий Алексеевич скажет, так и будет.

— Если все удастся, судно поведем в Англию. Она близко. И, главное, нужно немедленно захватить радиорубку, чтобы в эфир ни одного сигнала.

— А если не удастся? — тихо спросил Золотов.

— Тогда погибнем в бою, как наши товарищи на «Сибирякове». Будем считать, что экипаж ледокола жив, что борьба с врагом продолжается, — сказал Сараев.

— Спасибо, комиссар, — тихо промолвил Качарава и, сделав над собой усилие, поднялся на ноги. — Тогда по местам! Захват корабля производим в эту ночь. О готовности доложить!

Мерно работают машины. Час, другой. Каждый думает свою думу, мечтает о свободе. Как назло, стихло море. Сейчас бы шторм, чтобы гремело и стояло все вокруг. А оно вдруг успокоилось. Не свое море, Норвежское. Наше не подвело бы в такую минуту, разгулялось бы всюю.

— Что-то долго не идут, — сказал Качарава. — Как там у них? Прежнюю бы силу нам с тобой, Михаил. Задали бы сейчас перцу!

— Жди, жди, придут, Алексеич, — ответил Сараев и умолк, вслушиваясь в неровное дыхание ко- рабля.

Еще час, а может, больше. По-прежнему все тихо. Истомилась душа в ожидании. Наконец по коридору тихие, но поспешные шаги. Проклятый этот «механикер», что ему здесь нужно? Прошел мимо. А вот снова шаги. Иван Тарбаев! Он заглянул в дверь и, едва сдерживая волнение, сказал:

— Сейчас начнется. Я пойду. За вами придем...

Сердце нещадно колотится, заглушая рокот машины. Минута! Две! Почему здесь опять этот «механикер»? Побежал вслед за Тарбаевым. Неужто сорвется? На палубе еле слышно прозвучала автоматная очередь. Качарава встал. Вверху по трапам и коридорам топочут ноги. Люди бегают, кричат, кого-то ищут. Сердце готово проломить грудь.

— Бегут сюда, это наши, — сказал Сараев. — За нами бегут!

Он приподнялся на руках. В машинное отделение ворвалось несколько гитлеровцев. Они что-то кричали, ругались. Потом со злобой захлопнули дверь каморки, где находились двое сибиряковцев. «Сорвалось! Все сорвалось!» — обожгла мозг ужасная мысль. Качарава прислонился к стенке и с трудом опустил на матрац. Рана вновь дала себя знать.

Что же произошло на палубе?

Убедившись, что на корабле все уgomонились, Павловский дал команду Шаршавину отодвинуть щеколду. Снова в ход пошел перочинный нож, каким-то неведомым образом сохраняемый радистом вот уже почти два месяца. Никто не знал, где он его прячет. Это было единственное оружие сибиряковцев.

Анатолий ловко справился со своей задачей и бесшумно приоткрыл дверь. В тускло освещенном коридоре никого не было. Шаршавин разулся и, знаком призвав соблюдать тишину, добрался до трапа. Через несколько минут он спустился вниз.

— Можно!

Павловский послал Тарбаева в машинное отделение, а остальные гуськом начали подниматься вверх. Никто не встретился на пути. Боцман выглянул

на палубу. Тишина. Ночь черная, непроглядная скрывала от глаз все. Судно шло без огней. Фашисты не зажигали их, опасаясь английских самолетов. Соломбалец постучал ладонью по плечу Шаршавина и пропустил его вперед, за радистом в темноту окунулся Скворцов.

По замыслу Павловского, в первую очередь снимался часовой на корме. Это сразу развязывало руки. Все ждали, чем кончится вылазка двух товарищей. Как всегда в такие минуты, время шло утомительно медленно.

И вдруг короткий вскрик, возня, автоматная очередь, и что-то упало за корму.

— Быстро назад, в твиндек! — вполголоса скомандовал Павловский. Дождавшись Шаршавина и Скворцова, он пропустил их, потом плотно прикрыл и задраил дверь на палубу.

И вот все были на месте. Боцман взглядом пересчитал людей и тихо проговорил:

— Сорвалось, братцы. Молчок. Лечь и спать. Анатолий, поставь обратно щеколду. Живо. Что там у вас произошло?

— Вырвался, гад, и нажал курок. А потом мы его за борт, — еще неровно дыша, сказал радист. — Убить себя готов — все дело провалил. А где же нож?..

Шаршавин шарил в подкладке бушлата, в карманах, ножа не было.

— Обронил! Неужто обронил?

— Этого еще не хватало! Ищи лучше! Как же щеколду набросить теперь?

За дверью раздались шаги.

— Ну, теперь держись, — сказал Шаршавин, все еще хлопая ладонями по одежде. — Если что, я все на себя.

Все с удивлением услышали, как чья-то рука осторожно опустила щеколду.

Через несколько минут в твиндек прибежали гитлеровцы, а с ними «механикер». Он тарашил глаза и что-то объяснял фашистам, показывая пальцами на сибиряковцев. Громче всех кричал Тумке. Фельдфебель, пересчитав пленных, бросился к дверям. Пощелкал запором и, продолжая ругаться, погрозил

норвежцу кулаком. Потом солдаты ушли, а у дверей застучали шаги часового.

— Все, братцы, не побывать нам в гостях у английской королевы, — пробурчал Шаршавин.

— Баста! — оборвал его Павловский. — Не до шуток. Нож ищи. А то все откроется.

Качарава и Сараев лежали молча. Говорить не хотелось: погасла последняя искра надежды. Под утро кто-то подошел к их каморке. В маленькое круглое окошечко в двери просунулась рука, и что-то упало на пол. Сараев дотянулся и поднял.

— Перочинный нож, — сказал он Качараве.

— Дай-ка сюда.

Капитан встал, в луче света, проникающего сквозь щель, долго разглядывал.

— Да, перочинный ножик. Я видел его раньше у Шаршавина.

В СНОВА ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

КИЛЕ их посадили в товарный вагон и повезли. Качарава и Сараев были несказанно обрадованы, что все целы и невредимы. А ведь могло кончиться плохо. Но фашисты, видимо, решили, что солдата на судне убили норвежцы. Тумке не мог себе представить, что русские совершили

дерзкую вылазку, ведь дверь твиндека была заложена щеколдой, он проверил и убедился в этом.

Кто был таинственный друг, который помог отвести от них подозрение, моряки так и не узнали.

Неделю стучали колеса. Сквозь решетки узких оконцев сибиряковцы видели высокие черепичные крыши незнакомых городов, на стоянках слышали чужой говор. Как-то ранним утром их вывели из вагона и погнали по пустынным унылым улицам. Сараев, который уже мог подниматься, шел, согнувшись, товарищи поддерживали его под руки.

Их поместили в камеру большого концентрационного лагеря № 330, Марине Дулак. В эту мрачную тюрьму близ Гдыни сгоняли пленных моряков. Порядки, заведенные здесь гитлеровцами, отличались особенной жестокостью. В первый же день вместо обуви пленным выдали тяжелые деревянные башмаки. Двигаться в них можно было, лишь делая короткие шаркающие шажки. Неугомонный Шаршавин и тут не обошелся без шутки:

— В таких штиблетах прямо хоть на танцы. Кстати, ребята, а здесь танцы бывают?

— Бывают, бывают, — сдерживая улыбку, сказал Герега, — еще натанцуешься, холка вспухнет.

— Поживем — увидим. Пока холка вспухнет, нас и след простыл.

— Ой, скор ты больно, Анатолий, — покачал головой Алексеев. — У казематов стены толстые.

— Пошумели, и хватит, — вступил в разговор Качарава. — Кстати, стены, даже самые толстые, имеют уши. А побег — это дело серьезное, и впустую болтать нечего. Сначала оглядеться надо.

Утром пленных выгоняли на работу, больные оставались в камере, убирали помещения, мели двор. Иногда сибиряковцев вызывали на допросы, снова и снова спрашивали, нет ли среди них офицеров, знают ли они шифры, расположение минных полей в северных морях. Но никто не ответил на вопросы, так интересовавшие гестаповцев.

Горстка людей с погибшего, но непобежденного советского корабля держалась стойко, и каждый новый день, проведенный вместе, сплачивал их еще сильнее. В разговорах часто можно было услышать фамилии тех, кого уже не было на свете: Элимелаха, Сулакова, Матвеева, Дунаева, Черноус, Бочурко. О них говорили, как о живых, которые ненадолго уехали куда-то и обязательно вернуться. Свою группу пленные сибиряковцы, будь то моряки, артиллеристы или плотники, в разговорах именовали не иначе как экипаж.

Вспоминали часто корабль, походы по Баренцеву и Белому морям, к Новой Земле, вспоминали бой с «Шеером».

— А ведь каравана этот самый «Шеер» так и не догнал, — как-то сказал Павловский. — Мы фашистам все карты спутали.

— А может, и догнал, почему ты знаешь? — спросил боцмана Воробьев.

— Нет, точно не догнал, за это я голову на отсечение кладу, — поддержал Павловского Шаршавин. — Иначе бы они не выпытывали у нас обстановку. А потом, помните, ему кто-то перцу дал, он и удрал в Нарвик.

— Хорошо, что капитана с нами не было, — пошутил Копытов. — А с профессора какой же спрос?

Все рассмеялись. Качарава оглядел товарищей и, качнув головой, тихо заметил:

— Хорошо, ребята, что не оказалось среди нас трусов. Смалодушничал бы кто-нибудь, и тогда...

Он не договорил, что было бы тогда, но все поняли.

— Вот мы говорим о «Сибирякове», о товарищах наших, а знаете, кто мы такие? Помните, когда последний раз возвращались в Архангельск из Кеми, рыбаки с нами шли? И старик один раненым солдатам поморскую сказку рассказывал; хорошую сказку про трех сынов. Их мать посылала встретить отца, предупредить, чтобы к бою готовился, на поморские деревни враги напали, старик этих врагов змеем называл.

— Как же, помню, — встрепенулся Алексеев. — Мы тогда с тобой в одной каюте были, а потом еще комиссар Элимелак пришел. Очень ему тогда стариковская сказка понравилась.

— Ты бы ее нам рассказал, Толя, если помнишь, — пробасил боцман. — Я, ребята, сказки народные очень люблю. Особенно когда мальчонком был — ночи мог не спать.

И Шаршавин, как умел, рассказал. Слушали его внимательно, а когда сказ кончился, долго лежали молча.

— Почему я ее вспомнил, ребята, эту сказку? — снова заговорил радист. — Не кажется ли вам, что этот самый младший сын Иванушка как наш «Сибиряков»? Он отцу сигнал подал, что враги его ищут,

хотят в море его дружину потопить, а сам погиб, с врагами сражаясь.

— Точно, про «Сибирякова» этот сказ, — утвердительно сказал Воробьев. — Сигнал-то мы подали нашим кораблям. Вот здорово, и сказка вроде и правда!

Долго еще беседовали моряки, забыли о сне, о том, что утром их погонят на тяжелую работу.

Однажды среди ночи в камеру втолкнули пятерых. Они в нерешительности остановились, разглядывая лежащих на нарах.

— Принимайте в компанию, — простуженным голосом сказал один из новеньких.

Сибиряковцы поднялись со своих мест. Узнав, что это земляки, да к тому же еще и моряки, обрадовались. Начались расспросы: кто откуда, с какого корабля, в каких водах плавал, где попал в плен? И, как бывает в таких случаях, нашлись общие знакомые. Разговорам, казалось, не будет конца, однако собеседников постепенно становилось все меньше, и вот усталость свалила измученных людей.

С рассветом в дверь просунули бадью с похлебкой, хлеб и пять ржавых мисок для новых узников. Принялись есть. Молча, неторопливо глотали постную, невкусную похлебку. Один молодой парень приглядывался к бородатому лицу Качаравы. Анатолий Алексеевич почувствовал пристальный взгляд и поднял голову.

— Мы, кажется, встречались в Архангельске? Все гляжу, тот или не тот? Вы — капитан Качаравы? Верно? — подмигнул новенький. — Узнал я вас, узнал, капитан.

Запретное слово, произнесенное вслух, обожгло сибиряковцев. Все встрепенулись, перестали жевать, настороженно разом посмотрели на говорившего. Только теперь они хорошенько разглядели его: худое прыщавое лицо, блуждающий взгляд, большой рот с гнилыми зубами. И парень сразу показался противным, хотя толком никто не мог объяснить почему. Павловский, сидевший рядом с новичком, положив руку ему на плечо, медленно проговорил:

— Профессор Качаравы, запомни, матросик.

Парень съежился, словно придавленный. Он уткнулся в свою миску и быстро, точно боясь, что у него отберут похлебку, начал работать ложкой. Воцарилась неловкая тишина, которую нарушили окрики охранников: «Шнель! * Шнель!»

Вечером, когда усталые, хмурые люди вошли в камеру, они увидели одного Сараева.

— Профессора увели, — сказал парторг.

Сердца закаленных горем людей дрогнули, все посмотрели в сторону прыщавого: прыщуренные его глазки плутовато бегали.

Утром он не проснулся, его труп валялся в дальнем углу: лицо было перекошено, изо рта вывалился язык.

Прибежал сам комендант лагеря, которого за жестокость пленные прозвали зверем. Маленькое существо на кривых ножках махало перед лицами моряков кулачком, поросшим рыжей шерстью, и визгливо что-то кричало.

— Кто удушил? Кто удушил? — повторял за ним переводчик.

Когда очередь дошла до Шаршавина, он соорудил скорбную гримасу и, как бы раскрывая великую тайну, доверительно проговорил:

— Сам себя удушил. Я видел. Душил и плакал.

Комендант оцепенел, потом, сообразив, что над ним смеются, в ярости затопал ножками. Трое гестаповцев схватили Анатолия, выволокли в коридор, долго и остервенело били.

Несколько дней Шаршавин не вставал и оставался в камере с Сараевым.

Четверо моряков жили с сибиряковцами недолго. Их куда-то увели. Прощаясь, один из них горько заметил:

— Не принесли мы вам счастья, ребята. Кабы знали, эту гадину сами бы удушили.

Наступил март тысяча девятьсот сорок третьего года. Первое дыхание весны, первые радостные ве-

* Быстро! (нем.).

сти. В порту, куда в последнее время гоняли моряков грузить уголь, произошла встреча с французом из соседнего концлагеря. С ним столкнулся у бункера Калянов.

— Камрад, — тихо окликнул Ивана пленный и, ударя себя в грудь, сказал: — Я маки, партизан, компрене? *

Калянов понимающе качнул головой.

— Сталинград, Гитлер капут, компрене?

Француз двумя руками взял себя за горло и соорил такую выразительную мину, что плотнику все стало ясно.

— Компрене, компрене! — повторил он. — Спасибо, браток. Порадовал.

Вечером в камере только и было разговору, что о Сталинграде. Сибиряковцы, не зная подробностей, поняли: произошло событие огромной важности, фашистам нанесен сильный удар. Сердце забилося надеждой на скорое освобождение, возникали новые планы побега. Но уходило лето, осуществить их не удавалось. Все оставалось по-прежнему: изнурительные работы, скудная еда, душная камера и никаких возможностей связаться с внешним миром. Как-то прямо с работы уволокли невесть куда Ивана Алексеева. Думали, гадали, зачем он понадобился фашистам. Ждали день, другой, сигнальщик так и не появился. Сильнее всех переживал разлуку Шаршавин, он крепко дружил с Алексеевым, таким же, как и сам Анатолий, оптимистом и фантазером. Приятели и спали на нарах вместе, накрывались одним одеялом. Анатолий тщетно пытался хоть что-нибудь выведать у охранников о судьбе товарища, те не отвечали.

Как-то осенью Сараева, Шаршавина и Воробьева отправили на завод «Шайдерейдер и Ошенек» за пивом для лагерного начальства. Втроем они катили тележку, сзади шел охранник.

Хозяином пивоварни был немец. Пока охранник разговаривал со своим соотечественником, сибиряковцы успели украдкой перекинуться несколькими

* Понимаешь? (фр.).

словами с польскими рабочими. Один из них понимал по-русски и сказал, что фашистские армии на фронтах терпят одно поражение за другим, видно, час освобождения не за горами. Сказано это было скороговоркой, а морякам хотелось узнать побольше.

Вскоре случилось то, о чем можно было только мечтать. Предприимчивый хозяин завода, соблазнившись возможностью располагать бесплатной рабочей силой, уговорил начальство лагеря ежедневно присылать нескольких пленных. По счастливому стечению обстоятельств, выбор пал на сибиряковцев. К заводу прикрепили Сараева, Шаршавина и Воробьева, иногда добавляли еще кого-нибудь из команды.

Охранник, сопровождавший моряков, почти не наблюдал за ними. Работали они в разных помещениях, и он лишь иногда заглядывал в цехи, чтобы убедиться, все ли на месте, остальное время сидел в конторе и наливался пивом. Теперь сибиряковцы ежедневно получали подробную информацию о делах на фронте. У них появились верные друзья — польские рабочие Сверчинский, Стахевич и Обрушкевич. Беседуя с ними каждый день, Сараев понял: эти люди регулярно слушали советские радиопередачи и, по-видимому, состояли членами тайных организаций Соппротивления.

Дружба крепла. Поляки помогали русским, чем могли, приносили хлеб, сало, вареную картошку. Спрятав продукты под одеждой, моряки пронесли их в камеру и поровну делили между товарищами.

В начале ноября «пивовары», как в шутку называли сибиряковцы работающих на заводе, вернулись радостно возбужденные. Польские друзья сообщили им, что освобожден Киев. «Эх, нет с нами капитана! — горевали моряки. — Порадовались бы вместе! Жив ли он?»

О том, что Качарава жив, узнали лишь в январе сорок четвертого года. Его увидели среди заключенных так называемого офицерского отделения. Капитан еще больше осунулся и шел сутулясь. Заметив во встречной колонне своих, он встрепенулся, начал махать рукой, глаза его загорелись. Замедлив

шаг, Качарава задержал тех, кто шел сзади. К нему подбежал автоматчик, толкнул в спину прикладом. Больше экипаж не видел своего капитана: всех пленных офицеров перевели в другой лагерь, в Штутгов.

В марте Стефан Сверчинский сообщил Сараеву, что удалось установить связь с подпольщиками Гдыни. Они обещали помочь в подготовке побега и для начала достать сибиряковцам подложные документы восточных рабочих. Главная сложность заключалась в том, чтобы в нужный момент оказаться всем вместе, ведь моряков гоняли на работу в разные места.

Наконец наступил день, когда Стефан сообщил, что документы готовы. Принять их, тайно пронести в камеру и вручить товарищам Сараев поручил Анатолию. В полдень Шаршавин просигналил: «Все в порядке».

Возвратились, как обычно, под вечер, прикатив тележку с бочками пива. Вошли в камеру и... тут же в дверях появился офицер, сопровождаемый двумя солдатами.

— Механик? — по-русски спросил он Шаршавина.

— Ну, механик, — ответил Анатолий, ничего не подозревая.

— Собирайся, нам нужен механик!

Еще в первые дни лагерной жизни, когда сибиряковцев чуть ли не каждый день таскали на допрос, Шаршавин решил не называть своей настоящей профессии. Радист назвался механиком, так он и значился в списках. Теперь это обернулось трагически.

— А что у вас за машина? — спросил Анатолий. Он желал сейчас только одного — получить хоть небольшую отсрочку, чтобы успеть передать товарищам документы.

— Паровая машина. Поедешь на электростанцию в Штутгов, — ответил офицер.

Шаршавин изобразил на лице разочарование и с печалью в голосе ответил:

— Так я вам не подойду. Я механик по мясорубкам. — И он сделал движение, что крутит ручку. — В артели я работал, ремонт, понимаешь?

Гитлеровец побагровел и приказал солдатам вывести пленного. Анатолий упирался, отпихивал охранников локтями, пытался взобраться на нары. Но его поволокли к дверям. Он успел крикнуть:

— Эх, братцы, невезучий я! Прощайте! И будьте спокойны...

Через час в камеру ворвались разъяренные гестаповцы. Сибиряковцев построили, долго обыскивали, потом переворошили все на нарах.

— Документы? — кричал офицер. — Где еще спрятаны документы? — Он бил людей кулаками, пинал ногами, но никто не проронил ни слова.

Прошло несколько дней. Все были мрачными, подавленными: ведь так все удачно складывалось, и вдруг провал. Анатолий не возвращался. С тревогой ждали моряки: может, еще приведут, может быть, жив. На завод их уже не водили. Снова оборвались связи с миром по ту сторону ключей проволоки. Однажды Котлов решил спросить охранника, некогда сопровождавшего сибиряковцев за пивом, где их товарищ. Лицо немца расплылось в тупой улыбке.

— Тюк, — сказал он, вскинул брови и, поправив автомат, пошел вдоль рядов пленных.

В экипаже осталось двенадцать человек. Была надежда, что жив Алексеев, что он подаст о себе весть. Но о нем ничего так и не удалось узнать.

ВАСИЛЕК

МНОГО передумал Иван Алексеев этой бессонной ночью в холодном карцере, куда упрятали его гитлеровцы. Вспомнил все, что было с ним с той поры, как фашисты разлучили его с экипажем.

...Случилось это летом сорок третьего. Потребовались люди для работы у богатого хозяина.

Отобрали гестаповцы пятнадцать человек. Из экипажа «Сибирякова» среди них оказался один Иван Алексеев. До войны он работал портным, и кличка

у него была в лагере Портной. Помещику понадобился человек, умеющий шить, чинить одежду. Иван даже проститься с товарищами не успел, взяли его прямо с работы. Думал, на допрос повели, а вышло иначе. Группу пленных отвезли в живописное местечко на берегу Вислы, и начались новые мытарства. Ивана то гоняли в поле, то заставляли шить в хозяйском доме.

На хуторе, кроме пленных, жили и русские девушки. Угнанных на чужбину советских граждан здесь называли восточными рабочими. Они хоть и считались «вольными», но надзор над ними осуществлялся строжайший. Большинство девушек были из Ленинградской области. Жили они отдельно, а в поле нередко встречались с парнями.

Однажды Ивана заставили копать на хозяйском дворе погреб. Жара стояла, как в пекле. Кидал, кидал землю — заморился, воткнул лопату в глину, вылез из ямы, свернул сигарку, прилег. Глотнул едкого дыма, слеза выкатилась, прищурился, а открыл глаза: девушка идет. По всему видать, русская — одета плохо, на ногах деревянные башмаки. Согнулась в три погибели под тяжестью двух бадей с водой, ноги в коленках подламываются.

Вскочил Иван, подбежал:

— Давайте подмогну! Сорветесь ведь, сестренка.

Девушка подняла ресницы. На Алексеева смотрели огромные голубые, как васильки, глаза. Прочел в них Иван тихую печаль, страданье.

— Давайте подмогну! Нельзя же так, — повторил матрос.

— Что вы, что вы! — девушка испуганно оглядела двор. — Хозяйка увидит. Вот передохну только.

Иван помог поставить на землю бадьи, опустился на колени, вытер пот с лица и аккуратно через край попил холодной колодезной воды.

— Хорошая, студеная, как дома в деревне, — похвалил Алексеев и спросил: — Зовут-то вас как?

— Катя Крючкова. А вас?

— Меня Иван Алексеев, а кличут меня тут Портной. Специальность у меня гражданская такая была.

Ну, а сам я моряк, вернее — бывший моряк. Потопили наш корабль.

— А я из города Пушкино, это под Ленинградом, знаете? Много девушек оттуда угнали, кого в Германию, кого сюда, в Польшу.

— Чего делаете тут?

— Работаем, конца ей нет, работе. Хозяева отдыха не дают, злющие, жадные. А вот простой народ здесь хороший, такой же, как мы, сочувствует, помогает, чем может. Им тоже трудно, ох, трудно!

Девушка схватилась за коромысло, но Иван оставил ее:

— Погоди-ка, Катя, что скажу. Приходи сюда почаще. Завтра сможешь? Я дней пять буду тут в земле ковыряться. Придешь?

Девушка с минуту помолчала, опустив ресницы, потом тихо, чуть слышно ответила:

— Приду.

С того дня Иван и Катя виделись почти каждый день. И хоть встречи иногда продолжались всего несколько минут, силы у них прибавлялись от коротких, наспех брошенных друг другу слов.

А однажды они провели вместе целый вечер. Он целовал ее горячие губы, чувствовал теплое дыхание на своей щеке, густые Катины волосы приятно щекопали его лицо. От них струился нежный запах свежего сена. Они оба мечтали о времени, когда окончится война. Конечно же, разобьет врага Красная Армия, выручит их из беды. И тогда уже можно будет встречаться не украдкой, а смело идти рядом, у всего света на виду.

Мечтали они с Катей пожениться, бежать вместе задумали, а судьба решила иначе. Теперь рвутся их сердца навстречу, а встретиться не могут.

Эх, как же нескладно все получается у него в жизни! Ночь тянулась долго, томительно. В который раз достал Иван заветное письмецо, стал читать.

«Здравствуй, Ваня! Пишу я тебе, а у самой руки дрожат и сердце стучит. Думала, уж не увижу тебя больше, и вдруг все так сложилось. Приехал по-

сылный от вашего пана, Матек, ты, должно, знаешь его, высокий такой блондин. Увидел меня и рассказал про тебя. Нет у меня слов, чтобы описать радость. Мысли путаются от волнения, да еще Матек торопит: ему ехать надо.

Ты, наверное, думаешь, почему я не пришла тогда? Может, такая мысль была, что я струсилась? Нет, Ванюша. Приключилось со мной несчастье. Расскажу все, как было. Помнишь, мы назначили свидание в полночь за овином? Как пришла я домой после нашего сговора, хозяйка велела мне отправляться вместе с управляющим на соседнюю усадьбу, туда муж ее уехал еще с утра. Им нужно было отвезти какой-то груз. Никак я тебе о том сообщить не могла. Потом подумала: «Немец этот живет недалеко, километром двадцать пять от нас, скоро обернусь и к полночи поспею».

Приехали на место, а там хозяева гуляют, самогон пьют. Передала, что велено было, собралась в обратный путь, а он кричит управляющему: «Распрягай лошадей!» Замерла у меня душа: время-то уж к восьми подбирается. «Не поспею, — думаю, — если задержусь». Приглашает хозяин к столу, а у меня ноги словно к полу приросли. Но подавила свой страх, выпила рюмку. А хозяин, жирный кобель, полез ко мне обниматься. Сама уж не помню, как вышло, только размахнулась да как ударю его по толстой морде! Вскочила и бежать. Перехватили звери, избили так, что сознания лишилась.

Очнулась. Луна белая, как саван, надо мной висит. Во рту солоно. Вспомнила все, побежала. Сердце вперед летит, а ноги мои за ним не поспевают. Как птица подбитая к гнезду, летела. А тут еще ливень хлынул. Уж не помню, много ли, мало ли бежала, только вдруг мочи не стало, упала. И дума одна: не свидимся уж боле, улетел соколик мой ясный на волю.

Насилу доплелась до хутора. Хозяйка, немка злющая, давай хлестать меня по лицу чем ни попадя.

Ваня, милый! Повела тебе про то, как все было. Хочется еще поговорить с тобой, да уж Матек за письмом идет,

До свидания, родной, шлю тебе поклон. Еще забыла сказать, видела Дусю, она рассказала, как вас схватили. Сама она вернулась и работает неподалеку на одном хуторе.

Василек»

Хоть и крепкий был человек Иван Алексеев, а тут вдруг обмяк. словно железным обручем сдавило горло, дышать стало трудно, на лбу выступили росинки.

Да, вот почему не пришла Катя. А как он ждал тогда, и сердце словно чуяло недоброе...

Нервничал он в ту ночь. Саша Решин, товарищ, тоже нервничал. Дуся его пришла, а вот Кати не было. Алексеев метался, как волк, попавший в капкан. Друзья понимали его и терпеливо ожидали решения. Минуты не шли, а летели. Когда небо на востоке начало светлеть, он твердо сказал:

— Больше ждать нельзя. Идем!

И они отправились в путь втроем. Было это шестнадцатого мая сорок четвертого года. От линии фронта беглецов отделяло больше тысячи километров, шансов добраться к своим было очень мало. Но они упорно шли к заветной цели.

Так минуло две недели. Истощенные, голодные, они еле передвигали ноги. Все, что удалось припасти на дорогу, было давно съедено. Питались корой, корнями, травой.

Однажды ранним утром, когда солнце только позолотило верхушки деревьев, мужчины, оставив Дусю в лесу, направились к уединенному хутору: голод стал нестерпимым. Решились достать еду во что бы то ни стало.

Осторожно подошли к дому. Навстречу выскочила огромная собака, принялась свирепо лаять. И надо же было такому случиться: в доме оказались немецкие солдаты. Бежать некуда, да и сил нет. Гитлеровцы окружили обессиленных парней; тыкая автоматами в грудь, принялись допрашивать: кто такие, зачем сюда пришли?

Снова попали Алексеев и Решин в концентрационный лагерь. Ох, и поиздевался же над ними комендант! Двадцать один день продержали их в карцере—

сырой яме, а потом отвезли к прежнему хозяину. Надеялся Иван увидеть Катю, но никто не мог сказать, куда она исчезла.

Днем вместе со всеми Алексеев работал в поле. Вечером пленных запирали в темном бараке за колючей проволокой. Следили теперь за ними строго.

Совсем потерял Иван надежду снова встретиться с девушкой.

И вот когда Матек привез ему письмо, оторопел: от кого бы? Быстро сунул в карман, чтобы не заметили. Прочитать удалось только вечером, в бараке. Так и берег это письмо. Ведь только и осталась у него на чужбине одна радость — Катина ласка. Но встретиться опять не удалось.

Утром всех погнали на работу, только Ивану и Решину велено было остаться. Через полчаса их вели под конвоем в штрафной лагерь, который пленные прозвали «Железка». Отсюда узников гоняли на разгрузку колючей проволоки. Работа была тяжелая, руки вечно в ссадинах, кровоподтеках, нарывах.

«Старое припомнили, — понял Алексеев, когда его привели в барак. — Жаль, что не успел написать ответ Кате. Теперь уже не удастся».

Но и в этом проклятом месте моряк не оставил мысли о побеге. Пригляделся к соседям, выбрал, с кем можно поделиться. Народ здесь был отчаянный, почти каждый в бегах побывал. Вскоре сложилась крепкая компания. Прикинули — одним на волю не выбраться, надо больше людей привлечь, просить помощи у заключенных из соседнего лагеря, где режим полегче. Наладить связь поручили Ивану, у которого там оказались знакомые ребята.

Иван всю неделю усердствовал на работе, даже покрикивал на товарищей. Конвоиры хвалили его: «Молодец», — угощали сигаретами. Выдался удобный момент: заболели у Ивана зубы. Боль, правда, была невелика, но щека вздулась. Начал охатъ. Открыл рот, показывает охранникам, а там два зуба расколоты: кто знает, что покалечили их при допросе.

Зубной врач, тоже из пленных, был только в соседнем лагере. Знали это ребята. Знали и то, что

человек он надежный. Через него уже не раз переговаривались.

Охранник доставил Ивана к врачу, а сам пошел в казарму провести своих коллег. Доктор понял с полуслова, что нужно, сообщил знакомым Алексеева, чтобы пришли. Вскоре появились Иван Ошурков и Лев Портнов. Последнего Иван знал еще по флоту. Выложили они Алексееву свой план: готовился массовый побег в леса, к партизанам.

На шестнадцатое сентября намечалось восстание: снять часовых, уничтожить охрану. После этого группа во главе с Портновым и Ошурковым, вооруженная автоматами, должна внезапно напасть на «Железку». Немцам нельзя дать очухаться, иначе гибель. В «Железке» все должно быть заранее подготовлено, чтобы не было никакой заминки.

— Запаситесь чем потяжелей, — говорили друзья, — и главное — внезапность! А потом решим, как дальше будет.

Но не суждено было осуществиться этому смелому замыслу. Выдал провокатор. Пятнадцать руководителей заговора арестовали. Лев Портнов — главный организатор — был расстрелян. Так Иван потерял еще одного верного друга.

В «Железке» с той поры стало еще строже. Алексеева поместили в карцер. У немцев возникло подозрение, что не случайно ходил он в соседний лагерь.

Солнце щедро поливало землю невесомым золотом света, но в темную камеру сквозь крохотное окошко пробивался лишь тоненький, как волосок, луч. Он положил светлую заплатку на темное лицо узника, который спал, не подозревая, что на дворе такое чудесное утро. А может быть, узник и не торопился открыть глаза, которые устали видеть перед собой мрачные стены камеры с потеками и плесенью. Иван уже перестал ощущать время и думал, думал о друзьях, о Кате, о том, что еще может ждать его впереди. И будущее казалось беспросветным.

Иван встряхнул головой. «Что же это ты нюни

распустил, моряк Алексеев, комсомолец, русский парень! Расхныкался. А может быть, твои товарищи уже вырвались из неволи и бьются с врагом. Толька Шаршавин уж наверняка придумал что-нибудь, и Сараев с Павловским не из тех, чтобы сидеть сложа руки. Жаль еще, что капитана с ними нет. Но, может быть, и он сумел убежать.

«Нет, баста, не удалось дважды, в третий раз убегу. Убегу и вернусь за Катюшей с оружием в руках», — говорил себе Иван.

Заскрипела дверь, в камеру хлынуло солнце. На пороге появились молодой охранник и писарь из канцелярии.

— Вставай, парень, иди в комендатуру, — беззлобно сказал солдат. Алексеев уловил польский акцент.

Идти в комендатуру. Это не доставило радости. «Сегодня воскресенье, — вспомнил Иван, — чего-то опять затеял комендант».

Шагнул за дверь, в нос ударил ядреный, пахнущий медом ветерок. Он ласкал щеки и врвался в легкие так весело и поспешно, будто торопился вытеснить из них затхлый воздух камеры. Голова на мгновение закружилась, и сразу стало легче, опьянение сменилось бодростью.

Вот и комендатура. Но охранник его ведет не к начальству. Дверь совсем другая. Матрос перешагнул порог и очутился в светлой комнате со свежесбеленными стенами. Рядом с растворенным окном — женщина. Она делает порывистое движение к нему. Иван вскрикнул от неожиданности. На него смотрели два огромных глаза-василька, плавающих в тумане слез. Он узнал бы эти глаза из тысячи других.

— Катя! Василек!

Девушка прижалась к нему разгоряченным лицом, он почувствовал, как ее тепло, передавшись ему, заструилось по жилам. Катя дрожала от рыданий. Иван не утешал ее, а только крепче прижимал к себе. Оба не находили слов: уста молчали, говорили сердца. Наконец он спросил:

— Как тебя допустили-то сюда, Катюша?

— Я, Ванечка, сестрой твоей сказалась, — шепнула девушка. — Ну и упростила их. На-ка вот тебе. Она торопливо развязала беленький узелок. В нем был хлеб и пакетик табака.

— Покушай.

Иван растерянно глядел на гостинцы, словно не понимая, зачем они. Он все еще не мог поверить, что рядом Катя, его Катя, гладил ее волосы, повторяя, как в забытьи:

— Василек, Василечек мой, нашла ведь...

После короткой встречи с «сестрой» Ивана отвели в барак. Что повлияло на лагерное начальство, сказать трудно, может быть, просьба девушки тронула их черствые сердца? А кто разрешил свидание? Ведь тем, кто находится в карцере, они не положены. Что, если здесь есть тайный друг?!

Теперь Катя приезжала почти каждое воскресенье, привозила еду, махорку, рассказывала новости, а они становились все интересней.

— Наши недалеко уж, — однажды шепнула Катя. — Скоро здесь будут. Один поляк приехал от самого фронта. Немцы чемоданы собирают.

Через несколько дней Иван услышал гул самолетов, а потом приглушенные раскаты взрывов. Налеты советской авиации участились. У немцев изменилось настроение: они нервничали, суетились.

— Вот что, Катя, — сказал Иван, — нельзя больше ждать, попробую еще разок...

— Куда же, Ваня? Поймают если, убьют сразу, а тут наши скоро...

— Все равно не могу ждать, душа задыхается, я тоже драться должен, понимаешь? Чем раньше воевать начну, тем быстрее встретимся.

Договорились с товарищами устроить побег на следующей неделе. Катя должна была принести Ивану напильник. Бежать решили ночью, распилив решетку в окне, обращенном к лесу; прутья у решетки тонкие. Разведали, что гитлеровцы выставили теперь втрое меньше часовых, чем раньше, всех, кого можно, гнали на фронт, и бдительность охраны стала далеко не той. Девушка обещала принести напильник в воскресенье.

В пятницу немцы неожиданно отобрали сорок человек и вывезли из лагеря в город Нейштадт. Иван от отчаяния кусал губы.

Пленных поместили в двух деревянных бараках без окон, без отопления; холод стоял в них тот же, что и на улице. Был январь 1945 года. Бараки усиленно охраняла команда — семнадцать солдат — и свора свирепых овчарок. Кормили брюквой, морковью; работать гоняли за пять километров — лес рубить: немцы строили укрепления. Гул орудийной канонады говорил о том, что фронт приближался. И вот наступила пора, когда работы прекратились. Пленных заперли и не выпускали даже по надобности. «Бежать, бежать во что бы то ни стало...»

Как-то ранним мартовским утром вызвал Ивана начальник охраны и велел привести в порядок его вещи, постирать и погладить белье. «В дорогу собираешься, — подумал Алексеев, — значит совсем ваше дело швах».

В комнату, где он работал, заглянул солдат, лицо которого показалось знакомым. Заговорил с Иваном по-русски, напомнил о свидании с девушкой. Рассказал, что он поляк, насильно взят немцами в армию нести караульную службу, назвался Алексом. С недоверием поначалу отнесся к нему Иван (кто знает, что за человек?), а потом решился, заговорил напрямик:

— Помог бы ты нам, парень, спасибо сказали бы, добрым словом вспомнили.

Алекс понял.

Неожиданно для Алексеева поляк начал излагать свой план. Ночью он уберет часового, откроет дверь и выпустит пленных. Только надо выбрать момент получше.

— Через четыре дня я в ночь дежурить буду, — сказал Алекс, — с вами тогда и уйду.

Иван попросил поляка передать письмо Кате. Написал короткую записку.

С волнением ждал ответа, но прошел второй, третий день, а ответа все не было. Может быть, Алекс обманул? Улучил случай, спросил.

— Передал одному русскому, — сказал солдат, — он обещал, что все сделает.

«Не нашел, видно, посыльный девушки, — понял Иван. — Угнали куда-нибудь. Только бы не в Германию! А уж коли так случилось, и там ее разыщу».

Одиннадцатого марта на раесвете в барак не вошел, а буквально влетел Алекс.

— Получен приказ: завтра лагерь будут эвакуировать, а пленных... Говорить даже страшно. Сегодня поставят усиленную охрану.

— Ну, друг, теперь все от тебя зависит, а то конец нам, — тихо сказал Алексеев.

— Нет, нет... я с вами, ждите... Как только вас выведут, поставят в строй, я дам сигнал. Офицера застрелю. А вы уж помогайте...

В голову узникам лезли невеселые мысли. Удастся ли? Таким близким кажется спасение. Вон где-то близко уже гремят взрывы, земля дрожит под ногами. Что может произойти завтра? Впереди одна ночь, всего одна ночь...

Но и ее не было. Не выдержали нервы у гитлеровцев, не стали ждать утра. Лишь начало смеркаться, дверь барака распахнулась, и послышалась команда: «Выходи!»

На пленных наведены автоматы, злыми глазами уставились овчарки: того и гляди бросятся. По спине пробежали мурашки. Алекс стоял последним в цепи. С надеждой вглядывались в лицо поляка обреченные, пытаясь хоть что-нибудь прочесть на нем, но оно было точно каменное. Конечно, он ничем не должен себя выдать. Действовать надо только на верняка.

Темнота сгущалась. С болот тянуло сыростью, запахами гниющей травы. «Где-нибудь тут...» — подумал Алексеев. Неожиданно небо разверзлось. Ввысь поднялись стрелы прожекторов и беспокойно заматались из стороны в сторону. Где-то недалеко бомбы терзали землю. Все повернули головы: за лесом вставало багровое зарево. В перекрестиях лучей прожекторов иногда появлялись, но тут же вырывались из них светлокрылые птицы — советские бомбардировщики.

Гитлеровский офицер что-то кричал, но его голос тонул в грохоте взрывов. Солдаты замешкались, пленные остановились и как зачарованные смотрели вверх. Алексеев толкнул соседа: «Пора!»

Из тьмы вынырнул всадник на разгоряченном коне. — Эршиссен*, эршиссен! — кричал он начальнику конвоя.

Как была знакома эта страшная команда!

— Конец.. — громко сказал кто-то.

Резко застучал автомат. Конь вздыбился. Офицер, взмахнув руками, опрокинулся навзничь. Стрелял Алекс. Обезумевшая от страха лошадь с застрявшим в стремях всадником бросилась прямо на оторопевших конвоиров.

Все произошло в какие-то доли секунды. Пленные разом, словно по команде, бросились на гитлеровцев, сбивая их с ног.

«ЗКИПАЖ «СИБИРЯКОВА» СЛЕДУЕТ НА РОДИНУ!»

КЗИМЕ сорок пятого года многое изменилось в лагере. Пленных осталось совсем мало. Кормили еще хуже, а на работу водили чаще. Отправленных на фронт дюжих гестаповцев сменили новые охранники, люди пожилые, взятые в армию по гитлеровскому фольксштурму. Они не кричали, не дрались, и комендант был ими недоволен.

В феврале сибиряковцам выдали лопаты и на катере повезли на полуостров Оксив. Здесь старший охраны, хромой ефрейтор, вбил колышек, отмерил сто пятьдесят шагов и приказал копать траншею.

— Могилу, что ли, себе роем? — громко сказал товарищам Седунов.

— Да не похоже, Федя, — ответил Павловский, — уж больно велика для двенадцати человек.

* Расстреляты! (нем.).

Когда траншея была готова, моряки убедились, что они действительно готовили могилу, но не для себя, а для убитых немецких солдат. Их привозили на грузовиках, сбрасывали в котлован и заставляли сибиряковцев закапывать. Делали моряки это без понукания, первый раз работа пришлась им по душе.

На следующей неделе заставили рыть новую траншею.

— Что, худы, папаша, ваши дела? — спросил Золотов пожилого охранника. Тот понял, закачал головой.

— Шлехт*, шлехт. Русский зольдатен Висла, — и он показал рукой на запад. — Майн зон ист мордет**.

— Ребята, наши войска у Вислы! — громко крикнул Золотов. Военнопленные бросились обниматься. Немцы переполошились, стали кричать, взяли автоматы на изготовку, с трудом заставили возобновить работу.

Приближение фронта ощущалось во всем: и в том, что чаще стали появляться над Гдыней краснозвездные самолеты, и в том, как вели себя гитлеровцы. Ночами можно было видеть над горизонтом зарницы артиллерийской канонады, а иногда услышать ее приглушенные громовые раскаты. По-прежнему лютовал лишь комендант. Заметив, что с появлением советских штурмовиков пленные не скрывают своей радости, он изобрел новую пытку. Она получила название «смотреть в небо». Тех, кто особенно сильно выражал свой восторг, «Зверь» ставил во дворе, подпирал подбородок доской с заостренным верху концом. В таком положении люди находились до тех пор, пока, обессилев, не падали с ног, иногда распарывая себе горло. Но ничто не могло заставить заключенных отказаться встречать и провозжать взглядом крылатых вестников победы. Одной из жертв этого жестокого наказания стал Воробьев. До этого он все время хворал: кашлял, жаловался на грудь и таял на глазах. Не вынес моряк пытки,

* Плохо (нем.).

** Мой сын убит (нем.).

упал. Унесли его без сознания куда-то. Думали, в лазарет; отлежится, придет. Но не пришел он больше...

На рассвете десятого марта по шоссе Штутгов — Гдыня двигалась полуторатысячная колонна пленных, за ней три грузовика с автоматчиками. Люди шли медленно, поддерживая под локоть слабых товарищей. Они тихо говорили между собой, говорили на разных языках, но хорошо понимали друг друга. Это были плененные фашистами морские офицеры. Среди разномастной толпы можно было увидеть худого чернобородого человека с ввалившимися карими глазами. Это был капитан Качарава.

Из камер их выгоняли поспешно, гестаповцы никогда так не торопились. В чем дело? Недобрые мысли лезли в голову. Куда их ведут? Не в Германию же собираются отправлять?

Вот голова колонны сошла с дороги и двинулась в поле. Ноги вязли в еще не просохшей земле. От нее поднимался пряный запах весны. Люди тяжело шагали, впереди поднялся ропот возмущенных голосов.

— На расстрел! — услышал Качарава. — Вон уж и могила готова. — Обернулся, сердце застучало часто-часто.

Но в эту минуту со стороны шоссе донесся нарастающий гул моторов. Скрежеща гусеницами, мчались танки. Они свернули с дороги в сторону колонны и, словно боясь опоздать, прибавили скорость. Люди стали кричать, падали на колени. «Неужто хотят танками затоптать? — подумал Качарава. — Вот душегубы!» Но случилось другое: бронированные машины разом остановились, их пушки ударили по грузовикам с фашистскими автоматчиками. Машины загорелись. Уцелевшие гитлеровцы, бросая оружие, в страхе разбежались в разные стороны. Их настигали пули, посланные из автоматов. Это уже стреляли пленные.

— Наши, наши! — словно обезумевший, закричал кто-то. Люди обнимались, плакали...

Качарава бежал навстречу грозным машинам, бежал и не мог сдержать слез. «Товарищи, родные», — шептали губы. Вот открылась башня одного из танков. Выснулась голова в кожаном шлеме. Танкист скинул шлем. Качарава разглядел закопченное молодое лицо, спутанный русский вихор. Танкист улыбался, сверкая ослепительно белыми зубами, махал рукой и кричал:

— Хлопчики, валяйте по шоссе к Штутгову. Там наши идут, войска маршала Рокоссовского! Ну, пока!

Шестеро бежали в лес. За спиной раздавался стрекот автоматных очередей. Немцы палили наугад. Иван Алексеев остановился, чтобы перевести дух: он задохся от быстрого бега. Остановились и его товарищи. Только сейчас Иван разглядел их лица — истощенные, серые, с запавшими глазами. Ни с одним он не был знаком, хотя видел их в лагере. В колонне пленных, которую гитлеровцы собирались расстрелять, они стояли близко, почти рядом. Иван подумал об остальных. «Наверное, тоже разбежались. Жаль, Алекса нет рядом. Где-то он теперь?»

Но размышлять было некогда. Небо вдали по-прежнему полыхало. В низкие тучи уперлись гигантские столбы света. Они то перекрещивались, то снова выпрямлялись, шарили, пытаясь нащупать советские самолеты. Шли бои за город Нейштадт.

Всю ночь грохотала артиллерия, под утро все стихло. По дороге от города на запад тянулись отступающие гитлеровские войска. Отступали торопливо, в беспорядке.

Когда дорога опустела, шестерка беглецов вышла из леса и направилась к Нейштадту. На окраине их остановил советский патруль, проводил в комендатуру, там накормили, уложили спать. На следующее утро всех, кроме Алексеева, направили в часть. Иван заболел, его положили в больницу.

Но недолго болел моряк. Через две недели он уже находился в распределительном полку, примерял новенькую форму. Ему вручили автомат.

Так бывший сигнальщик ледокольного парохода «А. Сибиряков» и узник гитлеровских концлагерей стал бойцом 205-й стрелковой дивизии.

Теперь Иван Алексеев с оружием в руках наступал вместе с советскими войсками. Шел солдат на запад. И всюду-всюду он искал девушку с голубыми, как васильки, глазами.

В конце марта темной ночью сибиряковцев выгнали из казармы и вместе с другими заключенными погнали в тыл. Из разговоров поняли — отправляют строить укрепления. «Не бывать этому», — передавалось из конца в конец колонны. Моряки решили действовать. На одном из поворотов шоссе, близ небольшой рощицы, Замятин выскочил из колонны и сшиб с ног охранника. Падая, тот пальнул из автомата.

Конвоиры испуганно шарахнулись в сторону. Пленные восприняли это как сигнал к побегу. Где-то впереди началась свалка. Завладев оружием, Замятин открыл по гитлеровцам огонь.

— Ребята, пошли! — скомандовал Сараев, и моряки устремились к роще. Бежали долго, оглядываясь и перекликаясь, чтобы не потерять друг друга. Наконец остановились, сошлись вместе. Боцман, тяжело дыша, окликнул друзей по именам: все. Рядом разговаривала еще одна группа заключенных. Скворцов позвал их. Ему ответили на незнакомом языке.

— Айда с нами! — крикнул Золотов, но там уже никого не было, слышались удаляющиеся шаги. — Чудаки, не в ту сторону пошли, — удрученно сказал гидролог.

— Значит, не по пути, — заметил Скворцов. — Каждый идет в свою сторону.

К утру сибиряковцы добрались до каких-то пустых строений, огороженных колючей проволокой. Видимо, это был заброшенный концентрационный лагерь. Произвели разведку — вокруг ни души.

— Ребята, глядите, здесь какая-то землянка! — крикнул Седунов. — Провалился, чуть ногу не сломал.

Осторожно спустились по покатой траншее. Павловский взял в руки булыжник и, подняв его над головой, толкнул дверь. Заглянул внутрь — тихо. Боцман сделал товарищам знак обождать и скрылся внутри. Через минуту раздался его зычный бас:

— Заходи!

Под неприметным сверху холмиком, поросшим свежей травкой, оказался просторный чистый блиндаж. Гитлеровцы оставили его совсем недавно. На нарах валялись три автомата, топор, кучка лопнувших пакетов с патронами. В шкафу моряки нашли несколько черствых буханок хлеба в целлофане, котелок с медом, флягу подсолнечного масла, кульки с крупой. Несмотря на то, что все было очень голодно, горячую пищу варить не решались: дым мог привлечь внимание. Павловский сразу принял на себя роль войскового старшины и стал делить хлеб. Он топором разделил на куски одну буханку, остальные оставил про запас.

После короткого совещания решили день-два, если ничего не произойдет, скрываться здесь, выставив наблюдателя. К вечеру все прекрасно выспались и почувствовали себя бодрее. А ночью вышли на воздух, затаив дыхание слушали, как гремит фронт. С рассветом Сараев и Скворцов, вооруженные автоматами, отправились на разведку. Сибиряковцев интересовала дорога, что пролегла метрах в пятистах от землянки и вела к невысокой горе. По ней они собирались двинуться навстречу своим.

Шли молча по кювету, вдоль которого росли низкие деревца и кустики. Приблизились к горе. Тут их внимание привлек звук мотора. Справа по тропинке ехал вражеский мотоциклист в каске. Моряки залегли, стали ждать. Гитлеровец свернул на дорогу и, прибавив газу, умчался в сторону, куда шли разведчики. Медленно они двинулись дальше. Еще полкилометра дорога огибала возвышенность. До слуха донеслась немецкая речь. По дороге навстречу шла, громко разговаривая, группа солдат. Оставаться в кювете было нельзя; пригибаясь, разведчики побежали к горе.

Сараев увидел дверь. Толкнул ее, оказался в коридоре, который, разветвляясь, уходил вглубь. Моряки вошли, решили переждать, когда гитлеровцы минуют гору. Но неожиданно дверь открылась, и фашисты — их было человек пятнадцать — появились в коридоре. Разведчикам не оставалось ничего другого, как притаиться в одном из темных поворотов. Немцы прошли так близко, что до них можно было дотянуться рукой.

Сибиряковцы бросились к выходу, но услышали, что еще кто-то идет навстречу. Раздумывать было некогда. Сараев нажал курок. Фашистский солдат без звука рухнул на землю. Моряки перешагнули через него, сзади послышался топот. Скворцов повернулся и послал вдоль коридора длинную очередь. Пули попали в цель: об этом можно было судить по истошным крикам и возне. Не оглядываясь, разведчики выскочили на дорогу и побежали назад.

В землянку они возвратились не сразу, а сначала, спрятавшись в кустах, выжидали: не будет ли погони? Только убедившись, что их не преследуют, поползли к товарищам.

Отсиживались в блиндаже еще двое суток. В ночь на четвертое марта сибиряковцы оставили свое убежище и пошли, теперь уже все, к грохочущему фронту. Они двигались гуськом по знакомому кювету, а у горы свернули вправо. Где-то по дорогам мчались машины, двигались люди, а они шли и шли в темноте на звук канонады. Когда стало светать, моряки укрылись в окопчике, весь день просидели в нем, прислушиваясь к шуму колес и взрывам тяжелых снарядов.

Стемнело, и моряки снова двинулись в путь, пересекали дороги, обходили черные силуэты построек. Однажды где-то сбоку раздался окрик:

— Вер комт?*

Они ответили очередью из автомата и продолжали идти, перепрыгивая через траншеи.

С первыми лучами солнца по дороге прошли два танка со звездочками на башнях, сердца людей за-

* — Кто идет? (нем.).

стучали часто-часто. Не хватало воздуха от избытка радости. Вот из кустов выскочили люди в защитных плащах, крикнули:

— Руки вверх!

Сибиряковцы, бросив автоматы, опустились на землю.

— Пришли, братцы! — сказал Павловский. — Баста!

По щекам его небритого мужественного лица капали слезы.

Советские бойцы окружили моряков и, не спрашивая, кто они, стали угощать махоркой, сигаретами. Подошел молодой капитан. Все встали.

— Что за люди? Откуда? — спросил офицер.

Сараев выпрямился, расправил плечи и по-военному доложил:

— Экипаж ледокола «Сибиряков» следует на Родину!

— «Сибиряков»? — раздался сзади чей-то голос. Все обернулись и увидели коренастого плотного человека в погонах полковника. Рядом с ним стояло несколько офицеров. Полковник внимательно осматривал задержанных. Взгляд его остановился на боцмане.

— Ваша фамилия случаем не Павловский? — спросил он.

— Павловский.

— Встречались мы с вами. Забыли? Вспомните Белое море, Кемь. Чаёк еще с вами пили. Потом котелочек потерянный. Да неужто не узнали?

Боцман заморгал глазами.

— Комбат! Вот так штука!

— Не комбат, а комдив, — поправил кто-то из офицеров.

Полковник рассмеялся.

— Вот и встретились. А куда теперь думаете?

— С вами на запад, — за всех ответил Сараев.

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ

ВСТРЕЧАЕМ КОРАБЛИ

В О время Великой Отечественной войны «Сибиряков» 25 августа 1942 года, находясь в центральной части Карского моря, встретил немецко-фашистский рейдер-линкор «Адмирал Шеер». В результате неравного боя «Сибиряков» был потоплен. Героический бой «Сибирякова» — одна из славных страниц самоотверженной борьбы советских моряков в период Великой Отечественной войны».

Вот все, что в Большой Советской Энциклопедии сказано о гибели знаменитого ледокольного парохода. Трудно объяснить, почему никто не попытался расшифровать короткие, но многозначительные строки. Может быть, это случилось потому, что было неизвестно, остался ли в живых кто-либо из героев, где они. Да и времени очень много прошло с той поры, как над старым ледоколом сомкнулись студеные воды Карского моря.

В марте 1960 года в редакцию газеты «Советская Россия» пришло письмо. Военный моряк капитан-лейтенант Владимир Георгиевич Реданский писал:

«Есть имена людей, названия городов, кораблей, которые увековечены историей. Кому не известны мужественный «Варяг», революционный «Потемкин», легендарная «Аврора», ставшие символом воинской и революционной доблести, беспримерного подвига, отваги и стойкости?»

В одном строю с этими кораблями достойное место занимает ледокольный пароход «Сибиряков». Его поистине можно назвать «Полярным Варягом». Но, к сожалению, еще очень мало рассказано в печати о подвиге его экипажа, совершенном в годы Великой Отечественной войны».

Реданский сообщил вкратце все, что знал об этом событии, о людях, оставшихся в живых, и посоветовал: «Хорошо бы разыскать мужественных сибиряковцев и воздать им должное».

Письмо моряка заинтересовало редакцию. А почему бы действительно не попытаться найти этих людей? Ведь по их воспоминаниям можно воссоздать еще одну героическую страницу истории. Так, с командировок, бесед с людьми, которые имели отношение к памятным событиям, с поисков архивных документов началась работа над повестью. Откровенно говоря, о повести вначале никто не думал. Цель, которую ставили авторы, была скромной: узнать как можно больше о «Сибирякове» и сибиряковцах и подготовить для газеты подробный материал.

Были известны фамилии оставшихся в живых членов экипажа. Но где они сейчас? Естественно, что прежде всего нужно было постараться найти капитана Анатолия Алексеевича Качараву. К счастью, это не составило особого труда. Качарава среди моряков человек известный. Из Мурманского арктического пароходства, куда был послан запрос, быстро сообщили: после войны Качарава плавал на ледокольном пароходе «Леваневский», потом на дизель-электроходе «Байкал», а в настоящее время командует пароходом «Тбилиси». Не так-то просто оказалось встретиться с моряком: он находился в плавании.

— Увидеться с Качаровой сможете лишь недели через две, — известили работники Министерства морского флота.

В начале апреля в латвийском порту Лиепая мы с нетерпением ждали корабль, возвращавшийся из Франции.

— Вам нужен «Тбилиси»? — полюбопытствовали портовики. — Вот видите, черная громада у дальнего причала. Это он и есть, только что подошел.

Рабочие объяснили, как пройти на корабль, и рассказали:

— Во время войны вражеская торпеда ударила в середину корпуса, и пароход раскололся на две части. Однако стальной гигант не погиб: искусные судостроители сумели «спаять» половинки, и теперь он снова бороздит моря и океаны.

Услышав это, мы с удвоенным интересом поспешили к кораблю.

И вот причал. Просим разрешения подняться на борт.

— Повремените немного, всего несколько минут, — отвечают.

Несколько минут вылились в добрый час. Впрочем, это не трудно понять: у моряков, вернувшихся из плавания, много забот. Судно доставило из Франции партию электровозов. К «Тбилиси» медленно приближается огромный плавучий кран. Сейчас начнется выгрузка.

Наконец нас окликнули, провели в просторную каюту. Навстречу поднялся высокий стройный человек лет пятидесяти, с большими карими глазами. Черные волосы чуть подернула седина, левая рука неподвижна — следы войны. Вот он какой, капитан Качарава!

Заложив левую руку за спину, Анатолий Алексеевич медленно прохаживается по каюте и рассказывает сначала сдержанно и спокойно, а потом все более загораясь. Нет, не может капитан без волнения вспоминать о тех днях.

Мы слышим подробности беспримерного боя маленького ледокола с грозным фашистским линкором, узнаем, как погибли комиссар Элимелак и Де-

душка — Бочурко, как достойно вела себя в плену захваченная врагом горсточка оставшихся в живых сибиряковцев. В блокнотах появляются фамилии людей: и тех, кто, пройдя все испытания, вернулся на Родину, и тех, кто погиб в сражении, в плену.

Конечно, капитан не может припомнить всего, многие детали забыты — ведь прошло столько лет. Не беда, пробелы восполняют встречи с другими сибиряковцами. Условившись с Качаравой о скором свидании, спешим в Ригу.

Времени в обрез. В порту сообщают, что ледокол «Капитан Воронин» скоро уходит, а он нас и интересуется. Поднимаемся на борт. Все здесь сверкает удивительной чистотой. Высокий, богатырского сложения человек водит нас по «этажам», с гордостью показывая замечательный корабль. Великолепные каюты, салоны, лаборатории. И все это создано для того, чтобы скрасить полярникам долгие месяцы странствований в суровых арктических морях.

Наш хозяин беззаветно любит свой плавучий дворец. Он здесь дома и ходит в мягких шлепанцах, словно опасаясь поцарапать паркет в салонах и коридорах. Но мы знаем: этот человек в нужную минуту наденет высокие сапоги с отворотами и покажет пример другим в самой тяжелой работе.

Читатель, наверно, догадался — мы в гостях у боцмана Андрея Тихоновича Павловского, того самого, что вынес с горящего «Сибирякова» капитана и парторга.

Могучий солоубалец говорит густым басом, медленно, спокойно. Он, как и Качарава, начал свой рассказ словами: «Случилось это в августе сорок второго». А потом картины подвига одна ярче другой встали перед нами. Записываем новые сообщения о схватке с «Шеером», о походах в Белом море, о смелости и удивительной выдержке капитана Качаравы, о попытке захвата норвежского судна, о зуйке Юре Прошине, о прекрасной душе и мужественном сердце веселого русского парня комсомольца Анатолия Шаршавина.

Как мало времени! Гудок возвещает, что пора на берег. Прощаемся, желаем Андрею Тихоновичу счастливое плавание. В тот день «Капитан Воронин» покидал порт, чтобы встретить в море атомоход «Ленин» и сопровождать его в первом большом рейсе до Мурманска. Оттуда флагманский ледокол советского арктического флота отправится в океан на ледовое крещение.

И вот уже на самолете мчимся в Ленинград. По телефону договорились о встрече с бывшим парт-оргом «Сибирякова» Михаилом Федоровичем Сараевым. Он работает сейчас заместителем директора Малого драматического театра.

Выглядит Сараев хорошо. Это настоящий атлет. Какой же нужно иметь железный организм, чтобы перенести столько мучений и остаться таким крепышом!

— Здоровье досталось мне в наследство от предков, — говорил Михаил Федорович. — На Волге слыли силачами. Отец запросто подковы гнул. Ну, и спорт, конечно. До войны я очень им увлекался и сейчас не сажусь завтракать, не сделав гимнастики. Как видите, помогает.

Большие светлые глаза Сараева смотрят ясно, открыто. Как они меняются во время рассказа! То видишь в них огонь отваги, то гнев, то тихую грусть. Верно говорят: глаза — зеркало души. Михаил Федорович называет фамилии людей, которые еще не значатся в нашем списке. Он говорит, что жив и здоров Иван Алексеев. Но вот адреса нет.

Новые записи, новые впечатления. Их много. События, о которых нам рассказали, настолько захватывающие, яркие и значительные, что приходит убеждение: в очерке всего не передать. Надо работать дальше и упорно искать новых очевидцев, новые документы, а уж потом браться за работу и, конечно, рассказывать подробно, все от начала до конца.

Так мы оказались в Архангельске. Там снова ждем возвращения корабля. На этот раз встречаем ледокол «Капитан Мелихов». По сходням спускается среднего роста сухопарый человек с тонким орлиным носом.

Вместе с Павлом Ивановичем Вавиловым едем к нему домой, где его с нетерпением ждут супруга, дочка Евгения и Ольга и еще маленькая внучка.

Не без волнения вспоминал бывший кочегар «Сибирякова» дни, проведенные на необитаемом острове, затерянном среди холодных волн Карского моря.

Как раз в ту пору, когда мы с ним увиделись, газеты писали о четырех отважных советских воинах, сорок девять дней борющихся с океаном. Вавилов восхищен их стойкостью.

— Вот это люди! — говорит он. — Ведь сорок девять дней. Шутка ли!

Мы напоминаем Павлу Ивановичу:

— А Белуха?

Он смеется:

— Это не сравнишь. Ведь они были без руля и без ветрил в чужом море, а я на своей, советской земле. Что бы там ни было, а никогда не отказывался от мысли: спасут, обязательно спасут.

Когда Вавилова сняли с острова, он, как и другие полярники, считал, что сибиряковцы погибли все до единого и в живых остался лишь он. И вот...

Это было после войны. Павел Иванович, вернувшись из дальнего рейса, спешил с парохода. Вдруг в порту его остановил какой-то высокий худой человек. Глянул Вавилов — и обмер, слова застыли в горле. Так, молча, он и бросился в объятия... Качаравы.

Кстати, и товарищи не знали, что Вавилов жив, и, вернувшись на Родину, с радостью зачислили в свой «экипаж» еще одного человека. Их стало четырнадцать. Но так было сразу после окончания войны. А сейчас... Сейчас их меньше. В 1946 году умер Иван Замятин — сказались былые раны. А еще через два года погиб в авиационной катастрофе на Севере гидролог Анатолий Золотов. Вернувшись на Родину, он снова избрал местом работы дорогую сердцу Арктику. Трагический случай оборвал жизнь этого чудесного человека, беспредельно преданного своему делу. В 1950 году экипаж потерял еще одного своего товарища — Ивана Котлова. Он умер в Ар-

хангельске. Здоровье моряка было подорвано суровыми испытаниями, перенесенными в фашистском плену.

Итак, теперь предстояло искать еще семь человек: Николая Скворцова, Серафима Герегу, Федора Седунова и четырех Иванов — Алексеева, Тарбаева, Калянова и Копытова. Где они? Жизнь раскидала людей в разные концы страны. Те, с кем мы уже встречались, высказывали разные предположения. Говорили, что Герегу встречали в Игарке, а Калянова в Тикси, вот и все сведения. Так уж случилось, что в послевоенные годы сибиряковцы не имели возможности собраться вместе. Не простое дело съехаться сразу морякам и полярникам: арктические станции разбросаны по всему Северу, корабли всегда в пути...

А как мало мы еще знали о тех, кто погиб вместе с легендарным ледоколом! Их имена стали известными лишь из рассказов Качаравы, Сараева, Павловского и Вавилова. Причем нас предупреждали: фамилии могут быть искажены, только на память надеяться нельзя, надо все проверить. Но где, как?

Вот если бы удалось найти судовую роль — список команды судна. Увы ее не сохранилось в архиве пароходства. Так и уехали из Архангельска, не надеясь, что она когда-нибудь попадет в наши руки. Однако у авторов с каждым днем появлялось все больше помощников. Одним из них стал архангельский корреспондент «Советской России» Игорь Брагин.

— Поезжайте, — успокаивал он, — а я буду продолжать розыски.

И Брагин не подвел. Через две недели от него пришло письмо, к которому была приложена копия с судовой роли ледокольного парохода «Сибиряков», составленной накануне последнего рейса в Арктику. Каким-то чудом она сохранилась в областном партийном архиве. Теперь были точно известны имена, фамилии, год рождения, должности моряков, но, увы, только моряков. В списке не было ни военных связистов, ни артиллеристов, ни пассажиров-полярников.

Выход был один — выступить в газете с тем, что было известно, и просить помощи у читателей.

Прежде чем писать, решили повидаться со всеми, кто в той или иной степени имел отношение к памятным событиям. Как было известно, после боя с «Сибиряковым» фашистский линкор появился у берегов острова Диксон. На нем гитлеровцы хотели выместить свою злобу за провал операции. Маленький советский гарнизон дал врагу достойный отпор.

Начальником штаба морских операций на Диксоне в ту пору был Николай Александрович Еремеев. Навели справки. Оказалось, что сейчас он руководит отделом морских арктических операций Главсевморпути.

— Этот человек, — сказали нам, — живая энциклопедия. Советский Север — его стихия. Вряд ли кто сможет рассказать столько, сколько он.

После первой же встречи с Николаем Александровичем мы убедились в точности характеристики, которую ему дали сослуживцы. Он терпеливо отвечал на наши бесконечные вопросы. Ответы его отличались безукоризненной точностью и ясностью, все сразу становилось понятным.

Еремеев отлично знал «Сибирякова», в свое время даже ходил на нем. Хорошо помнил Николай Александрович и людей из экипажа ледокольного парохода: Золотова, Черноус, Элимелаха и многих других. С Качаровой не раз встречался и после войны. Воспоминания Еремеева очень помогли нам. Он разыскал в архивах точный текст телеграмм, переданных Шаршавиным на Диксон после встречи с «Шеером», подробно рассказал о бое Диксона с фашистским рейдером. И, наконец, подсказал адреса, где могут оказаться материалы, содержащие подробности операции «Вундерланд».

Нас поразили многие из этих документов. Враги не могли не оценить мужества экипажа маленького советского судна. Что стоит одна короткая запись в судовом журнале гитлеровского крейсера: «Шеер» вступил в бой с «Сибиряковым». Подумать только — «вступил в бой»! Грозный военный корабль, закованный в броню, способный один выдержать натиск

эскадры, всю мощь своей артиллерии обрушил на крохотный беззащитный пароход, и это называется «вступил в бой».

Документальная повесть о подвиге советского ле-докола обростала новыми фактами. Подробности того, как был снят со скалы кочегар Павел Вавилов, рассказал известный полярный летчик Герой Советского Союза Иван Иванович Черевичный. Несколько вечеров мы провели в интересных беседах с его знаменитым коллегой, тоже Героем Советского Союза, Ильей Павловичем Мазуруком. В годы войны Илья Павлович руководил полярной авиацией, он хорошо знал обстановку на Севере того времени, сам был очевидцем многих событий, участником ответственных полетов полярных операций.

Тем временем на всякий случай были отправлены телеграммы и письма в Тикси и Игарку. И еще до одного из сибиряковцев дошла наша весточка. Калянов отозвался. Иван Ефимович работает теперь в техническом отделе порта Тикси. Он прислал свою фотографию, воспоминания.

Итак, в нашем активе теперь находилось пять живых сибиряковцев и около десяти человек, которые имели отношение к памятным событиям. Нити, по которым можно было бы искать остальных шестерых человек, оказались оборванными. Ну что ж, эти люди, возможно, откликнутся, когда повесть будет опубликована, решили мы. Так впоследствии и случилось.

Но и во время работы над повестью нередко приходилось делать добавления и поправки в уже написанные главы. Из Архангельска Брагин сообщил, что нашел семью Петра Гайдо. Вскоре он прислал фотографию. На ней были двое, кто второй — родные радиста не помнили. Как узнать, у кого спросить? Качарава, Павловский и Вавилов находились в море, Калянов — в Тикси, не сразу до него доберешься. Не оказалось в это время в Ленинграде и Сараева. А снимок очень хотелось опубликовать. В нашем распоряжении тогда было немного иллюстраций. Пришлось ждать, отложив фотографию до лучших времен.

К середине мая был, наконец, готов первый, краткий вариант повести. Хотелось во что бы то ни стало показать его кому-либо из сибиряковцев. Нам посчастливилось. Анатолий Качарава прислал коротенькую, но очень обрадовавшую телеграмму: «Скоро буду Ленинграде, простою несколько дней». Удалось выхлопотать ему в Министерстве морского флота разрешение на два дня выехать в Москву. Они ушли на чтение повести. Качарава внес поправки, подсказал дополнения.

Никто из сибиряковцев не мог точно назвать фамилию командира артиллеристов. Все хорошо помнили, как героически вел себя во время боя младший лейтенант, какой он был веселый и хороший человек, но вот имя и фамилию никто не называл точно. Было много различных вариантов. И как потом выяснилось, ближе всех к истине был капитан. Он назвал офицера Ничипоренко.

Когда читка рукописей подходила к концу, Качарава вдруг вспомнил:

— Есть одна возможность уточнить фамилию артиллериста. Как я раньше не подумал? Ведь у него была невеста, Галина Коренева, я несколько раз встречал ее в Архангельске, в пароходстве, разговаривал с ней. Если вам удастся ее найти...

Через три дня состоялся телефонный разговор с Галиной Степановной. Ну, конечно же, она точно помнила все о дорогом ее сердцу человеке.

— Никифоренко, Семен, — ответила она. — После его возвращения из плавания мы думали сыграть свадьбу.

У Галины Степановны сохранилась фотография героя, она прислала ее.

Кстати, Качарава расшифровал снимок, присланный Брагиным. Рядом с Гайдо был кочегар Николай Матвеев, тот самый, который метнул в гитлеровца топор во время пленения моряков и получил за это автоматную очередь.

Первый этап розысков сибиряковцев закончился. В июне краткий вариант документальной повести «Сказание о «Сибирякове» был опубликован в газете «Советская Россия».

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРИНОСИТ НОВОСТИ

ПИСЬМА, открытки, телеграммы. Они начали поступать в редакцию газеты еще до того дня, когда были напечатаны последние главы повести. Москвичи, понятно, пользовались телефоном. Каждый день приносил новые известия. Писали и звонили разные люди: и те, которым было что-

либо известно о «Сибирякове» и сибиряковцах, о Диксоне и его защитниках, и те, кто просто хотел выразить героям свое восхищение — пожелать им успехов в работе, долгих лет жизни. Откликались родные и близкие погибших моряков: матери, жены, дети. С ними завязалась переписка, мы просили рассказать биографии сибиряковцев, прислать их фотографии, последние письма. Вскоре начали приходить ответы. Все это дало возможность полнее представить себе образы людей, их внешность, характеры, интересы. Так начался второй этап работы над повестью.

С нетерпением ждали мы, когда подадут о себе знать шестеро сибиряковцев, разыскать которых ранее не удалось. И вот примерно через месяц...

Это был ничем не примечательный голубой конверт, каких много приносит редакционная почта. Обратный адрес: Псковская область, Порховский район, деревня Щерепицы, И. А. Алексееву. На листочках из ученической тетрадки твердая рука крупным почерком вывела: «от Алексева Ивана Алексеевича, бывшего старшины сигнальщиков на ледоколе «А. Сибиряков». Далее следует взволнованный рассказ:

«Знали бы вы, как сильно забилося сердце, когда мне в руки попала газета с повестью о нашем родном корабле! Случилось это на работе. Товарищи, видимо заметив мое волнение, спросили:

— Что, Иван, в газете вычитал?

Не сразу я им ответил. А когда сказал, что сам участвовал в бою с фашистским пиратом, окружили

меня товарищи: «Расскажи!» И рассказал я им все, что помнил, от начала и до конца». В заключение Алексеев просил передать сердечный привет своим боевым друзьям, сказать им, что он «в добром здравии, работает в колхозе имени Мичурина, живет в достатке».

Итак, оставалось найти еще пятерых. А пока послали письмо Алексееву, просили вспомнить все, рассказать о мытарствах в фашистском плену, о польских друзьях, что помогали ему во время побегов из концлагерей. Кстати, до письма от Алексеева нам не было известно, что гитлеровцы оторвали его от товарищей, что ему пришлось прокладывать путь на Родину уже с другой группой пленных. Годы многое стерли в памяти его боевых друзей, забыли они сказать нам об этом. И, только получив второе письмо от Ивана Алексеевича, удалось восстановить истину. Так была написана глава «Василек». Появились еще два человека, которых очень хотелось бы разыскать. Это поляк Алекс, который помог советским военнопленным вырваться из лап гитлеровских карателей, и русская девушка Катя Крючкова. Как знать, может быть, и они найдутся?

Бывший старшина сигнальщиков сообщил имена своих подчиненных, погибших на «Сибирякове». Особенно хотелось нам узнать фамилию комсомольца, поднявшего на мачте горящего ледокола флаг Родины, сорванный разрывом вражеского снаряда. Александр Новиков — так звали бесстрашного русского парня. Подвиг человека на мачте видели все, но никто не знал точно, кто это был.

Как много важных фактов принесла нам переписка с одним только Иваном Алексеевичем! Но должны же откликнуться и остальные.

И вот, наконец, пришла весточка от тезки Алексева — матроса Ивана Григорьевича Тарбаева. Работает он сейчас лесорубом в Устьянском районе Архангельской области. Иван Григорьевич благодарил, что ему помогли разыскать товарищей, «...о которых я очень часто вспоминал дома, но не знал, где они, что делают. Желаю им всем, — писал Тарбаев, — счастья в жизни и успехов в труде во имя

нашего светлого будущего. И пусть господа империалисты не грозятся войной. Нас не запугаешь, кулак у нас увесистый». Тарбаев, прочитавший в газете повесть, тоже внес свои дополнения, уточнил детали многих событий.

Первые сведения о том, что жив и здоров Иван Копытов, пришли из Сибири. «Спешим сообщить, — писал нам заместитель начальника цеха завода «Сибтяжмаш» Р. Меркер, — что Иван Копытов работает у нас сталеваром. Скоро он уйдет на заслуженную пенсию. Наш цеховой фотолюбитель старший мастер Путенко сфотографировал на днях товарища Копытова. Снимок мы вам посылаем». Так наладилась связь еще с одним из сибиряковцев.

С нетерпением ждали новых сообщений. В конце июня раздался телефонный звонок. Старый полярник С. Л. Гезин рассказал, что, по дошедшим до него сведениям, Серафим Гергега работает прорабом в «Игаркстрое». В тот же день в Игарку полетела телеграмма. Ответ не заставил себя ждать. Однако откликнулся не сам сибиряковец, а его товарищи: «Ваша телеграмма Серафиму Гергеге не вручена, он в Красноярске». Но и эта весть очень обрадовала: еще один из героев жив и здоров. Теперь мы не сомневались, что вскоре найдем его самого. Так и случилось. Через два дня пришло письмо из Емельяновского района Красноярского края. Начальник эксплуатации автотранспортного хозяйства стекольного завода Ю. А. Костенко сообщал: «Разыскиваемый вами Серафим Гергега работает у нас вахтером. Он живет в поселке «Памяти 13 борцов» на улице Гурского, 12».

Не успели поблагодарить товарища Костенко и отправить телеграмму Серафиму Зосимовичу, как получили новое письмо. Красноярский журналист Александр Задунов уже побывал у Гергеги и прислал статью и фотографии сибиряковца.

Мы узнали, что в августе 1959 года по совету врачей Серафим Зосимович распрощался с Заполярьем и переехал на юг Красноярского края. В поселке «Памяти 13 борцов» он купил домик, но усидеть в нем не мог — пошел работать.

Наш красноярский коллега побеседовал с Геремой, узнал от него некоторые подробности, которые нам были не известны, рассказал, как вернулся сибиряковец домой и снова стал работать в Заполярье.

Уже после войны четырнадцать лет работал Серафим Зосимович на Крайнем Севере. Он строил дома на Таймыре, на шахтах и зимовках Хатангского района, на Земле Франца Иосифа. В Игарке ему довелось встретиться с капитаном Качаровой, боцманом Павловским. А однажды увидел гидролога Золотова. Не знал тогда Серафим Зосимович, что Анатолия Золотова обнимает в последний раз. Об остальных своих товарищах Герема узнал только из газеты.

А как же случилось, что в коллективе автохозяйства, где Серафим Зосимович работает с сентября 1959 года, никто не знал о его подвиге? Да просто об этом никогда не было разговора.

Весть о героизме сибиряковцев пришла в поселок «Памяти 13 борцов» так. Инженер автобазы Анатолий Андреевич Рудняк принес домой газету «Советская Россия». Повесть прочитала его супруга — Татьяна Александровна. Встретила фамилию Герема.

— Да это же наш сосед, — сказала она мужу.

Решили проверить. Только тогда Серафим Зосимович и признался, что действительно был участником беспримерного сражения. Начались расспросы. Так товарищи по работе впервые узнали о том, что в их коллективе трудится такой замечательный человек.

Подвиг не забывается. О нем все равно узнают люди. И если о многих подвигах становится известно не сразу, а лишь через долгие годы, то, очевидно, потому, что герои, как правило, не хвастливы. Они не бьют себя в грудь, не напоминают о том, что сделали. Но порой, посадив на колени детей или внучат, расскажут им вдруг такое, от чего гордостью наполнится сердце.

Дети Серафима Зосимовича стали взрослыми. Дочь Надежда — инженер-проектировщик лесных дорог, Вера окончила медицинский институт. Хорошим производственным сыном славится сын Иван. У него двое ребят, Валерий и Надя. Они любят гостить у де-

душки и бабушки. Нет для них ничего интересней, как, усевшись рядом с дедом, слушать рассказы о его странствиях по Заполярью, посмотреть фотографии из старого семейного альбома.

К этому времени стали нам известны биографии многих сибиряковцев. Из села Емец Архангельской области прислала письмо сестра вожака комсомольцев «Сибирякова» шифровальщика Миши Кузнецова. Анастасия Васильевна сообщила, что он погиб, когда ему шел двадцать восьмой год. Нет, не случайно молодежь корабля выбрала Михаила своим секретарем. Это был энергичный человек. После окончания средней школы Кузнецов пошел в педагогическое училище, потом работал преподавателем, инспектором Емецкого районного отдела народного образования. Действительную военную службу проходил в Черноморском флоте. А когда вернулся домой, его назначили инструктором Емецкого райкома партии. Оттуда он и был мобилизован.

«С юных лет Миша был страстным комсомольцем, — пишет Анастасия Васильевна, — до сих пор его здесь помнят как хорошего, отзывчивого товарища».

Трогательны воспоминания о погибшем сыне и его друзьях Елизаветы Александровны Прошиной. Она рассказала, каким чутким и нежным был Юра. Прошина хорошо знала Николая Григорьевича Бочурко, семью третьего штурмана «Сибирякова» Павла Иванова. После войны в северном порту мыс Ильи ей привелось встретиться с Иваном Замятым, который и поведал ей о том, как погиб Юра — «Младен — большие глаза», самый молодой член экипажа. Случайно уцелела его фотография.

«Это последние снимки перед уходом в рейс, — пишет Елизавета Александровна, — квартиру нашу разбила немецкая фугаска, и я в земле нашла единственное уцелевшее письмо от сына, причем последнее, и вот эту фотографию».

О том, как была освобождена из плена колонна обреченных на смерть людей из лагеря Штутгов, рассказал в письме Яков Герасимович Гришков. Читатель, наверно, помнит, что среди заключенных в этой

колонне находился капитан «Сибирякова» Анатолий Алексеевич Качарава.

«Это было ранней весной 1945 года, — пишет Я. Г. Гришков. — Наши войска (в том числе и 1-я Гвардейская танковая армия, в которой я служил) прижали гитлеровцев к Балтийскому морю в районе Данцига и Гдыни. На одном из первых танков («Т-34») я вошел в прорыв и мчался по дороге. Тут стали нам встречаться на обочинах шоссе трупы людей в полосатой одежде. Догадались: где-то впереди движется колонна пленных. Прибавили газу. Дальше все было так, как рассказывается в газете. Еще одна деталь.

Вечером в населенном пункте (название уже не припомню) снова встретился с освобожденными из плена товарищами. Среди них было много больных. Устроили лазарет. К счастью, в деревне нашелся польский врач, у которого была целая аптека. Он оказал больным первую помощь.

Потом группа бывших узников пригласила меня к себе. В небольшой комнате сервировали стол, очень скромно, конечно. Все были взволнованы, у многих на щеках сверкали слезы. Товарищи рассказали об ужасах фашистского лагеря Штутгов. Тысячи людей погибли там от голода, болезней, расстрелов. Но, несмотря ни на что, в лагере шла борьба, действовал подпольный штаб.

Среди товарищей находился капитан погибшего ледокола «Сибиряков», худой, чернявый. Видимо, это и был Анатолий Алексеевич Качарава, о котором рассказано в газете».

Героически погибли комиссар «Сибирякова» Зелик Абрамович Элимелак и старший механик Николай Григорьевич Бочурко, открывший кингстоны. Хотелось побольше узнать об этих замечательных людях, отыскать их фотографии.

И вот раздался телефонный звонок. С нами разговаривала Мария Петровна Бочурко — жена отважного сибиряковца. Она сообщила, что у нее сохранилось много фотографий мужа и есть одна, где он снят вместе с Элимелахом. Снимок был сделан незадолго до гибели.

На другой же день Мария Петровна приехала к нам в редакцию.

— Николай Григорьевич родился в Белоруссии, в семье железнодорожного мастера, — рассказала она. — Отец его, Григорий Романович, хотел, чтобы сын стал горным инженером, послал его учиться. Но вышло иначе: Николая звало море. Юноша уехал в Архангельск и поступил кочегаром на пароход. Старшим механиком Бочурко стал, пройдя все судовые технические специальности: он был машинистом, четвертым, а затем третьим и вторым механиком. Без отрыва от работы защитил диплом инженера. Любил он своего «Сибирякова», его старую машину. Так любил, что, признаюсь, ревновала я Николая Григорьевича к ней. Бывало, даже дома только и разговоров, что о родном корабле, о машине, о друзьях-товарищах. А их у Бочурко было много.

Мария Петровна рассказала, что в последние годы крепкая мужская дружба связывала Николая Григорьевича с Элимелахом. Она хорошо помнит этого живого, энергичного человека, всегда внимательного и чуткого. Зелик Абрамович был частым гостем в их доме. За два месяца до гибели «Сибирякова» кто-то из сослуживцев сфотографировал друзей на палубе корабля. Этот снимок Мария Петровна особенно берегла.

Чем больше людей включалось в работу, тем отчетливее вырисовывались характеры сибиряковцев. Порой начинало казаться, что мы сами встречались с героями, знали их лично. Нам хотелось быть скрупулезно точными в своем рассказе, но иногда мы поступали так, как подсказывало сердце.

Элимелак! Мы знали его на корабле. Но вот появилась Мария Петровна Бочурко и раскрыла его в ином свете, где на первом плане были уже не служебные качества, а духовная красота, чуткость и удивительная сердечность комиссара. Мы получили письмо от его брата Давида. Узнали новые данные из биографии Зелика Абрамовича. В 1927 году он окончил в Гомеле школу металлистов, уехал в Керчь, работал на заводе. Потом был в Николаеве секретарем комсомольской организации школы морских лет-

чиков. В 1930 году Элимелах переехал в Москву, там закончил партийную школу и затем стал заместителем по политической части ледокольного парохода «А. Сибиряков».

Из письма Д. А. Элимелаха стало известно о телеграмме, отправленной им брату в Архангельск, о трагической гибели матери, расстрелянной фашистами в белорусском местечке Носовичи.

После опубликования в газете рассказа о «Сибирякове» значительно пополнился альбом фотографий героев. Теперь мы имели портреты большинства основных действующих лиц.

Очень обрадовало письмо В. Ф. Самарина. Он прислал несколько любительских фотографий отважного радиста Анатолия Шаршавина, с которым Самарин служил на полярной станции в Тикси. «Анатолий был веселый, деятельный парень, душа наших комсомольцев, — вспоминает полярник. — Таким он и остался в наших сердцах навсегда».

Приходили новые сведения и о ледоколе. «А знаете ли вы, как наш «Сибиряков» помогал молодой Советской республике в годы ее становления? — писал бывший кочегар ледокольного парохода Степан Ильич Рубцов. — Ходили мы на нем из Архангельска в голодном двадцатом году. Таскал за собой «Сибиряков» на буксире четырехмачтовый парусник — угля-то не хватало».

А вот с нами заговорили те, кто шел проливом Вилькицкого в караване судов.

«...Пишу вам и очень волнуюсь. Это понятно.

Я один из тех, которые своей жизнью, счастьем строить великое будущее нашей страны обязаны отважным сибиряковцам. Это они прикрыли нас своей грудью, приняв неравный бой с гитлеровским линкором «Адмирал Шеер».

Работал я тогда машинистом на пароходе «Комсомолец Арктики», который в числе других судов каравана шел на восток. Хорошо помню день 25 августа 1942 года, когда была получена тревожная радиogramма и «Красин» повел нас во льды проливом Вилькицкого. Мы не знали тогда всех подробностей,

но восхищались стойкостью и мужеством товарищей, принявших неравный, жестокий бой с врагом. В моем сердце навсегда сохранятся имена Элимелаха, Бочурко, Шаршавина, Качаравы, Сараева и других героев с «Сибирякова». Спасибо им.

И. В. Русинов, научный сотрудник
института экономики Академии наук СССР».

Слова восхищения, благодарности сибиряковцам шлет матрос с парохода «Дежнев» В. Коробичин, полярницы Е. Чупилко и М. Старидворская и многие, многие другие.

Бывший заместитель политрука теплохода «Двина» П. Филев, ныне директор Тотемского маслозавода Вологодской области, рассказал о походе советских судов без конвоя в Америку. Он-то и поведал историю удивительного рейса «Двины» в Нью-Йорк с деревянными пушками.

Многие читатели сообщают подробности о бое, который вели с «Шеером» полярники Диксона. В большинстве своем это участники памятного сражения. «Мы мстили за «Сибирякова», — пишет бывший матрос Н. Русанов. — И хоть силы наши не могли сравняться с огневой мощью врага, мы его все-таки пересилили: «Шеер» бежал». Письма подобного содержания прислали бывший артиллерист батареи С. Майоров, работник политотдела К. Алексеев, бывший моряк Р. Левитин. Их рассказы помогли нам полнее воссоздать картину боя маленького полярного порта с морским пиратом.

На ледокольном пароходе «Дежнев» среди других моряков сражался и был ранен матрос Гурген Тонунц. И он откликнулся, прислал письмо. Сейчас Гурген Оганесович — известный советский киноартист. Тот самый, который сыграл Насреддина в фильме «Насреддин в Ходженте», роль Камо в кинокартине «Лично известен». Встретиться с киноартистом оказалось делом не простым. Он то был на съемках, то выезжал из Москвы с гастролями. Встреча с Гургеном Оганесовичем состоялась в дни, когда дописывались эти последние страницы. Так удалось узнать о том, что происходило на «Дежневе»

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
-----------------------	---

Часть первая

Ледокол-воин

Белое море	5
Ученик машиниста	15
Поморский сказ	21
Испытание характеров	30
Ледовый рейс	44

Часть вторая

Полярный «Варяг»

Скала в студеном море	55
Глубокий тыл	60
Дым на горизонте	68
Восьмые сутки	74
Пират снимает маску	80
«Сибиряков» идет в атаку	87
В огне	92
Крах операции «Вундерланд»	103
В ночь на двадцать седьмое	108
Узники «Шеера»	116
Спасение пришло	122
Первый концлагерь	128

Часть третья

Дорога к дому

Искра надежды	134
Снова за колючей проволокой	142
Василек	150
«Экипаж «Сибирякова» следует на Родину!»	161

Часть четвертая

По следам героев

Встречаем корабли	169
Каждый день приносит новости	179

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании и оформлении книги, а также пожелания авторам и издательству.

Укажите ваш адрес и возраст.

Пишите по адресу: Москва, А-55, Сущевская ул., 21. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

*Новиков Лев Александрович,
Тараданкин Александр Константинович*

СКАЗАНИЕ О «СИБИРЯКОВЕ»

Документальная повесть. М., «Молодая
гвардия», 1961. 192 с., вкл.

Редактор *А. Владимиров*
Оформление художника *А. Зайцева*
Худож. редактор *К. Аркуша*
Техн. редактор *В. Лубкова*

А04628. Подписано к печати 29/III 1961 г.
Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 6(9,84) + 4 вкл.
Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 115 000 экз.

Заказ 2636. Цена 46 коп.

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Суцевская, 21.

